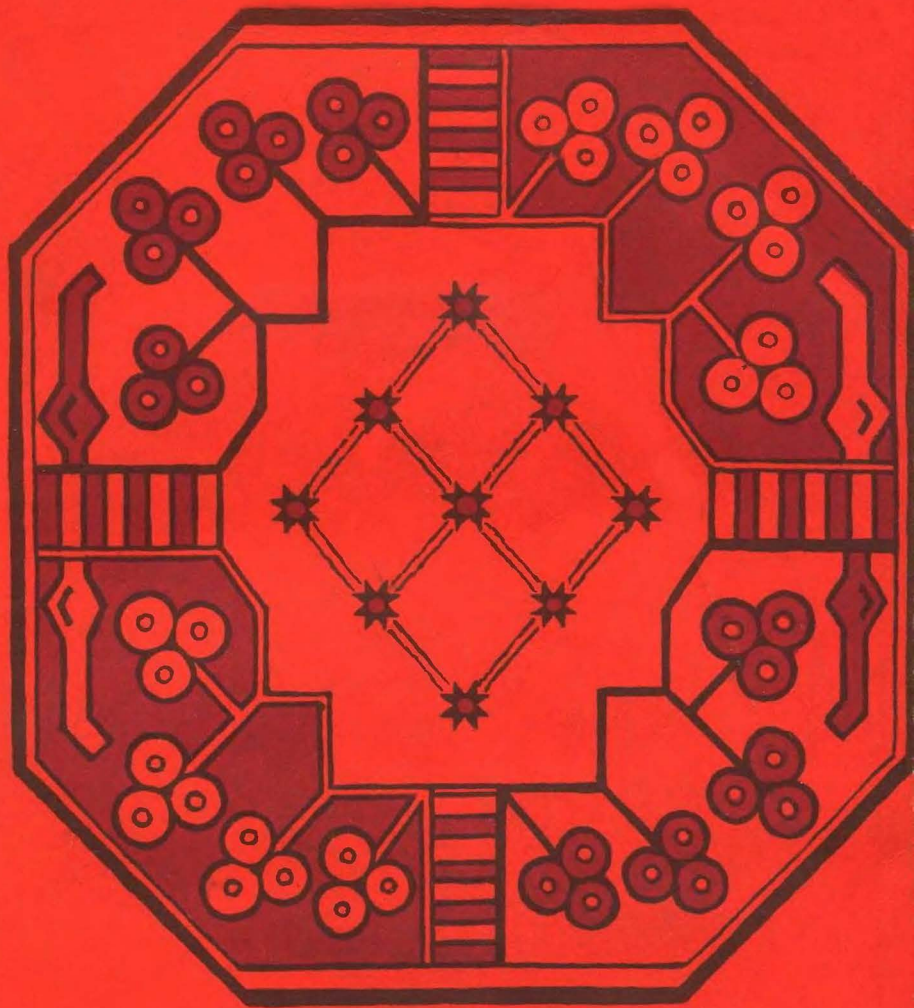
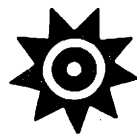

АФГАНСКИЕ

сказки и легенды

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

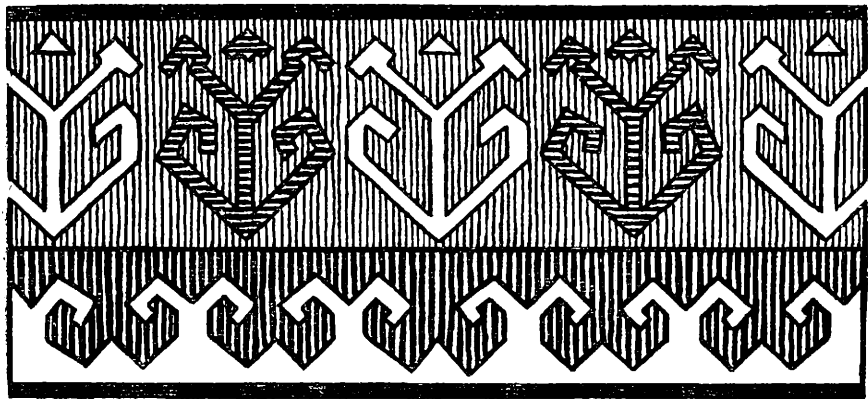
**сказки
и
мифы
народов
востока**

Издательство «Наука»

АФГАНСКИЕ

сказки и легенды

Перевод с пушту

Редакционная коллегия серии
«СКАЗКИ И МИФЫ НАРОДОВ ВОСТОКА»

И. С. БРАГИНСКИЙ, Е. М. МЕЛЕТИНСКИЙ, С. Ю. НЕКЛЮДОВ
(секретарь), Д. А. ОЛЬДЕРОГГЕ (председатель),
Э. В. ПОМЕРАНЦЕВА, Б. Л. РИФТИН, С. А. ТОКАРЕВ

Составление,
предисловие и примечания
К. А. ЛЕБЕДЕВА

Типологический анализ сюжетов и мотивов
А. А. ЯСКЕЛЯЙН

А94 **Афганские сказки и легенды.** Составление, предисловие и примечания К. А. Лебедева. Типологический анализ сюжетов и мотивов А. А. Яскеляйн. Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», М., 1972.

280 с. («Сказки и мифы народов Востока»).

Сборник афганского фольклора (переводы с пушту) включает волшебные и бытовые сказки, легенды и хикайты.

Сборник рассчитан на взрослого читателя.

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

У афганского народа в силу сложившихся исторических условий, долгого отсутствия письменной литературы на пушту и неравномерного развития ее особое место заняло устное народное творчество. Можно с уверенностью сказать, что в развитии национальной культуры афганцев фольклор не утратил значения и до сих пор, особенно если учесть, что грамотность среди народа и сейчас еще весьма невысока. Необходимо отметить также и такой значительный момент в культурной жизни Афганистана, как полное господство в письменной литературе до середины второй четверти XX в. языка дари (кабули).

Культура афганского народа, а следовательно, и устное народное творчество развивались в тесной взаимосвязи с культурой и фольклором соседних стран — Индии, Ирана и Средней Азии. В устном народном творчестве афганцев мы находим сюжеты, бытующие и в фольклоре других народов. Но фольклор, заимствуя сюжеты, перерабатывал их, придавал им национальные формы, присущий афганскому народу колорит. Так, например, сюжет афганской сказки «Мард ау намард» (о торжестве добра над злом) перекликается со сказками других народов: с персидской сказкой «Путный и непутный», казахской «О добром и злом», армянской «О двух товарищах», с грузинской сказкой «О двух братьях: добром и злом». Но персонажи, действующие в сказке, детали народного быта, национальный характер ясно показывают, что перед нами подлинно афганская сказка.

Говоря об общности сюжета сказок, нельзя не вспомнить замечательные слова М. Горького: «Едва ли возможно сомневаться в том, что процесс заимствования и дополнения древних сказок особенностями быта каждой расы, нации, каждого класса играл значительную роль в развитии культуры, разума и народного творчества.

Люди знакомятся с новыми вещами, не только непосредственно видя и осязая вещи, но и по рассказам о вещах»¹.

* * *

Первые сведения об афганском фольклоре проникли в Европу с появлением труда М. Эльфинстона «Описание Кабульского королевства...», который вышел в свет в Лондоне в 1815 г.² В этой книге приводятся краткие сведения по литературе и фольклору афганского народа. В ней дано, между прочим, изложение известной по всему Афганистану легенды «Адам-хап ау Дурханий».

Говоря о любви афганцев к сказке, М. Эльфинстон пишет: «После обеда они сидят и курят или собираются в круг рассказывать сказки и петь. Старики — большие мастера рассказывать. Сказки афганцев говорят о королях и везирах, о джиннах и феях, но главным образом о любви и войне. Они часто содержат песни и стихи и всегда заканчиваются правоучением. Афганцы наслаждаются этими сказками и песнями. Во время рассказа все сидит молча, а по окончании восклицают: „Э шаваш! (браво!)“ — этим они обычно выражают свое восхищение»³.

Интересный фольклорный материал по кругу Банну был собран и опубликован в Лондоне в 1876 г. С. Терберном⁴. В книге Терберна приведены баллады, загадки и пословицы.

Более систематичное и полное описание афганского фольклора содержится в книге Дж. Дармстетера «Народные песни афганцев», опубликованной в Париже в конце XIX в.⁵ Эта книга до сих пор сохраняет большое значение как одна из фундаментальных работ в области языка и фольклора афганцев. Часть книги Дармстетера переведена на пушту и издана в Афганистане в 1948 г.

В своей книге Дармстетер с достаточной полнотой освещает творчество народных певцов — думов, приводит материалы из устного народного творчества: загадки, пословицы, ландый (двустушия), колыбельные песни и заплачки. В книге опубликованы тексты на пушту с переводом на французский язык, снабженные комментариями.

В 1893 г. П. Хьюз издал в Лахоре сборник «Килид-и афгани»⁶. В нем помещено 49 хикайтов из книги «Ганджи-пахто» Маулави Ахмада.

¹ М. Горький, О сказках, М., 1953. Соч., т. 25, стр. 87.

² M. Elphinston, An Account of the Kingdom of Caubul and its Dependencies in Persia, Tartary and India etc, London, 1815.

³ Там же, стр. 236.

⁴ S. T. Thorburn, Bannu or our Afghan Frontier, London, 1876.

⁵ I. Darmesteter, Chants populaires des Afgans, Paris, 1888—1899.

⁶ П. Хьюз, Килид-и афгани, Лахор, 1893.

Вслед за Дармстетером в 1907 г. Хауелл в «Журнале Королевского азиатского общества» опубликовал несколько баллад на вазирском диалекте языка пушту.

В 1912 г. в «Записках Бенгальского азиатского общества» было напечатано десять афганских сказок на пушту с переводом на английский язык. Собраны и переведены эти сказки Ф. Мальоном⁷.

В 1926 г. Бойль издал небольшой «Сборник афганских пословиц и поговорок»⁸. Все пословицы (всего 323 пословицы и поговорки) даны в английской транскрипции с переводом их на английский язык.

Однако нужно отметить, что работы, появившиеся после труда Дармстетера, являются лишь сборниками тех или иных материалов по афганскому фольклору без какого-либо анализа этих материалов или комментариев к ним.

Вторая четверть XX в. характеризуется тем, что в самом Афганистане отдельные просветители начинают проявлять интерес к устному народному творчеству. Они приступают к изучению и сбору афганского фольклора. Постепенно в Афганистане разворачивается работа по собиранию фольклора. Афганские литераторы пишут статьи и целые труды, посвященные афганскому фольклору. Афганская академия «Пашто толына» начинает с 1940 г. издавать сборники афганских сказок, легенд, хикаятов, пословиц и песен.

В 1940 г. выходит в свет первый том сборника «Милли хиндара» (Народное зеркало), где напечатано семь популярных сказок и легенд. Через некоторое время появляется второй том сказок, в котором также помещено семь интересных сказок и легенд. Составитель этих сборников — Мухаммед-Гуль Нури. Появляются сборники пословиц и поговорок, хикаятов и народных песен. В 1940 г. печатается сборник пословиц «Паштани маталуна» (составители В. Змариалай и Аб. Тараки).

В ежегоднике «Кабул» за 1940—1941 гг. М.-Г. Нури опубликовал статью о «ландый». В этом же ежегоднике за 1942—1943 гг. М.-Г. Нури помещает статью под заглавием: «Дъ паштано пыр милли афсано йава катына» (Обзор афганских сказок), где дан анализ афганских сказок. В 1944 г. выходит из печати первый сборник народных песен афганцев «Милли сандыри» (составитель М.-Г. Нури).

В том же году Абдуррауф Бенава выпускает книгу «Паштани мермыни» (Афганские женщины), где в кратком изложении приведено содержание известных афганских сказок и легенд, а также сведения об их героях и героинях. В 1947 г. А. Бенава публикует работу «Чапд

⁷ F. H. Malyon, Some Current Pushtu Folk Stories, Calcutta, 1912.

⁸ C. A. Boyle, Naqluna. Some Pushtu Proverbs and sayings, Allachabad, 1926.

аханг-и пашто» (Несколько афганских мелодий). В 1948 г. появляется 1910 пословиц и поговорок. В 1952 г. выходит из печати сборник афганских рассказов «Пашто киссе», составленный С. Риштином и Г.-Р. Джараром. В 1955 г. издается первая часть сборника афганских народных песен «Паштани сандыри» под редакцией М. Д. Жвака.

В 1956 г. выходит в свет вторая часть сборника афганских народных песен «Паштани сандыри» под редакцией Мухаммеда Хасана — «Замир сапи». В 1966 г. академия «Пашто толына» выпустила сборник пословиц под редакцией М. Д. Жвака. В этом сборнике уже свыше 2 тыс. пословиц и поговорок.

Помимо этих изданий следует упомянуть статью А. Змариалая «Обзор афганской литературы», напечатанную в ежегоднике «Кабул» за 1937/38 г. В этой статье он приводит интересный материал по устному поэтическому творчеству афганского народа. В ней впервые публикуются записки, краткие сведения об афганских народных песнях. Необходимо назвать еще и статью Масумы Исмети в журнале «Кабул» (апрель 1955 г.) «Афганские народные мелодии». Все упомянутые выше работы насыщены фактическим материалом, который может служить основой для всестороннего, глубокого изучения афганского фольклора.

Первые сведения об афганском фольклоре в СССР появляются в 1927 г. в статье В. Пурецкого «Поэтическое творчество афганцев»⁹. Эта статья основана на материалах Дармстетера. В 1945 г. М. Г. Асланов пишет кандидатскую диссертацию по афганскому фольклору — это одна из первых специальных работ, посвященных устному народному творчеству афганцев. В диссертации М. Г. Асланова рассматриваются афганские сказки, песни, пословицы и поговорки, а в качестве иллюстраций даны переводы сказок, песен и пословиц на русский язык.

В 1946 г. Азиз Ниалло публикует небольшую статью «Заметки об афганской литературе», лишь бегло касающуюся фольклора¹⁰.

В 1947 г. появляется статья М. Г. Асланова «Афганский фольклор и его изучение в СССР»¹¹.

До 1955 г. широкая масса читателей Советского Союза не была знакома с образцами афганского фольклора. В конце этого года впервые на русском языке был опубликован сборник афганских сказок. В 1958 г. выходит в свет сборник «Сказки и стихи Афганистана». В том же году опубликована статья К. А. Лебедева «Афганская народная поэзия»¹².

⁹ «Новый мир», 1927, № 4.

¹⁰ «Звезда Востока», 1946, № 3.

¹¹ «Труды Московского института востоковедения», 1947, № 5, стр. 341—348.

¹² «Вопросы языка и литературы стран Востока», М., 1958, стр. 258—274.

В 1961 г. издается сборник афганских народных пословиц и поговорок в переводе на русский язык. В нем помещено около 1800 пословиц и поговорок.

* * *

В предлагаемый сборник включены сказки, которые еще не переводились на русский язык, а также варианты уже опубликованных (например, «Адам-хан и Дурханый», «Джамаль-хан и Зебниса»). Сказки «Влюбленный принц», «Пророк Ибрагим Халилулла», «Одержимый факир и шахская дочь», «Волшебный колодец», «Благородный муж и вероломная жена», «Славный юноша Гаус аль-Азам», «Джамаль-хан и Зебниса» даны в прозаическом переводе. Помимо сказок в сборник вошли так называемые хикайты — рассказы, анекдоты, без которых немислим ни один сборник афганских сказок. В них ярко проявляется народная мудрость, красота и сочность разговорного языка пушту. Для языковедов они являются бесценным источником для изучения языка нашего южного соседа — Афганистана.

При составлении данного сборника были использованы следующие источники:

1) сборник «Милли хиндара», ч. I—II, Кабул, 1940—1942 (сказки «Адам-хан и Дурханый», «Легенда о Талиб-джане», «Джаллат-хан и Шмайла», «Муса-джан и Вали-джан»);

2) сборник «Паштани сандыри», ч. II, Кабул, 1957 (сказки «Одержимый факир и шахская дочь», «Влюбленный принц», «Пророк Ибрагим Халилулла», «Славный юноша Гаус аль-Азам», «Благородный муж и вероломная жена», «Джамаль-хан и Зебниса», «Волшебный колодец»);

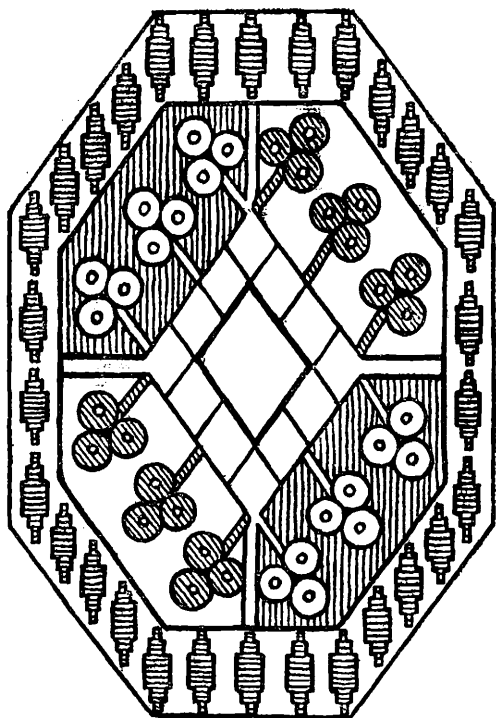
3) F. H. Malyon, Some Current Pushtu Folk Stories, Calcutta, 1912 (сказки «Человек и счастье», «Иносказание», «Рассказ о пророке Хизре, о женщине и о двух головах», «Беспутная жена», «Ним-Куни», «Дракон и царевич», «Факир», «Три брата и рубин», «Лепешки за совет», «Удивительная история»);

4) П. Хьюз, «Килид-и афгани», Лахор, 1893 (хикайты);

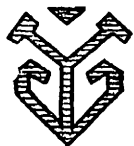
5) Ахмаджан, «Хага-дага», Пешавар, 1929 (хикайты);

6) Сказка «Мургый и Мирос» взята из журнала «Пахто», т. 2, № 2, Пешавар, 1959.

К. А. Лебедев

**ВОЛШЕБНЫЕ
СКАЗКИ
И ЛЕГЕНДЫ**

1.

Джамаль-хан и Зебниса

Близ Кандахара жил принц Джамаль-хан. Красавец он был писанный — в глазах огонь, шея стройная, кожа белая-белая. Отец его умер, и остался принц сиротой. А в соседней деревне жил хан по имени Мухаммад Муса, и была у него дочь Зебниса, уж такая красивая, что равной не сыскать до Кабула и даже до самого Кашмира: губы алые, лицо ясное, улыбка нежная, мраморный лоб, будто полумесяц. Она была похожа на весенний цветок, а когда прогуливалась она по саду гарема, походила на юную, нежную голубку.

Как-то послал Джамаль-хан сватов к Мухаммаду Мусе, и тот согласился выдать за него свою дочь. Но вскоре Джамаль-хан разорился, и решил он немедленно скрыться, никого об этом не известив. Вышел ночью из дома — вот уж и Кандахар позади. В скором времени он был в Декане, поступил там к навабу *, любую службу исполнял. Вначале был Джамаль-хан офицером. Успех и удача сопутствовали ему, он собрал большие богатства — вот так и стал он по милости бога крупным и знатным сардаром *, которого все почитали и уважали. Во весь богатырский рост поднялся перед миром, словно могучая, вековая ель.

Но оставим на время Джамаль-хана, возвратимся к началу рассказа! Помнишь, он ночью тайком скрылся? Так вот, наступило утро. Спрашивают друг друга люди: «Куда девался Джамаль-хан? Что-то нигде его не видать». А когда еще несколько дней минуло, решили они, что Джамаль-хан убит.

Тем временем Зебо стала еще краше, вступила в пору своего расцвета. Налились соком нежные груди, словно спелые

гранаты. Как-то услышал о ней принц из Сеистана. До того, дорогой мой, был он отважным, целое войско за собой водил, и даже с артиллерией, и богатствами владел большими. Сперва созвал он дома совет, а затем сватов отправил к Мухаммаду Мусе. Тот же — конечно, ты догадался, друг! — согласился на свадьбу. Но когда узнала о том Зебниса, обуял ее ужас, пог-тями вцепилась она в прекрасное свое лицо, до синяков сама себя избила. Потом упала на землю и потеряла сознание — ведь клятву верности дала она Джамаль-хану.

В глубокой тайне за большие деньги снарядила Зебниса гонца в Индию, к Джамаль-хану. С таким напутствием она его провожала: «Увидишь Джамаль-хана, расскажи ему все обо мне. Если жив он, передай от меня привет и пусть возвращается немедленно. А уж коли умер, тогда придется выходить за другого. Не пойму я тебя, — так ему и скажи! — если сидишь где-то, вставай, коли встал уже, отправляйся-ка поскорее в обратный путь! Жду тебя, моего стройного, быстрого, в день праздника Лой ахтара *. Торопись же, время не ждет! После праздника свадьбу сыграют, увезут меня далеко из родного города».

Поспешил гонец с таким ее наказом. И вот он уже в Индии, много городов исходил. В день Лой ахтара вступил гонец на жаркую землю Декана. Там и встретил он Джамаль-хана. Все рассказал ему, как полагалось. Услышал Джамаль-хан печальные вести, сник от горя и громко заплакал, обращаясь к богу.

— О великий Аллах! Непоправимое случилось — далека дорога до Кандахара, больше четырех месяцев пути, а ведь до свадьбы Зебнисы только три дня осталось!

Убитый горем, без сожаления оставил Джамаль-хан накопленное богатство и ушел один в степь глухую. Идет он, громко рыдает и незаметно для себя в лес забрел. Вдруг видит: четверо факиров сцепились в драке. Подошел он ближе и спрашивает, из-за чего ссора. А факиры в ответ:

— Умер наш старший, и осталось от него четыре вещи — коврик, веревка, дубинка и качколь *, и каждая вещь полезна по-своему. Если обратишься с молитвой к всемогущему богу и встанешь затем на коврик, унесет он тебя далеко-далеко. Если веревке скажешь: «Вяжи, да покрепче!» — она сразу всех вмиг свяжет, пусть пред тобой хоть стотысячное войско будет. Если скажешь дубинке: «Ударь, да побольнее!» — сто тысяч солдат изобьет до полусмерти. Если качколю скажешь: «Мне нужно

то-то и то-то!» — желание твое сразу же сбудется, доставит он всё и любимым весом — от чарака * и до харвара *.

И молвил тогда себе Джамаль-хан: «Вот где мое спасение! Вот бальзам для измученной души моей!» А факирам он сказал:

— Разрешу я ваш спор — выпущу стрелу из лука. Кто найдет ее, тот всё и получит, остальные же пусть идут своей дорогой!

Согласились факиры. И вот пустил Джамаль-хан стрелу далеко-далеко, за несколько курухов * — всю свою силу вложил он в ее полет. И помчались со всех ног за стрелою факиры.

Тем временем Джамаль-хан обратился с молитвой к всемогущему богу, на коврик встал и произнес:

— А ну-ка, доставь меня в Кандахар!

Поднялся в небо коврик с Джамаль-ханом, а опустился — в Кандахаре. А в тот день, братец, уже молва всюду прошла, что сегодня сыграют свадьбу Зебо. У дома невесты войско стояло. Увидал это Джамаль-хан и так рассердился, что напустил он на солдат веревку с дубинкой. Славно они поработали — всех связали, всех избили, да так, что только убитые и раненые остались. А Джамаль-хан на радостях сразу же устроил свадьбу.

2.

Волшебный колодец

Расскажу-ка я тебе сегодня, дружище, удивительную историю, которую мне довелось услышать. Однажды принц Йемена отправился на охоту в лесные чащи и дальние пустыни. Встретился ему на пути могучий красавец — горный козел. Погнался принц за козлом, да и не заметил, как остался совсем один, без своих друзей и попутчиков. Уж и пустыня кончилась, вступил он в лес густой, а все за козлом спешит, вот-вот догонит редкую добычу. И тут вдруг дичь скрылась из вида, а охотник остановился в растерянности.

И нужно же было случиться совпадению, что лес тот был не простой: на каждом шагу чудеса! Осмотрелся принц, видит — перед ним глубокая яма. Подошел он к краю, бросил вниз камень.

— Кто это нас потревожил? А ну, отвечай! — донесся из глубины голос. — Если ты мужчина — обратись в женщину, а если женщина — стань мужчиной!

И что же ты думаешь? В один миг превратился наш принц в цветущую девушку: руки белые, губы алые, красна одежда, а глаза — словно темная ночь, брови и ресницы еще темнее.

На беду оказался в тех же местах другой принц из соседней страны. Был он собою красивый, стройный, но силу имел немалую. Схватил он бедняжку-красавицу, посадил на коня рядом с собой и увез на чужбину, в свой дом.

Двенадцать лет прошло с той поры. Счастлив был принц, доволен своей женой. Но когда пошел тринадцатый год, не вытерпела жена и однажды сказала:

— Какой же ты бессердечный и безжалостный! Тебя совсем не тревожит, как тяжело у меня бывает на сердце. Ведь уже двенадцать лет я не видела отчего дома! Соскучилась я, исстрадалась по матери и отцу!

Принц не стал спорить с женой, и после недолгих сборов отправились они в дальний путь, в долгое странствие.

Помнишь, дружище, ту глубокую яму? Так вот, прямо к обрыву подъехал принц со своей женой. Бросили вниз каждый по камню. И вдруг из глубины донесся голос:

— Это еще что за невежа нас потревожил? А ну, отвечай! Если мужчина ты — обратись в женщину, а если женщина — стань мужчиной!

И что же ты думаешь? Тотчас принц из Йемена вновь стал мужчиной, а другой принц обратился в красивую женщину. Теперь уж наш принц не стал медлить — схватил он красавицу, посадил на коня рядом с собой и увез к себе на родину.

Двенадцать лет прошло с той поры. И когда после свадьбы пошел тринадцатый год, принц обратился к жене с такими словами:

— Ну, вот теперь-то уж полностью искуплена оплошность, которую я когда-то совершил. Пойдем-ка со мною, и я освобожу тебя от волшебных чар! Да не приведи Аллах кому-нибудь еще такой жизни!

Взял он с собой жену, подвез к глубокой яме и оставил ее там одну. Бросила она вниз камень и тут же превратилась в мужчину, а тот поскорее убрался из злополучного места. Йеменский принц возвратился домой, другой тоже вернулся вскоре в родные края.

Так и живут они с тех пор: один — здесь, другой — там. И каждый по-своему счастлив.

Пусть же впредь ни с кем такое не случится! Сгинут пусть алчность, спесь, гордыня! А с ними исчезнут и промахи, оплошности, ошибки!

3.

Ним-Куни

Жил когда-то падишах. Было у него семь жеп, а детей не было. Вот и горевал падишах целыми днями. Однажды он так опечалился, что слег в постель. В это время пришел во дворец какой-то факир* за милостыней. Встал шах, вынес ему милостыню.

— О падишах! — говорит факир. — Да буду я жертвой ради тебя, скажи, отчего ты такой невеселый?

— У меня семь жен, а сына нет. Поэтому я и печалюсь, — говорит падишах.

— Пойдем со мной, — говорит факир.

Вышли они за город, подошли к какому-то дереву. Факир сбил посохом семь листьев и дал их падишаху.

— Возьми эти листья, — сказал факир, — и отдай их женам, пусть каждая съест один листок.

Падишах вернулся во дворец, дал каждой жене по листку. Да только пробегала мимо мышь, отгрызла у одного листика половину.

Вот пришло время и все семь жен родили падишаху семь сыновей. Только жена, которой досталось пол-листочка, родила карлика, Ним-Куни.

Прошли годы. Сыновья падишаха подросли, набрались сил. Каждому из шести сыновей отец подарил по лошади, а карлику дал кошку. Шестеро сыновей получили копья, чтобы состязаться в ловкости и силе, а карлику досталось веретено. Однажды стали царевичи упражняться в ловкости. Никому из них не удавалось попасть в мишень. Но вот примчался на своей кошке карлик, проскочил под брюхом лошадей и проколол мишень — одержал победу над братьями! Стыдно стало братьям.

— Ты больше за нами не увязывайся, — говорят они кар-

лику. Но он их не послушал: куда братья, туда и карлик тайком.

Однажды поехали братья на охоту, Ним-Куни с собой не взяли. Да только он все равно поехал, как обычно, спрятался под лошадь. Ведь этот карлик был очень умным и сильным. Когда братья проехали большое расстояние, они проголодались и стали жалеть, что нет с ними брата.

— Был бы тут наш карлик, принес бы нам из того сада дынь!

Услыхал Ним-Куни эти слова, закричал: «Я здесь, я здесь!» — и побежал за дынями. А братья утолили голод и говорят:

— Теперь поезжай обратно, и больше за нами не езди!

Но карлик опять поехал с ними, прячась под лошадьми.

Ехали, ехали и приехали братья в дикую степь. А в той степи жила ведьма, человеческим мясом питалась. Пришлось им остановиться в избушке ведьмы. Вечером, когда шесть братьев поужинали, ведьма сказала:

— Ну, а теперь ложитесь спать.

А они боятся спать: «Сейчас ведьма нас съест». И опять они вспомнили брата: «Был бы с нами наш брат, он бы придумал, как нам спастись».

Ним-Куни и говорит старой ведьме:

— Мы ляжем спать после того, как ты, мать, приготовишь нам жареного мяса.

Когда братья съели мясо, ведьма опять говорит:

— Ну, а теперь ложитесь.

А карлик в ответ:

— Мать, пока ты не принесешь нам из речки воды в решете, мы не уснем.

Пошла ведьма на речку. А Ним-Куни кричит братьям:

— Скорее, бежим отсюда!

Так они и убежали. Ведьма, конечно, не смогла принести воды в решете, облилась только и вернулась домой. Подошла к дому, видит, а гости-то ее убежали.

— Здорово они меня обманули, — сказала ведьма и побежала догонять их.

К этому времени шесть братьев уже приехали в село, а Ним-Куни отстал, и ведьма его догнала. Только она хотела приблизиться к нему, как он быстро-быстро залез в какую-то нору. Ведьма подумала, подумала и села на норку. Тут карлик излов-

чился и так ударил ведьму своим веретеном, что оно даже жёлудок ей продырявило. Ведьма испустила дух и умерла, а карлик сел на свою кошку и поехал к себе в селение. Когда он приехал домой, то рассказал, как спас братьев от смерти. Падишах был очень доволен, что Ним-Куни оказался таким умным.

С тех пор карлик всегда ездил со своими братьями.

4.

Удивительная история

Однажды падишах спросил своего везира:

— Что с тобой? Почему ты дрожишь?

— В свое время я натерпелся много страха,— сказал везир,— а сейчас, как только вспомню, меня бросает в дрожь.

— Расскажи, в чем дело? — попросил падишах.

— Как-то раз,— начал везир,— поехал я в чужую страну. Пошел там на базар и увидел одного факира. Заговорил со мной факир, спросил, куда я иду. Я ответил, а он и говорит: «Пойдем со мной». Отправились мы вместе. Дошли до колодца, а он и толкнул меня вниз! Хорошо, что из стенки колодца торчала какая-то доска, вот я за нее и зацепился. Посмотрел я вниз, вижу кишат там змеи и скорпионы, разинули рты, на меня смотрят. Ну, думаю, упаду я вниз, они меня живьем съедят.

На другой день проходил мимо какой-то караван. Караванщики спустили в колодец ведро, чтобы набрать воды. Я за ведро ухватился и кричу: «Я — человек! Вытащите меня!» Ну, они вытащили, а я рассказал им все, что произошло со мной. Вернулся я на тот базар и опять увидел того факира. Он подошел и начал причитать: «Не пожалел ты моих деток, оставил их голодными!..» А потом снова повел меня к тому колодцу. Подошли мы ближе, я и говорю: «Посмотри-ка, там тигр!» Факир нагнулся над колодцем, чтобы посмотреть, а я толкнул его вниз, и его съели гады. Так я избавился от него.

— Эх, бедняга! — сказал падишах. — Если бы ты слышал мою историю, то умер бы от страха.

— Расскажи, что случилось с тобой,— попросил везир.

— Из арабской стороны привезли мне купцы двух лошадей,— начал падишах. — Лошади были красивые, загляденье прямо. Я поручил их своим слугам, велел ухаживать хоро-

пенько. Зашел я однажды посмотреть на лошадей, гляжу, они стоят заморенные, худые. Я спросил: «Почему, говорю, лошади такие худые?» Сперва конюшие не хотели отвечать, но после строгого моего приказа заговорили: «Твоя старшая жена каждую ночь куда-то ездит. Потому и лошади такие загнанные».

Решил я сам все проверить. Вечером лег я в постель с женой, притворился спящим. Жена поверила, что я сплю, встала и пошла к двери. А я крадучись за ней следом. Так дошли мы до одной горы, в которой была пещера. Вошла жена в ту пещеру, а я за ней. Спрятался, огляделся и вижу, что в пещере сидит негр. Жена моя уселась с ним рядом, но негр был сердит. Он начал колотить женщину, приговаривая: «Почему ты так поздно пришла?» Жена оправдывалась: «Мой муж долго не засыпал». — «Клянусь, если завтра не принесешь голову падишаха, будет тебе плохо!» — воскликнул негр. «Клянусь своей головой, — сказала жена, — что завтра доставлю тебе голову падишаха». Услыхав такие слова, негр успокоился. А я тоже все это слышал. Когда они уснули, я подкрался и отрубил голову негру, а потом вернулся к себе во дворец. Когда жена проснулась и увидела, что у негра отрублена голова, она очень огорчилась и долго плакала. Потом она вернулась во дворец и стала ко мне присматриваться: не я ли все это сделал. Но ничего подозрительного не заметила. На следующее утро я говорю жене: «Принеси арбуз!» — «Какой еще арбуз в такое время года?!» — говорит жена. «Он у меня в хурджине», — отвечаю я.

Жена встала, посмотрела в хурджин, — а там голова негра! Тут же она произнесла заклинание и превратила меня в черную собаку. Выгнала она из дворца эту собаку и закричала соседям: «Эй, люди! Это очень плохая собака! Кто ее убьет, тому я хорошо заплачу!» Все бросились за мной — ведь каждому охота была получить награду. Но я убежал, и никто меня не догнал. Прибежал я в горы и думаю: ведь здесь неподалеку живет старуха, тоже колдунья. Если я пойду к ней, она меня выручит из беды. Отправился я к старухе. Пришел к ней, лег у ее ног. Старуха посмотрела и сразу поняла, что это не собака, а заколдованный человек. Она поколдовала, и я опять стал человеком. Попросил я старуху научить и меня такому колдовству, чтобы мне превратить жену в животное. Она взяла горсть земли, заколдовала ее и дала мне. «Вот, возьми! — сказала она. — Брось этой землей в человека — станет животным. Только когда будешь бросать землю, назови то животное, какое тебе нужно».

Я пошел домой, по дороге народ меня приветствовал. Дома я бросил ту землю на свою жену и назвал ее мулом. И тотчас жена моя превратилась в мула, и я отдал его гончару. «Вот, возьми этого мула,— сказал я,— и пусть он на тебя работает. Да смотри, не жалея его!»

Гончар так и сделал.

5.

Дракон и царевич

Жил когда-то один падишах. У него было семь сыновей. Когда сыновья выросли, падишах стал держать совет со своим везиром:

— Надо моим сыновьям жениться. А женить я их хочу всех сразу на дочерях соседнего падишаха: ведь у него тоже семь дочерей. Хорошо бы это дело нам удалось!

— Как приказать изволишь,— отвечал везир,— так и исполню.

Отправился везир к тому падишаху. На полпути видит он реку, а на берегу реки сидит факир.

— Куда идешь? — спрашивает факир везира.

— Иду в другое царство,— говорит везир.

— Хорошо, иди, но только выслушай мой совет. Во время путешествия не ночуй на этом берегу,— сказал факир.

Везир пошел своей дорогой. Через несколько дней прибыл он в другое царство. Везир предстал перед падишахом той страны и передал волю своего государя. Падишах, у которого было семь дочерей, услышав слова везира, очень обрадовался. Везира он продержал у себя несколько дней — показывал ему царство, устраивал пиры и чествовал посланца. Однажды везир обратился к падишаху с просьбой.

— Если будет на то ваша милость, отправлюсь я к своему государю. Прошло уже много времени, как я уехал из дому. Пора мне возвращаться, принести радостное известие своему падишаху.

Падишах, отец семи дочерей, написал письмо с согласием:

«С того дня, как я получил ваше послание, мои семь дочерей замужем за вашими сыновьями. Я очень этому рад. Теперь

отсылаю обратно вашего везира. Дело за тобой: приезжай и привози своих сыновей, соблюдая свадебные обычаи вашей страны».

Везир отправился домой. Долгим было его путешествие, но, наконец, он предстал перед своим падишахом, низко поклонился, приветствовал его по обычаю и передал письмо, которое вручил ему другой падишах.

Прочитал падишах письмо, обрадовался такому ответу. Когда же прошла первая радость, он отдал своим министрам приказ: «Приготовьте все необходимое для свадьбы, чтобы мы могли немедленно отправиться за невестами». Перед отъездом министры собрались на совет: кого из принцев оставить управлять государством. Старший везир сказал:

— Младший принц очень умный и достоин этой чести.

Падишах с этим согласился.

— Ты останешься в государстве вместо меня,— сказал он младшему сыну.

Сам же он с шестью своими сыновьями отправился в то государство, государь которого стал его другом.

Падишах той страны вышел встречать отца шести сыновей, оказал им воинские и прочие почести. Три или четыре дня гостили они там, а затем посадили невест в паланкины и отправились в обратный путь. Дошли до той реки, на берегу которой факир давал советы везиру. Везир же от большой радости и многих забот забыл о том совете.

Падишах повелел заночевать на берегу реки. Кто-то из свиты встал рано утром, поглядел и видит, разлегся вокруг громадный дракон, похожий на большую крепость. Придворный поспешил к падишаху. Посмотрел падишах и растерялся. Где путь к спасению? Мать принцев стала плакать и рыдать. Дракон говорит ей:

— Ты видишь перед собою не крепость. Это я, дракон! Я вышел из реки. А вас я живыми отсюда не выпущу, если не доставите ко мне младшего принца.

Мать принцев рассказала об этих словах падишаху. Пошел тот к дракону и говорит:

— Как же мы можем доставить сюда принца, когда ты всех нас здесь пленил?

— Отправьте посланца, он и привезет принца,— отвечает дракон.

Отправился посланец в путь, а с ним письмо падишаха:

«Если ты сидишь, то вставай, если ты стоишь, то отправляйся в путь!»

Когда посланец прибыл к принцу, тот немедленно собрался в дорогу и прибыл к отцу, готовый служить ему.

— Вот прибыл мой сын! — сказал падишах дракону.

— Очень хорошо. Теперь вы все можете идти своей дорогой, — сказал дракон. И все они уехали, а младший сын остался.

— Для чего ты оставил меня здесь? — спрашивает младший сын, — что прикажешь делать?

— Ко мне в нос забрались бабочки, они меня очень беспокоят. Отправляйся в страну волшебницы Гульхандан Смеющейся Цветами и рассмеши ее. Когда она засмеется, из ее рта посыплются цветы. Тогда бабочки у меня из носа полетят на запах этих цветов, и я избавлюсь от них. Вот твоя служба мне, — закончил дракон.

— Хорошо, — сказал принц.

— А золота, сколько тебе нужно, возьми в реке, — сказал дракон.

Принц взял золота и пошел по берегу реки. Через несколько дней набрел он на муравьиный город. И видит он, что река разбушевалась и многих муравьев уносит волнами. Принцу стало страшно за муравьев, он и говорит:

— Глупые вы! Почему отсюда не уходите, если вас эта река постоянно разоряет?

— Мы народ упрямый, — отвечают муравьи. — Эта река унесла много наших сородичей, поэтому и мы жертвуем собою.

Построил принц стену и оградил муравьев от опасности. Тогда муравьиный вождь дал принцу свое крыло и сказал:

— Если тебе понадобится наша помощь, сожги это крыло, и мы тут же явимся к тебе.

Принц попрощался с муравьями и пошел дальше. Долго он шел, пока не добрался до села, где жили мыши. Посмотрел он и видит, что мышиный царь бьет нещадно других мышей, гоняет их.

— За что ты их бьешь и гоняешь? — спрашивает принц.

— Это — бедный народ. Они не платят мне налог, поэтому я их и бью, — отвечает мышиный царь.

— А если я тебе сейчас заплачу этот налог, ты их оставишь в покое? — спрашивает принц.

Мышиный царь очень обрадовался и согласился. Принц отсыпал ему золота, а мышиный царь по согласию с другими мы-

шами дал принцу несколько щетинок из своих усов. Взял их принц и пошел своей дорогой. Через несколько дней пришел он в дремучий лес. Видит посреди леса львицу, которая плачет горькими слезами. Принцу стало жалко ее, и он спросил:

— О чем ты плачешь? Как тебе помочь, скажи мне.

— О принц! Если ты добрый человек, вытащи занозу из моей лапы, больше мне ничего не надо.

— Занозу вытащить просто, а ты меня не обманешь, не съешь?

— Никогда я тебя не трону, если избавишь меня от занозы. А если уж одолеет меня злоба, то я себя изобью этой палкой, но тебя не трону,— сказала львица.

На том они и договорились. Принц вытащил занозу из лапы львицы, а львица в благодарность подарила принцу своего детеныша.

Благодаря заботам принца левенок стал крепким и сильным, а принц опять отправился в дальний путь, пока не дошел до места, где жила Гульхандан. Заночевал он в доме одной старухи, дал ей несколько золотых, чтобы она позаботилась о его лошади.

— Мы и так тесно живем, а ты еще с собой лошадь привел,— заворчала старуха.— Нет, не пущу тебя, уходи, уходи прочь!

Принц дал ей еще несколько монет. Тогда она ласково сказала:

— Ах ты благодетель! Верой и правдой буду тебе служить, зачем мне гнать тебя из дома?..

Спустя несколько дней пришло принцу на ум, что он добрался до владений Гульхандан. Вспомнил он и обещание, которое дали ему мыши. «Ну-ка, проверим,— сказал себе принц,— сдержат ли они свое слово?» Взял он мышинный ус и сжег его. Через несколько мгновений предстал перед принцем весь мышинный род.

— О принц! Для чего ты нас позвал? Какова твоя воля? — спрашивают мыши.

— Выройте ход под моей кроватью так, чтобы он выходил как раз под кровать Гульхандан. Такова ваша служба,— ответил принц.— Только землю наверх не вытаскивайте, прячьте ее где-нибудь внутри хода.

Мыши так и сделали.

На другую ночь отправился принц потайным ходом в дом

Гульхандан. Надел он на себя ее одежду, а свою на нее набросил. Наутро проснулась Гульхандан, увидела чужую одежду и расстроилась: «Столько кругом сторожей и фей, а здесь откуда-то взялась одежда чужого мужчины!»

Созвала она стражей и сказала:

— Плохо вы, видно, стережете! Сегодня ночью я сама буду на страже.

Без стражников удалились, стала она одна сторожить. Только когда зашла ночь за полночь, Гульхандан уснула. В это время как раз и пришел принц и опять сменился с ней одеждой.

На следующее утро Гульхандан подумала: «Я ничего не видела, а опять получилось так же. Надо мне снова самой сторожить». Чтобы не заснуть, порезала она мизинец, посыпала ранку солью. Когда спустилась на землю ночь, видит принцесса, как из под кровати вылезает принц... Встретились их глаза, и они оба упали без чувств! Принцесса очнулась первой, подошла она к принцу, подняла его и положила на свою кровать. Стала растирать ему виски и ноги. Тут и принц пришел в себя, стали они разговаривать. И поговорили по душам.

— Как ты сюда попал? — спрашивает принцесса.

— Я за тобой пришел. Только путь мой был нелегким, — отвечает принц.

— Увезти меня — трудное дело. Но тебе поможет сам бог, да и я ведь твой друг, — сказала принцесса. — Условия моего отца таковы: первое испытание — бой собак. Одна собака будет твоя, а другая моего отца, она очень злая и сильная. Если судьба твоя добрая, то твоя собака возьмет верх и ты победишь. Второе испытание такое: посреди площади кладут железную болванку, которую никто не может разбить без волоска из моих кудрей. Дам я тебе этот волосок, ты его обвяжешь вокруг топорика и ударишь топором по болванке, тогда она и разобьется. Третье же испытание вот какое: засеют поле горчицей, потом переспашут заново, а тебя заставят собрать все семена.

На этом они расстались. Принц потайным ходом прошел к себе, а наутро послал сказать царю Волшебной страны: «Я — принц, из такой-то страны приехал за твоей дочерью». Царь ответил: «Очень хорошо. Выполни все мои условия — и я отдам тебе свою дочь».

Объявил он принцу условия и назначил день боя собак. Принц сделал так, что его львенок стал похож на собаку. Настал день боя. Первым бросился на противника пес короля.

Долго они грызлись, но наконец пес короля был побежден. Так принц прошел первое испытание.

На другой день пришла очередь второго испытания: разбить железную болванку. Вышел принц на площадь, взял топор в руки, а про волосок, что дала ему принцесса, забыл. А дано ему было всего три удара. Вот он ударил в первый раз — никакого толку. Второй раз ударил — опять ничего не вышло. Приготовился принц сделать третий удар и тут только вспомнил о волоске, который дала ему принцесса. Он обмотал его вокруг топорница, ударил в третий раз — и болванка развалилась надвое. Удивился царь: «Уж не колдун ли он?!»

Настал день третьего испытания. Царь приказал своим слугам посеять горчицу и перепахать землю, а семена перед посевом взвесили. Царь и говорит:

— Ты должен собрать все семена, чтобы ни одного зернышка не пропало и вес был точен. Если не хватит хоть одной крупинки, я отрублю тебе голову.

Выехали они в поле, а там уж собрались все жители города. Принц сидит, кальян себе налаживает. Один горожанин говорит:

— Глупый ты человек! На твою голову свалилась такая непосильная задача, а ты пустяками занимаешься.

— Это дело легкое, — говорит в ответ принц, — я с ним быстро справлюсь. Несите мне кальян!

Ему поднесли кальян, он его заправил, закурил, а в табак подложил то муравьиное крылышко, которое дал ему вождь муравьев. Тотчас явились пред ним муравьи.

— Что приказать изволишь, — спрашивают.

— На этом поле посеяны семена горчицы. Нужно их собрать, да так, чтобы не осталось в земле ни одного зернышка, — говорит принц.

— Будет сделано, не тревожься! — ответили муравьи и поползли по полю.

По зернышку собрали муравьи все семена, взвесили — одного зерна не хватает!

— Куда подевалось одно семечко? — спрашивает принц, а муравьиный вождь ему отвечает:

— Один из наших муравьев хромой, поэтому он еще не пришел.

Послал вождь несколько муравьев навстречу отставшему, сильно избил хромого муравья, взял у него горчичное зерно и

поднес его принцу. Теперь все семена были собраны до последнего зернышка. И на этот раз принц одержал победу! Он очень обрадовался и отпустил всех муравьев.

Царь тотчас отправился с принцем к себе во дворец и справил его свадьбу с Гульхандан. Пир был на славу!

Прошло некоторое время и принц обратился к своему тестю: — Пора мне ехать на родину. Отпусти меня.

Царь согласился, и стали они готовиться к отъезду по-царски. Когда все было готово, принц отправился в свою страну. Сперва он встретился с драконом и тогда рассмешил Гульхандан. Когда засмеялась Гульхандан, изо рта у нее посыпались цветы. Для дракона это было избавление от мук, так как все бабочки тут же вылетели из его носа, а принц с женой поехал дальше и наконец прибыл в царство своего отца. Отец очень обрадовался и приказал бить в литавры и барабаны.

Вот и сказке конец, рассказчику отдых!

6.

Джаллат-хан и Шмайла

Складно ты говоришь! Хорошо!

Жил на свете человек, бедный-пребедный. Было у него двое сыновей и одна жена. Старшего сына звали Хункар, а младшего — Муслим, только жена им была не матерью, а мачехой.

Значит, было у него двое сыновей. Днем они идут, ставят силки на воробьев, ловят птишек, несут их в город и продают. Так и добывают себе на пропитание, так и живут. Однажды отец сказал:

— Доколе терпеть лишения и жить в печали? Пойду в горы. А там — как воля божья — или умру, или разбогатею.

Ладно! Пошел он в горы, целый день бродил, ничего не нашел. Наконец попалось ему яйцо, белое-белое. Взял он это яйцо, пришел домой и говорит жене:

— Я не нашел ничего, кроме этого вот яйца. Его и взял.

— Отнеси его в город. Может, дадут за него несколько монет, а ты принесешь домой хоть кусок хлеба, — отвечает жена.

Этот человек отправился в город и показал яйцо лавочнику:

— Купи у меня это яйцо.

Посмотрел лавочник и говорит:

— Нету у меня таких денег, чтобы заплатить за это яйцо. Отнеси его к меняле.

Отнес он яйцо к меняле. Тот тоже сказал:

— У меня нет денег, каких это яйцо стоит.

Человек подумал: «Он, верно, надо мной издевается! Ведь цена этому яйцу несколько грошей». Пошел он с яйцом к другому богачу. Увидел тот яйцо и спрашивает:

— Почему отдашь?

Человек подумал: «Дай-ка я запрошу великие деньги!» — и говорит:

— За триста рупий.

Богач тут же отсчитал ему деньги, бедняк обрадовался, взял деньги и пошел домой. Отдал он деньги жене, порадовались они вместе.

С тех пор стал бедняк каждый день ходить в горы, вытаскивать яйца из гнезда той птицы и продавать их. За короткое время они разбогатели.

Пораскинул этот человек мозгами и сказал жене:

— Поймаю-ка я эту птицу и принесу ее сюда. Не надо будет в горы ходить!

Жена отвечает:

— Хорошо!

Ладно! Он пошел, расставил силки и поймал ту птицу. Принес ее вместе с яйцом домой. Птица кладет яйца, а они их продают, — настолько разбогатели, что построили большую крепость.

Наконец пришел его смертный час и этот человек умер. Птица по-прежнему несет яйца семейству, и они живут на них, но с тех пор как мать стала вдовой, яйца относит и продает богачу мальчик. Мать однажды говорит:

— Сынок! Скажи этому богачу, что сегодня мы ждем его к себе в гости. Ведь он каждый день покупает у нас яйца.

Сын сказал:

— Хорошо.

На другой день, когда сын принес яйцо богачу, он сказал ему:

— Матушка моя сказала, что ждет тебя сегодня к нам в гости.

— Скажи матери, если она зарежет птицу и всю ее отдаст только мне — кусочка не утаит, — то я приду. А если нет, не ждите.

Сын пришел и передал матери, чего богач хочет.

— Хорошо, пусть будет так, — говорит мать.

(А этому богачу было известно, что тот, кто съест сердце и голову птицы, станет падишахом.) Она тут же зарезала птицу и голову ее положила в котел. Позвали богача. Тот пришел и опять сказал:

— Не давайте никому даже кусочка птичьего мяса.

Женщина сказала:

— Хорошо!

Но только рано утром, когда служанка готовила птицу, она тайком отдала сердце птицы одному мальчику, а голову — другому, и они это съели. Принесли еду, перед богачом поставили кушанье из птицы. Он посмотрел на блюдо и не увидел ни головы, ни сердца. Очень он рассердился: ведь ему нужны были голова и сердце, а не все остальное. Он сказал:

— Я ухожу. Ты не сдержала своего слова.

Служанка побежала, отыскиала мальчиков и говорит им:

— Если вы придете домой, мать вас побьет. Будет бранить, зачем вы съели голову и сердце птицы.

И тогда Хункар и Муслим оба убежали от страха.

Шли они целый день... Устали и сели отдохнуть под деревом. Тут старший брат по имени Хункар решил вздремнуть, а младший брат по имени Муслим пошел с луком пташек пострелять. Так он охотился некоторое время, а когда вернулся, глядит — брат его умер. Он очень опечалился, заплакал и совсем растерялся: «Кто же поможет мне похоронить его?» Взобрался он на высокий холм, глядит по сторонам — может найдется кто поблизости и поможет ему похоронить брата. Вот стоит Муслим на вершине холма, оглядывается — видит вдали большая толпа. Пошел он туда: «Погляжу, что за люди. Может, пособит мне кто-нибудь брата похоронить».

А у этих людей умер падишах. И пустили они сокола. Первый раз взлетел сокол — и сел на голову Муслиму. Люди говорят: «Сокол ошибся».

Ладно! Второй и третий раз взлетал сокол и опять садился на голову Муслиму. Тогда потащили они его с собой и стал он падишахом. А про брата своего он уже забыл. (Это все случилось потому, что он съел сердце той птицы.) Лежит мертвый брат под деревом. Летели мимо три белоснежные птицы и сели на это дерево. Одна из птиц сказала:

— Какой прекрасный юноша!

Вторая птица сказала:

— Этот человек не умер, он поправится, если поест листьев этого дерева.

А третья сказала:

— Давайте потрясем ветки. Может, хоть один листок попадет ему в рот.

Они потрясли ветки, один листок упал на губы Хункару, и капля сока попала ему в рот. Бог велик — мертвый ожил, снова стал жив-здоров. Тут же он поднялся, посмотрел по сторонам, говорит себе: «Куда подевался мой брат?» Но брата нигде не видно. Пошел Хункар, поднялся на высокий холм, огляделся по сторонам: «Куда подевался мой брат?» Но того и след простыл. Тогда и Хункар отправился в путь. Шел он несколько суток и пришел в одно место. Видит, собралось много людей, шумят. Подошел он к ним поближе, глядит — умер падишах. И люди не могут решить, кому теперь править. Решили они пустить сокола: кому на голову сокол сядет — тому и быть их падишахом.

Стоит Хункар в сторонке, на них дивится, а сокол взял да и сел на голову Хункару! Люди сказали: «Сокол ошибся».

Пустили они сокола во второй раз, а он снова сел на голову Хункару. Ладно! Люди согласились с этим и сделали Хункара падишахом. (А причиной тому была голова той птицы!)

Муслим стал падишахом в одном городе, Хункар — в другом. Живут они, друг о друге ничего не знают. У падишаха Муслима рождались только сыновья — целых семеро. А у падишаха Хункара рождались дочери. Но этот Хункар, как только родится у него дочь, тут же ее убивает, не хочет оставлять в живых. И все это из-за мачехи! Он боялся, что его дочери станут на нее похожими — и убивал их. Так он мстил через них мачехе.

Вот однажды жена Хункара снова родила дочь. И пока Хункар об этом не узнал, она тайком вручила ребенка няне: «Спрячь мою дочь». И дала ей денег.

Няня взяла у жены падишаха девочку и назвала ее Шмайла. Стала она ее бережно растить. Время шло, Шмайла выросла и стала настоящей красавицей. Пришла няня к матери Шмайлы и говорит:

— Дочь твоя уже выросла. Она очень красива. Чтобы не случилось зла, расскажи обо всем ее отцу. Не дай бог, услышит падишах Хункар, ее отец, что есть здесь прекрасная девушка,

и по незнанию овладеет ею... Ведь это опозорит и тебя, и меня, и Хункара, потому что он с дочерью своей совершит блуд.

Мать подумала, что няня правду говорит. Вызвала она к себе Шмайлу, привела ее в свои покои. Шмайла поднялась на крышу, прикрыла лицо вуалью, смотрит по сторонам, любитесь. А в это время возвращался домой Хункар. Он еще издали увидел Шмайлу, и так она ему поправилась, что он в нее влюбился! Только вошел он домой, спрашивает у жены:

— Кто эта женщина?

— Это — твоя дочь, — отвечает жена.

— Как это дочь? Не лги!

Жена рассказала ему все, как было, и Хункар приказал привести дочь. Жена его тотчас позвала дочь, и та предстала перед Хункаром. Хункар сказал:

— Эта моя дочь не заслужила смерти. Я ее не убью. Но и замуж так просто не выдам. Вот мои условия. Кто их не выполнит, тому моей дочери не получить, а получит ее тот, кто эти условия выполнит. В придачу он получит и мое царство. А кто не сможет выполнить мои условия — тому отрубят голову.

Слава о красоте Шмайлы распространилась по всем городам. В нее влюблялись прекрасные молодые принцы — приедут, не выполняют условий, и им сносят головы с плеч, убивают.

Однажды шесть сыновей падишаха Муслима отправились на охоту. Охотятся они в степи, глядят — перед ними какая-то старушка. Старуха говорит:

— Какие вы все прекрасные юноши! Поезжайте к падишаху Хункару, у него есть дочь Шмайла. Она такая красавица, описать невозможно.

И братья заочно по рассказу старухи влюбились в Шмайлу. Ну, ладно. Отправились они в путь, не простившись с родителями. Скачут кони, дорога мелькает под копытами — наконец, приехали в тот город, где жила Шмайла. Оповестили братья о своем приезде, о том, что хотят добиться Шмайлы. Хункар позвал их к себе и сказал:

— Вы такие прекрасные юноши! Жаль мне, что ожидает вас гибель. Ведь испытание вам предстоит очень трудное. Пожалеете вы, да поздно будет.

Но братья не отступали. Они говорили:

— Нет, мы выполним, что назначено, — так хотим мы получить твою дочь. Говори, что надо делать.

Падишах ответил:

— Условия вот какие: во-первых, надо разбить деревянным топором железную колоду; во-вторых, подоить рыжую корову Шмайлы с алмазными рогами; в-третьих, три раза бегом подняться на крышу с подойником, полным молока; в-четвертых, отделить просо от песка, — а проса того полкомнаты! — в-пятых, надо привести льва и устроить бой со львом падишаха. Если тот лев не одолеет льва падишаха, значит, условие не выполнено. В-шестых, надо отыскать ход в покои Шмайлы.

Рассказал им Хункар об этих условиях и говорит:

— А теперь попытайте счастья. Если же не будет вам удачи, — знайте, тотчас у каждого из вас голова слетит с плеч.

Первый вышел младший из братьев и сказал:

— Если я выполню условия, пусть считается, что это сделал мой старший брат. И если другой из нас добьется успеха, считайте, что это сделал наш старший брат.

И вот взял младший из братьев деревянный топор, замахнулся и ударил по железной колоде. Крак!.. Деревянный топор сломался, а колоде хоть бы что, цела-целехонька. А рядом уж стоит главный палач, одним взмахом отрубил он юноше голову.

Пришла очередь второго брата и ему тоже не удалось выполнить условия, и вот перед ним явился палач — сейчас отрубит ему голову! Обернулся к нему юноша:

Боже правый, какой сегодня день?
Братца моего уж убили, полетит и моя голова...
Стережет злая судьба вторую жертву,
За Шмайлу поплачусь я головой!

Ну, что морочить вам головы! Пятерых братьев казнили. И каждый из них, перед тем как расстаться с жизнью, пел эти стихи. Только один пел: «вторая жертва», а другой: «третья жертва», «четвертая жертва...»

Когда дошла очередь до шестого, самого старшего брата, он тоже не выдержал испытания. Явился палач — вот-вот отрубит ему голову. Юноша сказал ему: «Ты обожди!» — и запел так:

О зеленое поле моего батюшки!
Передай привет моему палачу.
Когда слышишь имя Хункар — беги.

Ладно! И ему тоже отрубили голову, все семеро погибли. Остался в живых лишь Джаллат-хан — их младший брат. Он был еще совсем мальчик и сидел дома. Значит, так: Джаллат-хан еще совсем маленький, он младший сын падишаха Мус-

лима, и тот его очень любит. А шестеро старших сыновей падишаха погибли. Этот Джаллат-хан каждый день на улице играл в бабки с сыном одной старухи. И когда сын старухи выигрывал у него бабки, Джаллат-хан отнимал их силой назад. Сын старухи заплачет, придет домой, а мать его спрашивает:

— Кто тебя побил?

Он говорит:

— Джаллат-хан силой отнял у меня бабки и побил.

Так случилось каждый день. Однажды мать сказала:

— Если и сегодня он побьет тебя, скажи ему: «Если ты такой молодец, то потребуй ответа, как погибли твои братья».

Сын сказал:

— Хорошо.

На другой день сын старухи снова стал играть в бабки с Джаллат-ханом и опять выиграл. Джаллат-хан кинулся его колотить и отнял у него бабки. Заплакал сын старухи и говорит ему:

— Если ты такой молодец, то потребуй ответа, что случилось с твоими братьями.

Джаллат-хан задумался: «Правда, что случилось с моими братьями?» Бросил он все бабки сыну старухи, а сам пошел домой. Пришел и говорит матери:

— Что-то у меня голова болит. Дай мне немножко жареных зерен пшеницы, я приложу их ко лбу. Может, пройдет боль.

А мать очень его любила и потому скрыла от него судьбу других братьев. Она говорила себе: «Ведь так и он пойдет вслед за ними, и Хункар убьет его».

Она достала сковороду и поджарила зерна. Поджаренные зерна лежат на сковороде, а Джаллат-хан говорит:

— Мать! Дай мне пригоршню зерен, я приложу их ко лбу.

Когда мать набрала полную горсть зерен, Джаллат обеими руками крепко сжал ее ладонь, в которой были горячие зерна, и воскликнул:

— Быстро отвечай, были у меня братья?

Что тут было! Рука матери покрылась ожогами, и она закричала:

— Пусти, ради бога, ты обжег мне руку! Отпусти, я скажу!

Но пока она не дала клятву, Джаллат-хан ее не отпускал. Потом мать рассказала ему историю братьев:

— Было у тебя шесть братьев. И вот из-за Шмайлы их убил падишах Хункар. Так это и было...

Ладно! Джаллат-хан узнал всю правду. И сразу же он отправился в путь, а матери ничего не сказал. Ехал он, ехал, наконец, приехал в лес. Смотрит — сидит перед ним бедный факир, весь заросший волосами. Джаллат-хан подошел к нему, остановился и сказал такие стихи:

О факир, голова у тебя всклокочена, но и я лохматый.
Помолись за мою удачу!
Ведь я отправляюсь к падишаху Хункару.

Факир промолчал, а Джаллат-хан опять говорит:

Факир-гуль, если у тебя голова всклокочена,
то и я лохматый.
Помолись за меня получише,
Ведь я отправляюсь в трудное путешествие к Шмайле.

Факир пробормотал «Аллах», поднял голову и спросил:
— Кто ты? Что здесь делаешь?

Джаллат-хан рассказал ему свою историю, а факир и говорит:

— А ты попросил у родителей благословения?

— Нет,— говорит Джаллат-хан.

— Пойди и попроси. А потом приходи, я помолюсь за тебя. Вспомни, твои братья тоже отправились в путь сами по себе и видишь, каков был их конец?

Джаллат-хан вернулся домой и обратился к матери:

Если ты наставница Джаллат-хана,
Благослови меня своим молоком, мать!

Мать подумала, что он все равно не останется, и поэтому сказала:

— Я благословляю тебя. Счастливый путь!

Тогда Джаллат-хан пошел к отцу и пропел ему:

Если ты наставник Джаллат-хана,
Благослови меня своими трудами, отец!

Отец его тоже благословил и сказал:

— Поезжай, мой сын! Пусть тебя минуют беды.

Джаллат-хан отправился в путь и снова приехал к тому факиру.

Факир-шах, если твоя голова всклокочена,
то ведь и я лохматый!

Помолись за меня получше,
Ведь я еду в трудный путь за Шмайлой.

Факир поднял голову и спросил:

— А ты попрощался с отцом и матерью?

— Да,— сказал Джаллат-хан. Тогда факир произнес:

Пусть всклокочена голова у факира.
Я хорошо помолился за тебя.
Поезжай, ты одолеешь все семь бед.

После этого факир сказал Джаллат-хану:

— Мулла Миро мой ученик, он мулла при дворе Хункара. Вот тебе письмо к нему. Передай это письмо, и мулла Миро тебе поможет.

Джаллат-хан взял письмо и отправился в путь. Ехал он долго и вот приехал наконец в другой лес. Глядит — ревет от боли старая львица, а в лапе у нее заноза. Джаллат подошел к ней и говорит:

— Эй, львица! Я вытащу у тебя из лапы эту занозу.

Львица то ли словами, то ли знаками показала ему, что она согласна. Джаллат-хан вырыл яму, влез в нее, а у входа положил большой камень. «Если львица рассвирепеет от боли, я буду в безопасности в этой яме»,— подумал он. Львица сунула лапу в щель между двумя бревнами, Джаллат-хан ухватился за занозу и дернул. Львица заревела. Тут сбежались все львы того леса и спрашивают: «Что случилось?» — «Все в порядке»,— отвечает львица. На второй раз Джаллат-хан вытащил занозу, тут прошла и боль. Львица очень обрадовалась. А львица эта была бабушкой всех львов, их предводительницей. И вот она сказала этим львам:

— Этот человек сделал мне добро. Вы ему ничего не говорите, но служите ему.

И все львы сказали:

— Слушаем и повинемся.

Тогда Джаллат-хан вышел из ямы. Все львы приветствовали его и поклонились ему. А львица приказала:

— Принесите ему горную курочку!

Львы пошли, поймали горную курочку и положили перед ним. Когда Джаллат-хан увидел эту горную курочку, он зашел:

О царица львов! Твой дом в темном лесу,
А ты принесла мне эту горную курочку.
О царица львов! Чтобы ее приготовить, нужен огонь.

Он хотел сказать, что здесь, мол, нет ни огня, ни спичек. А ведь я человек и не могу есть это сырым! Ладно! Попрощался Джаллат-хан со львами, а они его спрашивают:

— Что ты хочешь?

Он ответил:

— Ничего.

Три раза львы спрашивали у него: «Что ты хочешь?» — и каждый раз он отвечал: «Ничего!» Наконец львы вырвали по несколько волосков из своих усов и дали ему, а при этом сказали:

— Когда бы мы тебе ни понадобились, сожги эти волоски и скажи: «Явись!» Мы тут же явимся к тебе.

Отправился Джаллат-хан в путь. Идет по дороге, смотрит — крестьянин пускает воду из арыка прямо на поле, а у одной межи собралось столько муравьев, что земли не видать. Джаллат-хан сжалился над ними и говорит крестьянину:

— Эй, крестьянин! Какой урожай ты снимаешь с этого участка?

— Двадцать манов зерна, — отвечает тот. Джаллат-хан говорит:

— Не пускай воду на эту межу. Я тебе заплачу втрое больше денег, чем ты зарабатываешь.

Крестьянин согласился и отвел воду в сторону от той межи, сделал вокруг запруды. Когда муравьи увидели это доброе дело, то к Джаллат-хану явился царь муравьев Манду-шах и пригласил его к себе в гости. Муравьи оказали Джаллат-хану почет и положили перед ним ножку саранчи. Джаллат-хан сказал:

— Живите счастливо. Благодарю за угощение, но я должен идти.

Попрощался с ними Джаллат-хан, а муравьи тоже дали ему свои усики и сказали:

— Как только мы тебе понадобимся, брось усик в огонь, и мы все явимся к тебе.

Джаллат-хан отправился в путь. И вот пришел он в город падишаха Хункара. Отыскал и дом муллы Миро. Когда он подошел к его дому, то запел:

Высокий дом у муллы миро!

Мирогай, выйди:

Стоит здесь странник Джаллат!

Тут сразу же вышел мулла Миро, сказал:

— Я к твоим услугам.

Джаллат-хан показал ему письмо факира. Когда мулла Миро прочел письмо, он сказал: «Очень хорошо» — и тут же повел Джаллат-хана к себе, сделал его своим учеником и стал учить. А Джаллат-хан был очень способный и понятливый. За короткое время он выучил все книги и стал человеком знающим и ученым.

Однажды умерла дочь кази*, и мулла Миро пошел читать по ней молитвы, а жене сказал:

— Пошли ученику еду с Гульгутый.

Гульгутый звали дочь муллы Миро. Он ушел, а жена его приготовила миску с едой и дала ее Гульгутый, чтобы та отнесла мулле Джаллату. Когда мулла Джаллат узнал, что придет дочь муллы Миро (а Джаллат-хан был очень красив), взял он бычий пузырь и натянул его на голову, чтобы не случилось между ними никакой беды. «Дочь муллы Миро покрутится возле меня да уйдет», — сказал он себе. Ладно! Пришла Гульгутый (а она была пригожая девушка), увидела Джаллата и сразу же в него влюбилась. Так и свалилась без чувств! Пришла за ней мать:

— Куда это запропастилась моя дочь?

Но только мать увидела Джаллат-хана, как тоже в него влюбилась. Ладно. Что ни делали дочь с матерью, Джаллат-хан и не глядел на них. На другой день, когда вернулся мулла Миро, жена его сказала ему:

— Давай, хозяин, выдадим Гульгутый замуж за муллу Джаллата.

Мулле Миро это понравилось, он пошел и подарил свою дочь мулле Джаллату. Тогда Джаллат сказал ему такой стих:

О черный лицом мулла Миро!
Ты дал мне Гульгутый,
А Гульгутый мне как сестра!

То есть: «Нет, я не беру ее». Все муллы опечалились и ушли. Когда они вошли в дом, мулла Миро их спросил:

— Ну, что же это случилось?

А жена его говорит:

— Это даже к лучшему. Он стал братом Гульгутый, и люди теперь не будут злословить.

Тогда Джаллат-хан сбросил с головы бычий пузырь. А эта Гульгутый, дочь муллы Миро, которая влюбилась в Джаллат-

хана, была придворной девушкой Шмайлы. Несколько дней подряд она не приходила к Шмайле, и вот наконец та спросила:

— Почему это не приходит Гульгутый?

Пришлось Гульгутый отправиться во дворец.

На другой день увидел Джаллат-хан одну старуху, она бродила по улицам, говорила сама с собой. А старуха эта изготавляла букеты для Шмайлы. Джаллат-хан стал расспрашивать:

— Что эта старая женщина бормочет?

Ему сказали:

— У нее пропал брат по имени Джаллат.

Джаллат-хан решил, что подвернулся удобный случай и воскликнул:

— Да это же я!

Он пошел к старухе, поклонился ей. А так как он был очень красив, то понравился этой старухе тоже. Она сказала:

— Куда ты идешь, сынок? Пойдем со мной!

Пошли они вместе потихоньку. У этой старухи было два сына. Одного из них звали Момандай, другого — Сомандай, оба они были ювелирами. Пришла к ним мать и говорит:

— Сынки! Вот это мой пропавший брат, нашелся, наконец.

Ну, ладно. Усадили они Джаллат-хана вместе с собой, обучили ювелирному делу. Джаллат был юноша в расцвете лет необычайной красоты. И все в городе приходили полюбоваться на него. Лавка ювелиров стала бойким местом, и за короткое время Момандай и Сомандай очень разбогатели.

Вот сидит однажды старуха, делает букеты, а Джаллат-хан спрашивает:

— Что ты делаешь?

Старуха отвечает:

— Это я отнесу подругам Шмайлы.

— А какой букет возьмет сама Шмайла?

А надо сказать, что Джаллат-хан был еще и художник. Он сам подобрал прекрасный букет и положил его в корзинку. Старуха пришла во дворец, стала раздавать букеты. Наконец взяла букет Шмайла, и так он ей понравился, что она спросила:

— Тетушка! Кто сделал этот букет?

Старуха в ответ:

— Есть у меня плешивая дочь — она и сделала.

Шмайла удивилась:

— Почему же ты ее до сих пор не приводила? Завтра обязательно приведи ее с собой, я на нее посмотрю.

Старуха давай отговариваться, что, мол, у ее дочери от головы плохо пахнет и прочее, но Шмайла стояла на своем:

— Обязательно приведи ее вечером!

Пошла старуха домой, она совсем было растерялась. «Что мне делать? Дочери-то ведь у меня нет. Шмайла меня убьет», — думает она. Пошла к Джаллат-хану и говорит ему:

— Сынок! Шмайла вот что сказала. Как же теперь быть?

Джаллат-хан отвечает:

— Это же дело простое. Пойди скажи Гульгутый, чтобы собрала и дала тебе все свои наряды и украшения.

Старуха пошла к Гульгутый, принесла все ее наряды Джаллат-хану. Джаллат-хан надел платье Гульгутый, сделал из ваты груди, а на голову опять натянул бычий пузырь. Он сказал себе: «Пусть не подумают, что старуха лгала. Да к тому же у меня нет кос».

Настал вечер. Старуха — впереди, Джаллат-хан за ней, пришли они в дом к Шмайле. А Джаллат-хан, пока шел, старался ступать с левой ноги — чтобы никто не догадался.

Когда Шмайла увидела Джаллата, то с первого взгляда в него влюбилась и запела:

О черноглазая Шмайла!
Если бы ты была мужчиной,
А другие были бы девушками.

Джаллат-хан подумал: «Видно, у нее нет подозрений насчет меня», — и ответил Шмайле так:

О черноглазая Шмайла!
Если бы ты была женщиной,
А другие были бы девушками.

Но хоть Шмайла ни о чем не догадалась, она все же решила испытать Джаллат-хана, проверить, мужчина он или женщина. Села она поближе, так, чтобы колени Джаллат-хана коснулись ее бедер: не старается ли он прижаться коленями? Не почувствует ли он наслаждения? Однако Джаллат-хан, как настоящая женщина, не показал никакого волнения. Тогда Шмайла сделала букеты цветов и положила в постель каждой девушке: если это женщина, то букет сразу же завянет, а если мужчина, то останется свежим. Ведь женщина горячее! Джаллат-хан подумал: «Мой-то букет не завянет, ведь я мужчина». Поэтому он рано утром взял с постели одной из девушек букет и положил к себе, свой букет положил той девушке.

Ладно! Что Шмайла ни делала, так и не узнала, кто он. На другой день пришла к ним та старуха:

— Отпустите мою дочь. Приехал ее муж, хочет забрать ее с собой.

Джаллат-хан вышел из дворца и вернулся домой. Снял он женскую одежду, надел опять свою, потом взял инструменты ювелира, затворился в комнате и сказал Момандаю и Сомандаю:

— Не мешайте мне некоторое время.

Принялся Джаллат-хан мастерить льва. Старался, старался и сделал такого замечательного зверя, что прямо чудо! Разукрасил его драгоценными камнями, брюхо сделал пустым, а под брюхом винт сделал. Когда начнешь крутить винт, открывается в львином брюхе дверца. Еще он сделал другой винт. Когда его крутишь, то лев играет. Потом Джаллат-хан сказал Момандаю:

— Я залезу внутрь этого льва, а ты отнеси его вместе со мною к падишаху. Падишах скажет: «До чего хорош этот лев!». А ты ему скажи: «Ну-ка, покрути этот винт. Лев будет играть». Несколько дней спустя пойдешь к падишаху и скажи, чтобы отдал твоего льва, и доставь меня домой.

Ну, так и получилось. Джаллат-хан залез внутрь льва, Момандай взял льва и отнес его к падишаху. Падишах принял льва, стал с ним играть каждый день — очень по душе ему пришла эта забава.

Тем временем узнала Шмайла, что у ее отца появился такой лев, и прислала к отцу с просьбой: «Пришли мне этого льва. И мы хотим его посмотреть и поиграть с ним немного». Отец отослал ей льва. Вот лев уже у Шмайлы, она с ним — не наигрывается. Подружки Шмайлы — кто сядет верхом на льва, кто его за хвост дернет. Так играли до полуночи. Потом все устали, пошли, поели и спать легли. А льва привязали. Когда все заснули, заснула и Шмайла, и тогда Джаллат-хан вылез из брюха льва. Подошел он к постели Шмайлы, а возле кровати горели светильники. Джаллат-хан взял да и переставил их — светильник от изголовья поставил к ногам, а от ног — к изголовью. Надел он Шмайле на палец свое кольцо, а ее кольцо надел себе на руку, взял ее платочек, а вместо него положил свой платок. Потом залез обратно внутрь льва.

Когда Шмайла проснулась утром, она очень удивилась: «Что это такое? Кто здесь побывал?» — ведь на руке у нее было мужское кольцо. И она запела:

Сегодня еще спокойно мое сердечко.
Садитесь, подружки, скажите:
На руке у меня мой перстень или кольцо друга?

Ладно! Подружки тоже подивились, а Шмайла целый день провела в думах, но ничего не придумала. Весь день они опять играли с тем львом, а когда настала ночь и все уснули, Джаллат-хан снова вышел из льва и подошел к Шмайле. Поцеловал он ее и влез внутрь льва.

Шмайла проснулась — лицо у нее влажное от поцелуя, и тут она запела:

Если сегодня спокойно у меня сердце,
Вы садитесь, подружки.
На лице у меня рана от кровожадного льва.

Шмайла уже поняла, что ключ к загадке — во льве. Но больше она ничего не сказала и легла спать. Когда настало утро, Шмайла отпустила всех своих подружек, сказала им:

— Не приходите ко мне четыре дня.

Подружки разошлись, а она осталась одна со львом. Когда пришел вечер, невольница принесла ей еду. Шмайла немного поела, а остальное оставила у себя. Невольницу же прогнала, сказала:

— Иди, да смотри, чтобы никто сюда не приходил. Я ложусь спать.

Невольница ушла, а Шмайла сделала вид, что легла. Но когда она осталась одна, то обратилась к льву. Что она сказала? Послушайте-ка:

Если раньше я была спокойна,
То сегодня мое сердце не спокойно.
Выходи из льва:
Кто бы ты ни был — пастух или сапожник — ты мой друг.

Когда Джаллат-хан услышал это, то подумал: «Никого нет и Шмайла будет издеваться надо мной». Тогда он ответил ей:

О великий боже, я не пастух и не сапожник.
Меня называют прекрасным Джаллатом,
А отец мой — Муслим.

И Джаллат-хан сам вылез из льва. Они заключили друг друга в объятия, сели и поужинали. Джаллат-хан спросил Шмайлу:

— Что же будет? Как мне выполнить условия?

И тогда Шмайла рассказала ему, что делать, чтобы выдержать каждое испытание. Вот что она говорила:

— Обвяжи волоском с моей головы ту железную колоду и ты расколешь ее деревянным топором. А перед коровой махни этим моим платком: она тотчас станет смирно возле тебя, и ты ее подоишь. Когда кончишь доить, брось это вот мое кольцо в молоко. Оно тут же створжится, и ты бегом поднимешься с ним на крышу. А дорога к моему дворцу проходит под отцовским тронем. Возьми его за руку, заставь быстро встать — и путь открыт. Вот только еще два условия я не знаю, как выполнить.

Джаллат-хан сказал:

— Я сам справлюсь, тут уж я знаю, как поступить.

И с этими словами он залез обратно в брюхо льва.

Ладно! В то утро Момандай пришел к падишаху:

— Саиб! Отдай моего льва. Ты им, верно, уж наигрался.

Падишах приказал доставить льва. Льва взяли у Шмайлы, принесли и отдали прямо в руки Момандаю. Момандай взвалил льва на плечи и принес его домой. Там Джаллат-хан вылез из львиного брюха и немедленно переделся в свое платье, сел на коня и приехал к падишаху. Он поздоровался с ним и сказал:

— Саиб! Я выполню условия твоей дочери, если ты мне их сообщишь.

Ладно! Падишах всячески его отговаривал:

— Не надо! Пожалеешь, да поздно будет!

Но Джаллат-хан стоял на своем.

Падишах первым делом дал ему в руки деревянный топор и подвел к железной колоде, чтобы он расколол ее. Джаллат-хан выполнил это.

Потом падишах сказал, каковы остальные условия. Короче говоря, Джаллат-хан выдержал еще четыре испытания. Когда настал черед пятого условия, он вошел ночью в ту комнату, где лежало просо, перемешанное с песком, сжег на окне усик муравья — и спустя некоторое время к нему явились все те муравьи, которых он спас от крестьянина, и сказали:

— К твоим услугам.

Джаллат-хан приказал им до утра отделить просо от песка, да так, чтобы ни одного зернышка там не осталось.

— Если в песке останется хоть одно просяное зернышко, мне — смерть, — сказал Джаллат-хан.

Муравьи принялись за дело и не прекращали работы, пока не отделили все просо от песка — ни единого зернышка не осталось! Джаллат-хан отпустил муравьев — ведь он с их помощью выполнил и это условие!

Теперь надо было выиграть бой между своим львом и львом падишаха. Джаллат-хан пошел, тайком бросил волосок из львиного уса в огонь. И немедленно к нему явились львы. Он отобрал одного льва-великана и выпустил его бороться со львом падишаха. Его лев победил, и он выдержал последнее испытание! И сразу же прошел слух о том, что он выполнил все условия и добился своим мужеством Шмайлы.

Делать нечего, падишах вручил ему Шмайлу, а сам думает: «Все дело во льве Момандая». Он очень рассердился, велел позвать Момандая и отдал приказ:

— Отведите и убейте его!

Связали руки Момандаю и потащили на плаху. Когда Момандай проходил мимо Джаллат-хана, он закричал, чтобы Джаллат-хан услышал:

Джаллат-хан, братец мой!
Что же ты меня забыл?
Ведь меня связанного на плаху ведут!

Когда Джаллат-хан услышал это, он сказал падишаху Хункару:

— Дай мне семь дней править твоим царством.

Тот согласился. Джаллат сразу же приказал ослепить Хункара, а приказ о казни Момандая и Сомандая отменил.

Хункару выкололи глаза, и он семь дней провел слепой. Потом Джаллат-хан пошел за муллой Миро и посадил его на престол, а Момандая и Сомандая сделал везирами.

Потом Джаллат-хан повез Хункара, Шмайлу и всех других в город своего отца. Падишах Муслим услышал, что вернулся его сын и привел с собой того падишаха, который убил шестерых его сыновей. Вышел Муслим навстречу и говорит:

— За что, злодей, ты убил столько юношей? Почему убивал ты своих дочерей?

Хункар рассказал Муслиму свою историю от начала до конца.

Тогда Муслим воскликнул:

— Ты — Хункар!

А тот ответил:

— Да!

Муслим тогда сказал:

— Ведь я твой брат Муслим!

Они называли друг другу разные приметы и узнали друг друга. Обнялись они и долго-долго плакали. Хункар сожалел и раскаивался в своей жестокости, но ведь «утекшую из арыка воду обратно не воротить». Успокоились они и сели рядом, а Джаллат-хан и Шмайла жили счастливо. Вот и все.

Сказке конец, рассказчику отдых.

7.

Муса-джан и Вали-джан

Складно ты говоришь!

Жил в старое время один падишах, звали его Сухейли. Было у него сорок жен.

А еще жили в те времена два брата. Одного из них звали Фируз, другого — Науруз. У Фируза было семь дочерей, а у Науруза было семь сыновей. Оба брата занимались торговлей и были очень богатыми людьми, денег и добра у них много было.

Однажды Фируз и Науруз отправились торговать. А жены их были в ту пору беременны. Дорогой оба брата разговорились: «Если бог даст одному из нас сына, а другому — дочь, то мы их поженим!»

Ладно, оставим пока братьев!

На другой день падишах Сухейли поднялся на крышу своего дворца, взял подзорную трубу и стал глядеть по сторонам. Все в руках бога! Нежданно-негаданно взор его упал на дом Фируза. А у Фируза одна дочь была такая красавица, что цветы ей завидовали. Воду пьет — видно, как вода течет по горлышку, губки тонки, глаза большие, будто черные миндалины, лицо белое. Ну, что тут говорить! В этот день она сидела на крыше дома, косы распустила, волосы причесывала. Среди сестер она была самой младшей, звали ее Бабый. Как увидел ее Сухейли, тут же влюбился: ничего с собой сделать не может. Заметил он тот дом и улицу, спустился с крыши и сейчас же послал слуг, приказал им:

— Разузнайте, чей это дом, чья это дочь. Кто она?

Слуги все разузнали и вернулись к падишаху.

— Эта женщина — дочь Фируза, — доложили они.

Сухейли тут же послал в тот дом сватов. Они пошли к Фирузу, начали стучать в дверь его дома. Их спрашивают:

— Кто вы?

— Мы — сваты падишаха. Падишах влюбился в Бабый и просит ее у вас в жены.

Рассказали сваты все, что случилось. Женщины из дома ответили:

— У нас в доме нет мужчин. И отец девушки уехал торговать. Придется вам подождать, пока отец вернется.

Сваты вернулись, доложили падишаху. Падишах не стал прибегать к силе, оставил девушку в покое, хотя весь горел от нетерпения. Он считал недостойным захватить Бабый силой.

Ладно! Спустя некоторое время Фируз и Науруз вернулись домой. Сухейли узнал об этом и тут же потребовал к себе Фируза. Долго они говорили о том, о сем, и, наконец, падишах сказал:

— Отдай мне в жены свою младшую дочь, Бабый.

Фируз ему на это ответил:

— Погляди — кто ты и кто я? Я — бедняк, ты — падишах. Что меж нами общего? Нет, не дам ее тебе!

Сухейли долго просил, а Фируз все упрямился. Наконец Сухейли сказал:

— Хорошо. Если не отдашь ее добром, я тебя убью, а дочь твою уведу насильно!

Фируз подумал: «А ведь это правда. Нельзя тягаться с падишахом! Он и впрямь и меня убьет, и дочь уведет». Ему ничего не оставалось как согласиться и он сказал:

— Хорошо. Отдам ее тебе.

На другой день Сухейли опять прислал сватов. Ему отдали Бабый, устроили богатую свадьбу.

Ну, какая свадьба ни была, да прошла! Падишах щедро одарил Фируза, тот обрадовался, а Бабый привели во дворец. Сухейли выделил ее среди остальных сорока жен, так он ее любил и уважал. Бабый тоже старалась быть примерной женой. Только падишах домой вернется, а Бабый уже тут как тут: платком лицо ему оботрет, обувь почистит.

Ну, оставим их пока здесь, пусть живут да радуются!

Науруз и Фируз снова отправились торговать. Когда они вернулись из чужой стороны, то привезли с собой большие деньги. Тем временем срок беременности их жен достиг девяти

месяцев, девяти дней и девяти часов. И вот снова у Фируза родилась дочь, а у Науруза — сын. Фируз назвал дочь Гульмакый, а Науруз дал имя сыну — Муса-джан. И тут же они помолвили Гульмакый и Муса-джана.

Ладно! Время идет своим чередом. Прошло лет одиннадцать-двенадцать. Гульмакый и Муса-джан с детских лет полюбили друг друга, так что часу не могли прожить друг без друга. Одно их успокаивало, что они помолвлены по закону и не сегодня-завтра сыграют их свадьбу.

Все в руках бога! Этот Фируз умер, а сыновей у него не было, и вот мать Муса-джана сказала Наурузу:

— Пойди, приведи от них сегодня эту девочку. А то как бы завтра не случилось чего дурного.

Науруз пришел в дом Гульмакый и сказал:

— Отдайте нам нашу невестку. Ведь отец Гульмакый еще в раннем детстве отдал ее моему сыну! Фируз завещал так.

Но сестры и мать Гульмакый ему в ответ говорят:

— Нет! Слово мертвого с ним в могилу ушло. Если вы дадите полностью вальвар *, то мы согласны. А нет — то и говорить нам с вами не о чем.

Семье Науруза пришлось согласиться. Часть вальвара они уплатили, а часть осталась за ними. Родные Гульмакый поставили условие: «Когда получим полностью вальвар, устроим свадьбу».

Все братья Муса-джана стали заниматься торговлей, один он ничего не делал, палец о палец не ударит. Тут и Науруз умер. Начались у Муса-джана с братьями раздоры, и вот он им говорит:

— Выделите мне мою часть.

Братья подумали: «Ведь Муса-джан самый младший из нас, совсем еще мальчик. Не дай бог, натворит завтра что-нибудь, и все мы от этого будем страдать». Поэтому они сказали ему:

— Хорошо. Мы дадим тебе твою часть.

Так они и сделали, и Муса-джан отделился от них. В сердце у него все сильнее разгоралась любовь к Гульмакый, но из гордости, которой известны пуштуны *, он молчал. Муса-джан был очень хорош собою, а еще был он человеком щедрым. Каждый вечер у него в доме музыка, гости. А братья ему ничего не говорят, не останавливают. И вот за короткий срок Муса-джан пустил по ветру все, что скопил его отец.

Однажды мать Муса-джана сказала сыну:

— Иди за невестой, пора тебе жениться.

Пришел он к родне Гульмакый, а они ему говорят:

— Пойди принеси оставшиеся деньги.

А денег-то у него уже нет. Невесту ему не отдают. Мусаджан не решился поступить с ними грубо, он считал недостойным силой захватить у женщин Гульмакый. «Падишах Сухейли их зять, — говорил он себе, — я же один. Лучше будет, если я совсем исчезну отсюда». И он отправился в путь.

Вот уже остались позади родные дороги, и оказался Мусаджан в другой стране. Он очень проголодался. Видит около стен одной крепости несколько человек игрой заняты. Подошел Мусаджан, поздоровался. И они с ним поздоровались, только видит Мусаджан, им до него дела нет. Мусаджан говорит:

— Ребята! Нет ли здесь поденной работы?

Те поглядели на него, и он показался им принцем, потому что лицом был красив, а телом строен. Они подумали: «Разве может этот человек работать поденщиком?» И сказали ему:

— Нет, ты не сможешь работать, мы тебя не возьмем.

Ладно! Гордость не дала Мусаджану настаивать, он промолчал и отправился дальше. И вот, голодный и изнемогающий от жажды, достиг он другой крепости. Опять ему встретились люди, и опять он сказал им:

— Я ищу поденной работы.

Те подумали: «Ведь у нас нет пастуха. Возьмем его пасти коров». И они сказали ему:

— Если ты можешь пасти коров, мы с готовностью тебя наймем. Наш пастух ушел.

Мусаджан согласился. И тогда селяне привели стадо и стал Мусаджан его пасти. Каждый день гонит он стадо все на луг, а вечером собирает по домам хлеб за работу. Но он все время грустил и жизнь ему была не в радость.

Как-то раз он пригнал стадо на другой луг. Глядит — а на лугу стоит соломенный шалаш, в шалаше сидит маланг*, а на стене висит рабаб*. Мусаджан подошел, поздоровался. Маланг ответил ему, а потом спрашивает:

— Ты откуда, парень?

Тот в ответ:

— Я новый пастух этой деревни. На душе у меня тяжело. Сыграй мне что-нибудь на рабабе!

Маланг взял в руки рабаб, настроил его и так заиграл, что только диву даешься! Мусаджан подружился с тем малангом.

Каждый день Муса-джан стал пригонять скотину на тот луг, он пасет стадо, а маланг играет на рабабе. Наконец и сам Муса-джан научился играть. Так и проходило у них время. Ну, а сейчас оставим их там!

Жил один человек по имени Вали-джан. Был у Вали-джана клочок земли, а еще была у него тяжба из-за этой земли с одним человеком. Дошел спор до Сухейли. Человек тот был богатый, раздавал взятки налево и направо, поэтому Сухейли вынес решение в его пользу, хотя отлично знал, что прав-то Вали-джан.

Вали-джан очень расстроился и сказал:

— Ну, ладно! Вуду ждать своего часа! — и пошел домой.

А во дворце у всех жен Сухейли плохое настроение. Падишах на них и не глядит, только с Бабий время проводит. Посоветовались жены между собой: «Давайте наведем порядок!» И порешили они отделаться от Бабий. Стали они ей говорить:

— Вот уже сколько времени ты сидишь, словно пленница, в четырех стенах. Похудела ты, побледнела.

Вздохнула Бабий, спросила:

— Что же мне делать?

А они ей:

— Спроси у падишаха разрешения! Сейчас весна, воздух чистый, цветы распустились, степь зеленеет. Пойдем все вместе на прогулку. Ради тебя и нас отпустят.

Бабий спрашивает:

— А как мне попросить об этом падишаха?

А жены падишаха в ответ:

— Сделай вот как: сегодня, когда Сухейли вернется из дарбара *, ты не обращай на него внимания, навстречу не вставай, не здоровайся с ним. Повернись к нему спиной, нахмурься. Тогда он сам тебя спросит, почему ты сидишь такая сердитая. А ты скажешь, что, мол, сейчас весна, воздух чистый, цветы расцвели, соловьи поют, в зеленых садах журчит вода и цветут розы. Ты сам постоянно отлучаешься, развлекаешься, гуляешь, а мы, бедняжки, словно несчастные пленницы, всю жизнь сидим взаперти в четырех стенах. Ничего-то мы не видим! А ты даже не пожалеешь нас, бедняжек. А ведь и у нас сердце есть, как и у вас, есть чувства и желания. Если же он разрешит тебе погулять, ты его попроси отпустить и остальных, чтобы провели вместе с тобой время!

Бабий согласилась, сказала «Хорошо!»

В тот день падишах, как всегда, ушел утром, а к концу дня

вернулся из дарбара. Бабий на него и не глядит. Не поздоровалась, сидит у двери, к нему спиной повернувшись.

Падишах очень рассердился, почему это сегодня никто его не приветствует? Спрашивает он Бабий:

— Или кто с тобой поссорился? Или ругал тебя? Почему ты сидишь такая сердитая и печальная?

А она ему в ответ:

— Как же мне не сидеть печальной? Сейчас весна, погода хорошая...

И она сказала ему все, как было договорено. У падишаха отлегло от сердца, и он воскликнул:

— Помилуй бог! Разве я могу тебя огорчить? Хоть тысячу раз иди на прогулку!

Ладно, Бабий попросила у падишаха разрешения и для остальных сорока жен!

Утром падишах заранее собрал евнухов. В степи у подножия гор они разбили палатки, а сами встали на страже, чтобы никто не проник сюда. Сорок жен падишаха и Бабий приехали в степь, вошли в палатки, сбросили чадры, расселись, принялись веселиться и играть в разные игры.

А тот Вали-джан, которого Сухейли несправедливо осудил в тяжбе из-за земли, выехал на охоту. Скачет Вали-джан за джейраном, а джейран скачет к палаткам, в которых отдыхают жены падишаха. Вали-джан погоняет коня, а тут евпухи навстречу, не пускают его: «В эту сторону не ездят. Здесь гарем Сухейли, и никому нельзя сюда!»

Услыхал это Вали-джан, обрадовался благоприятному случаю, который бог ему посылает. Ладно, он еще сильнее припнорил своего коня, силой прорвался через евнухов и помчался прямо к палаткам. У шахских жен лица открыты! Остановился Вали-джан прямо перед ними, и они тоже застыли на месте. Разглядел Вали-джан их всех и Бабий понравилась ему больше других: ведь она была самой красивой. Он направил к ней коня, выхватил саблю и приказал Бабий:

— А ну-ка садись быстрее на коня! А не то тут же отрублю тебе голову.

Бабий быстро села у него за спиной. И пока евнухи зады от земли отрывали, Вали-джан умчал Бабий!

Евнухи подумали: «Он умыкнул самую любимую жену Сухейли. Когда мы вернемся, падишах никого из нас не оставит в живых». И они разбежались кто куда.

Жены, хотя и обрадовались несказанно, что избавились от Бабый, все же боялись Сухейли. Ведь он спросит: «Убили вы Бабый или спрятали куда?» «Что мы ему ответим?» — ломали они голову. Но в конце концов ведь они были женщины, а женщины знают столько уловок! И они придумали такую хитрость: «Придем мы домой и заплачем все, как одна. Когда войдет падишах, то спросит, почему мы плачем. А мы скажем: „Жаль! Жалко твоей доброты и стыдно бесстыдства Бабый! Когда мы утром ехали в степь, она, видно, заранее договорилась с одним парнем. Верно, еще раньше была меж ними связь. Только мы занялись играми, как мимо евнухов, оттеснив их силой, промчался на коне парень с обнаженной саблей в руках. Он подскочил к нам и тут же посадил ее за спину. И она поехала с ним, да еще ругала тебя при этом. Нам она тоже говорила такие слова, что повторить стыдно“».

Вот так они и придумали. К вечеру женщины вернулись в крепость, а там никого нет. Сухейли тоже скучно было. Сидит он в дарбаре и говорит себе: «Дома никого нет. Что мне там делать, зачем пойду туда?» Все же к концу дня пошел домой. Глядит — а жены его все плачут, как дети: одна здесь причитает, другая там рыдает. Сухейли огляделся по сторонам — Бабый нет. Он спросил:

— Почему вы плачете? Где Бабый?

А жены ему стали рассказывать, как задумали, что, мол, был у нее друг. Так, мол, и так... Евнухи от страха убежали, а Бабый сбежала.

Сухейли очень расстроился, сердце у него заболело, но он ничего не сказал. Пошел, лег, но так и не уснул до утра. Ворочается с боку на бок, мучают его мысли: «Моя красавица жена бежала, и я опозорен».

Утром пришел падишах в дарбар, а на нем лица нет. Слуги спросили:

— Саиб! Почему ты расстроен? Что с тобой приключилось?

Сухейли рассказал все и воскликнул:

— Бабый пропала!

Один слуга сказал ему:

— Это горе небольшое, не печалься из-за него. Во-первых, она милостью бога найдется. А во-вторых, ты ведь можешь найти себе другую жену, еще красивее!

Так или иначе, утешил он падишаха. И тот сразу же разо-

слал людей по всей округе, чтобы они разузнали, не слышал ли кто-нибудь о Бабый.

Тут родственники Гульмакый подумали: «Бабый пропала. А у Гульмакый есть муж. Но муж Бабый падишах. И если он однажды скажет: „Я хочу Гульмакый“ — что мы сможем сделать? Разве мы в силах тягаться с ним?» И тогда они спрятали Гульмакый в подвал, а сами распустили слух, что она заболела. Прошло несколько дней, и вот они завернули толстое бревно, словно это тело, в белый саван, собрали несколько жепцин — те плачут. И вот стали все говорить, что Гульмакый заболела и умерла.

Ладно! Устроили похороны, унесли бревно и зарыли его в могилу, а потом прочли молитвы по Гульмакый.

Тем временем люди, посланные на поиски Бабый, вернулись ни с чем. Они не нашли ее и сказали везирам:

— Легче найти другую женщину.

Один везир сказал:

— Падишаха достойна лишь Гульмакый — сестра Бабый.

Но Сухейли возразил им:

— Замолчите! Эта бедняжка безвременно скончалась.

Была там одна старуха, подошла она к падишаху и говорит:

— Все вы ошибаетесь. Я вам расскажу правду про Гульмакый. Но только заплатите мне хорошенько. Я-то про нее все знаю!

Падишах очень обрадовался и дал старухе много денег. Старуха пошла к тому подземелью, где пряталась Гульмакый, села у входа, закрыла лицо руками и громко заплакала. Гульмакый слышит — женщина плачет, выглянула она из-за двери, пожалела ее и закричала:

— Эй, матушка! О чем ты так горько плачешь? В чем дело?

Старуха тотчас раскинула сети коварства.

— Доченька, — сказала она, — как тебе рассказать? В прежние времена, когда я была еще маленькой, жив был мой отец Весидахан. Были у меня братья, носили меня на руках. Когда я подросла, приставили ко мне служанок-невольниц. Когда же стала я совсем взрослой девушкой, меня отдали замуж за одного хана. Устроили шумную свадьбу. Потом великий бог послал мне сыновей...

Тут старуха снова зарыдала, стала биться головой о землю.

— Все мои сыновья умерли. И муж мой умер. Богатство исчезло как дым. И сейчас нет у меня корки хлеба. Вот горе-то!

У меня есть дочь. Скоро праздник, дочка моя просит платье, плачет все время, а у меня нет ни денег, ни платья. Совсем я растерялась, не знаю, что делать!

Гульмакый пожалела эту старуху и тут же отдала ей свое платье, сказала:

— Отнеси его своей дочери.

Старуха взяла платье и тут же побежала с ним к Сухейли. Все ему рассказала, описала, как выглядит та женщина.

— Живая она,— сказала старуха.— Вот ее платье.

Падишах вызвал родных Гульмакый и спросил их:

— Почему вы спрятали эту женщину?

Деять нечего, пришлось им отвечать:

— У нее есть муж, но он йсчез. И мы подумали: ведь она мужняя жена! Что если не сегодня-завтра Сухейли возьмет ее у нас силой? И мы будем опозорены и он. Поэтому мы ее и спрятали.

Сухейли сказал им:

— Бог знает, жив ее муж или нет. Если он все же вернется, я подыщу ему хорошую жену.

Родственники говорят:

— Ты — падишах. Нам с тобою тягаться трудно. Но принуждать Гульмакый мы не будем. Иди к ней сам и делай, что хочешь. Ведь она твоя свояченица, уговори ее.

Сухейли пошел в дом Гульмакый и сказал ей:

— Покажись-ка мне!

Он хотел проверить, правда ли, что она еще красивее Бабый. Гульмакый подумала: «Он силен и противиться ему невозможно. А муж мой жив. Нельзя мне его и себя опозорить». И она ответила падишаху так:

— Хорошо. Поставь столб высотой в шестьдесят гязов*. На вершину его поставь три кубка из чистого золота. Если кто-нибудь собьет эти кубки стрелой из лука, тогда я стану твоей женой.

Гульмакый думала, что, может быть, за это время вернется Муса-джан. Хорошо! Этот Сухейли поставил столб высотой в шестьдесят гязов, водрузил на вершину его три золотых кубка, собрал всех охотников своей страны и объявил им:

— Тот, кто собьет эти кубки, получит большую награду!

И вот стали разные люди приходить, стрелять, пытаться свое мастерство.

Тем временем у Бабый родился от Вали-джана сын. Сооб-

шили ему радостную вестъ, а через некоторое время пришла другая вестъ, что ожеребилась его кобыла — появился у нее жеребеночек. Вали-джан обрадовался. Сына он назвал Мир-вали, а жеребенка Прангай. И сказал:

— Этот Прангай принадлежит Мир-вали. Когда оба вырастут, пусть Мир-вали ездит на нем.

Время идет, Сухейли подумал: «Никто, видно, не сумеет сбить эти кубки. Зачем мне горевать, мучиться ночами». И приказал он силой привести к нему Гульмакый: она ведь обыкновенная одинокая женщина, что тут долго раздумывать. Велел Сухейли послать людей и паланкин, чтобы доставили ее во дворец. Гульмакый, когда узнала об этом, поняла, что ее уведут и ничего она не сможет поделать. Тогда взяла она острый нож. Пришли люди, силой усадили Гульмакый в паланкин, принесли в гарем падишаха. Настал вечер, пришел Сухейли. Только вошел он в комнату к Гульмакый, она закрыла лицо. Сухейли подошел ближе. Заплакала Гульмакый и сказала:

— Не касайся меня, у меня есть муж, его зовут Муса-джан. Найди Муса-джана и приведи его, или убей его, или добейся, чтобы он развелся со мной, или стрелой сбей кубок. А до того времени тебе нельзя меня видеть.

Тут вытащила она нож, приставила его к своей груди и сказала:

— Если ты коснешься меня, я убью себя этим ножом, а коли удастся, то и тебя убью. Клянусь богом, живой ты меня не возьмешь. Ты получишь меня только мертвой или если ты задумал какую-нибудь хитрость.

Сухейли подумал: «Этому делу конца не видно. Муса-джан неизвестно где. Если даже я найду его, все равно он в руки не дастся». Однако делать нечего, послал он людей искать Муса-джана, а охотникам приказал опять попытаться сбить кубки.

Жил один маланг. Шел он как-то своей дорогой и пришел на тот луг, где Муса-джан пас стадо. Подошел поближе, Муса-джан с ним поздоровался и спросил:

— Откуда ты, странник?

А тот в ответ:

— Я иду из города Сухейли.

Муса-джан спрашивает:

— Как там Гульмакый, здорова ли?

Маланг отвечает:

— Ее ведь силой увез во дворец Сухейли.

И подробно рассказал, как все случилось. Потом маланг ушел, а Муса-джан остался расстроенный и опечаленный. Взял он рабаб, настроил его и так заиграл, что его друг факир только рот разинул! И тогда факир подарил свой рабаб Муса-джану. Потом Муса-джан сказал:

— Факир! Чем же все это кончится?

Факир ответил ему:

— Это дело одному не под силу. Есть человек в Арнаи по имени Вали-джан, родом из племени тарин *. Он настоящий богатырь, сильный, отважный и верный человек. Если тебе удастся с ним договориться, твое счастье, а нет — ничего у тебя не получится.

Муса-джан оставил стадо, повесил через плечо рабаб, попросил у факира благословения, простился и отправился в путь. Шел он, шел и вот пришел в Арнаи. Отыскал дом Вали-джана, поздоровался. Когда он поел, Вали-джан говорит ему:

— Сыграй-ка мне на рабабе, что-то тяжело у меня на душе. А когда развеется печаль, мы с тобой побеседуем.

Муса-джан достал из мешка рабаб, настроил его и так заиграл, что все пришли в восхищение. Потом стали люди расходиться, а Вали-джану так понравилась игра Муса-джана и его молодость, что он сказал ему:

— Человек! Не уходи. Я тебе дам все, что пожелаешь. Расскажи мне, как ты сюда попал?

Муса-джан назвал себя и рассказал ему историю Гульмакый. А этому Вали-джану все уже было известно — от начала до конца ему рассказывала Бабый. Тут они узнали друг друга, и Вали-джан сказал:

— Ведь Бабый теперь у меня.

Пошли они к Бабый. Она тоже была печальна, но когда увидела Муса-джана, то обрадовалась. Она поздоровалась с ним, расспросила о здоровье. Муса-джан и Вали-джан стали теперь свояками и очень полюбили друг друга, так что даже побратались. Был у Вали-джана конь по кличке Атам. Он подарил его Муса-джану, дал ему также лук и стрелы и сказал:

— Да облегчит бог это дело. Бог любит спокойствие. Будем ждать удобного случая. Не унывай.

Стали Муса-джан и Вали-джан каждый день ходить на охоту, время коротать приятно. Однажды они ушли на охоту, а Сухейли уже услышал, что есть такие замечательные охотники и богатыри и что зовут их Муса-джан и Вали-джан. И кто-

то сказал ему: «Эти кубки никому, кроме них, не сбить». Тогда он послал семь солдат за Муса-джаном и Вали-джаном и приказал привести их к нему добром или силой. Отправились солдаты и говорят между собой: «Их всего двое. Чего долго возиться? Как приедем, тут же свяжем их и потащим».

Ладно! Остановились всадники перед крепостью Вали-джана. Мир-вали, сын Вали-джана, был еще маленький мальчик, занимался игрой в бабки и другими играми. Но когда он увидел всадников, то вышел вперед, поздоровался с ними и сказал:

— Сойдите с коней, проходите в дом, угощайтесь. А дело ваше с помощью бога будет сделано.

Но солдаты его не слушают, с коней не слезают.

Тут подоспели Муса-джан и Вали-джан. Они еще издали увидели всадников перед крепостью, и Муса-джан сказал:

— Сдается мне, что Мир-вали не встретил этих гостей с подобающим уважением! Почему они не спешили? Клянусь, если он не оказал гостям почтения, не быть ему живым!

Но когда они подъехали ближе, то услышали, как Мир-вали просит гостей: «Сойдите с коней, сделайте милость», а те не слушают. Вали-джан очень обрадовался и сказал:

— Молодец! Ты воистину мой сын, настоящий пуштун.

Подъехали они совсем близко, глядят — а это семеро солдат.

А у Вали-джана была сестра по имени Тано. Она стояла на крыше и ждала, когда они приедут. Муса-джан увидел, что Тано стоит на крыше, и понял, что тут что-то не так. И тогда Муса-джан обратился к Тано — что она ни скажет, он услышит и сказал такие стихи:

Как нежны губки моей Тано!
Поклянись богом, сестрица Тано,
Что скажешь правду, кто эти всадники.

Услыхала это Тано и с крыши пропела в ответ:

О Муса-джан, скажу тебе правду.
Богом клянусь, эти пришельцы —
Солдаты Сухейли.

У Муса-джана и до этого на сердце беспокойно было. А он никогда не расставался с ружьем, которое он прозвал «хам-дам» — «истинный друг». Когда Муса-джан услышал имя Сухейли, у него глаза на лоб вылезли, он схватил ружье, уперся прикладом в землю и нажал курок. Прогредел выстрел, солдаты

Сухейли подумали: «Сейчас всех здесь перебьет!» И обратились к Муса-джану:

У Муса-джана ружье хамдам.
Подними его приклад с земли,
А мы поклянемся тебе святым Кораном.

Но Муса-джан и слушать их не стал. Стрелял, пока не прикончил шестерых. А один солдат спасся бегством. Прибежал к Сухейли, еле дышит. Так, не переводя дыхания, вбежал в дарбар. Рассказал он все падишаху, что они, мол, такие люди, что тебе с ними не справиться, и что Бабый была там же.

Падишаху неловко стало:

— Тебе следовало рассказать мне это наедине. Кто говорит такое при всех, на людях, в дарбаре?

Стал Сухейли ломать голову над тем, чем все это кончится. Придворные сказали ему:

— Силой здесь не возьмешь. Вот если ты пошлешь им обещание на священном Коране с печатью, может быть, они придут. А тогда делай с ними все, что хочешь.

И Сухейли написал в святом Коране свое обещание, поставил свою печать, вручил книгу сеидам и отправил их к Муса-джану и Вали-джану, чтобы они их уговорили.

Когда сеиды добрались до крепости, они увидели, что Муса-джан и Вали-джан разложили на крепостной стене в ряд яйца и по очереди сбивают стрелой одно яйцо за другим. Так они упражнялись в меткости. Сеиды бросили в руки Вали-джану и Муса-джану Коран. Те поймали, поцеловали его и спросили сеидов:

— С чем вы приехали? Что за дело у вас?

Сеиды рассказали им всю историю Сухейли и Гульмакый от начала до конца.

Ладно, побратимы выслушали сеидов с большим почтением и отпустили их, пообещав:

— Хорошо. Завтра мы приедем вслед за вами.

Когда сеиды уехали, они тут же пошли домой и стали советоваться между собой, ехать им или нет. Сестра Вали-джана Тано сказала им:

— Не ездите, ведь это враг. И в словах его таится коварство. Врагу верить нельзя, пусть он даже клянется Кораном. Никто не должен верить врагу.

Но как ни уговаривала их Тано и другие, они не послушались и сказали:

— Мы поедем, а не то люди будут смеяться не только над нами, но и над детьми нашими. Они станут говорить им: «Ваши отцы прятались от Сухейли дома, под юбкой у своих жен».

Они закончили все дела, легли спать. А эта Тано всю ночь заснуть не может, не идет сон ей на ум! Говорит сама себе: «Если усну, то не увижу их больше». Но в конце концов мысли у нее смешались и она заснула. И видит она сон: «Из-за меня сломается один браслет». Тут же проснулась Тано в смятении: «Не дай бог, чтобы случилось несчастье».

Рано утром вывел Вали-джан коня седлать, а конь заржал. Тано услышала и сразу же воскликнула:

Вали-джан! Ночью видала я сон:
В руках у меня было два браслета,
Они ударились друг о друга, и один из них разбился.

То есть: «Не ездите! С вами случится несчастье».

Ладно! Они вышли, а женщины разом заплакали. Когда выехали друзья из крепости, Вали-джан дал поводья коня Мусаджану и попросил подождать его немного.

— Я пойду успокою этих женщин,— сказал он.

Вали-джан вошел в дом и некоторое время утешал и успокаивал женщин:

— Не плачьте, бог милостив, мы вернемся обратно!

А Мусаджан ждал у ворот, он запел:

Вали-джан! Не слушай женщин!
Вали-джан, выходи скорее,
А то над нами будут смеяться внуки.

Вали-джан тут же вышел из дома, оба вскочили на лошадей, но тут вышла Тано и запела:

Вали-джан! Обернись!
Дорогой мой, не могу я наглядеться на тебя.
Скачешь-уезжаешь — счастливый путь!
Пусть бог будет вашим спутником.

Тано подумала, не обиделся ли Мусаджан, мол, «у Вали-джана есть сестра, а у меня никого нет». И тогда она обратилась и к нему:

Мусаджан в черной кабе *,
Когда подъедешь к тому столбу,
Оглянись, посмотрим, что под ним.

То есть: «Смотри, чтобы не вырыли яму под столбом, будь осторожен, не попади в нее». А потом запела еще:

Муса-джан! Если тебе встретится дурной человек,
Не ешь ничего из его рук,
Скажи ему, что у нас сейчас пост.

А смысл ее песни был такой: «Если тебя будут угощать, то ты скажи, что у нас пост. Будь осторожен, ничего не ешь у чужих — как бы они не подсыпали в пищу яда!»

Ладно! Попрощались они с домом и отправились в путь. Все свое оружие, даже лук со стрелами, взяли с собою. Ехали они, ехали и наконец прибыли в город. А те люди, которых посылали за ними, пришли к падишаху:

— Дайте нам награду или отблагодарите еще как-нибудь!

И они рассказали, что привели Муса-джана и Вали-джана. Сухейли очень обрадовался и устремился им навстречу. Только он сел на коня, а они уж тут как тут, входят в дарбар. Муса-джан и Вали-джан подумали: «Сейчас он убьет нас здесь ни за что ни про что. Нет, надо узнать тайну Сухейли, догадаться, чего он хочет». И тогда Вали-джан запел:

Ослабим поводья боевого коня,
Сухейли, что у тебя на сердце,
Открой это нам.

Сухейли подумал, что они его опасаются и сейчас в дарбаре случится злое дело. Тогда Сухейли обратился к ним с такими словами:

Если Муса-джан ослабит поводья боевого коня,
Если сделает конь два шага,
Третий — добро пожаловать ко мне.

Ладно! Сухейли почувствовал к ним симпатию, приблизился к ним, слуги взяли у них лошадей, усадили их на стулья. После того как все приветствовали друг друга и поели, они вышли в сад — был у Сухейли возле дома такой сад. Гуляют они по саду, а Сухейли так и не знает, кто из них Муса-джан, а кто Вали-джан. В это время услыхала Гульмакый, что прибыли Муса-джан и Вали-джан. Она тут же поднялась на крышу, глянула — и увидела их обоих. Узнала Гульмакый Муса-джана и пропела:

Сухейли! Кто эти войны в твоём саду?
Один — Муса, другой — Вали.
Вьются кольцами черные кудри Мусы.

И Сухейли их узнал. А что было на сердце у Гульмакый — об этом знает один бог. Ах! Однако пришел вечер. Прошла ночь, и наступило утро.

На площади стоял столб высотой в шестьдесят гязов, а наверху на перекладине были поставлены три золотых кубка. Сухейли вызвал барабанщиков, заиграла музыка. Муса-джан вытаскил лук и стрелы, сел верхом на коня, подъехал к перекладине. Высыпали на площадь божьи люди, смотрят: «Ведь столько времени никому не удалось сбить стрелой ни одного кубка. Что же это за молодцы, которые собрались сбить кубки?» Муса-джан натянул как следует тетиву, тетива тенькнула, стрела вылетела, и с первого же раза он сбил кубок. Точно так же сбросил он вниз другой кубок. И тут сердца всех охотников города переполнились завистью: ведь они столько времени усердствовали, но никому не удалось попасть в кубки! И тогда они воздели руки к небу и стали проклинать Муса-джана. А этот Муса-джан подумал, что они его благословляют. И он тоже поднял руку: «Аминь! Аминь!» Когда люди опустили руки, Муса-джан направил стрелу в третий кубок, но слишком натянул тетиву и случилась беда: стрела сломалась у него в руке. Пошел Муса-джан и обратился к Вали-джану:

Вали-джан! Таринам * надо было
Сбить три золотых кубка.
Два раза мне удалось, а на третий
Сломалась в руке стрела.

Вали-джан отвечал Муса-джану:

Муса-джан, брат, коли ты так сетуешь,
Возьми мою стрелу с золотым наконечником,
Но смотри, берегись дурного глаза.

Муса-джан взял у Вали-джана его стрелу и сбил последний кубок. Раздались рукоплескания, забили в литавры, началось веселье, поднялся шум. Сухейли очень обрадовался. А Гульмакый стоит на крыше, смотрит на зрелище.

Муса-джан и Вали-джан сказали падишаху:

— А сейчас отпусти нас, мы поедem. Вот кубки. То, что ты хотел, сделано.

Сухейли и так и сяк уговаривал их остаться, но они не соглашались, и Сухейли их отпустил.

Тут узнала Гульмакый, что они уезжают. Она сразу же послала слугу:

— Скажи им, чтобы не уезжали, что их зовет Гульмакый. Она хочет, чтобы вы были ее гостями.

Слуга пришел и сказал им:

— Вас требует к себе Гульмакый, не уезжайте. Она говорит, что вы ее гости!

Муса-джан очень обрадовался, но Вали-джан был человек осторожный и рассудительный, он сказал Муса-джану:

— Оставь ее на этот раз. Когда мы все хорошо подготовим, мы не оставим ее здесь. Сейчас же лучше будет, если мы уедем, нам грозит опасность. Но поступай, как хочешь!

Но ведь Муса-джан был влюблен, он не мог ждать и сказал:

— Нет, я остаюсь, не еду!

Ладно, пришлось и Вали-джану остаться тоже. Оба тайком пришли в жилище Гульмакый и стали ее гостями. Гульмакый отвела им угловую комнату и тайно поместила их там, чтобы не узнал Сухейли или еще кто-либо. Она сама готовила им еду, потому что она никому не доверяла — она ведь понимала, что Сухейли только и мечтает их погубить и непременно это сделает, как только найдет какой-нибудь способ. Наступил вечер. Гульмакый не смогла утерпеть и послала невольницу:

— Пойди, посмотри, какой из них красивее.

Когда невольница вошла, то она сразу увидела Вали-джана, который сидел напротив лампы, и он ей очень понравился. Она пошла к Гульмакый и пропела так:

Муса-джан совсем черный,
А у Вали-джана такие усы,
Словно он лев!

Гульмакый рассердилась:

— Я по одному страдаю, а ты мне другого хвалишь?

И послала вторую невольницу. Та была поумнее, пришла, пригляделась к обоим, а когда вернулась, обратилась к Гульмакый:

Биби-джан! Вали — весь пожелтел.
Ты — как роза, и Муса
Достоин твоих объятий.

Гульмакый очень обрадовалась этим словам, сердце ее оттаяло, и она почувствовала доверие к этой служанке, Она сказала ей:

— Ты будешь приносить им еду.

Служанка ответила:

— Хорошо.

Ладно. Стала эта служанка носить им еду. А Гульмакый строго ей наказывает:

— Будь осторожна. Никому не показывай ни еду, ни посуду. Если кто-нибудь хоть одним глазком поглядит, не быть тебе живой, убью! Смотри же, берегись!

А тем временем Сухейли захотел прийти к Гульмакый. Он ведь думал, что друзья уехали. Но пришел к нему один человек и сказал:

— Они не уехали, оба они в доме Гульмакый.

Тут Сухейли совсем приуныл.

— Что это значит? Прошло столько времени, а я так ничего и не добился. Я так и не видел лица Гульмакый, не говоря о чем другом. Теперь оба эти человека в доме Гульмакый — а ведь они оба мои враги!

Сделать Сухейли ничего не может, боится их. Тогда он позвал своего доверенного человека и спрашивает:

— Как найти из этого выход? Если мы сейчас пойдем туда, схватим и убьем их, то ведь и Гульмакый покончит с собой. А потом они ведь такие сильные, они богатыри. Обязательно опозоришь себя, и на тебя падет бесчестье. А если нет, то чем все это кончится? А кубки, которые они сбили с перекладкины,— их ведь забрала себе Гульмакый! Она теперь довольна — все это была ее выдумка. Ну, как сейчас поступить?

Стали ему советовать:

— Найди старуху похитрее и пусть она тихонько покончит с этим делом — подсыплет яду. Она их убьет, а ты избежешь лишнего шума!

Сухейли стал искать старуху. И наконец нашел старую каргу, хитрую и коварную, словно сам черт. Она взялась убить обоих, а уж если не обоих, то одного-то обязательно. Сухейли дал ей кучу денег и очень обрадовал ее этим.

Пошла эта старуха и все разузнала о побратимах: где они и кто носит им еду! Когда она выяснила, что такая-то невольница тайком относит им еду и никому ее не показывает, то раздобыла очень сильный яд. Она мелко-мелко растолкла его и на-

била порошок под ногти. Потом пошла и села там, где невольница проносила еду. Настал вечер, и Гульмакый снова приготовила еду и своими руками разложила все на блюде. Затем дала блюдо невольнице и опять строго ей наказала:

— Будь осторожна. Никому это не показывай.

Невольница ответила:

— Хорошо.

Поставила она на голову поднос и вышла. По дороге видит — сидит какая-то старуха и плачет навзрыд. Поравнялась невольница со старухой, а та упала ей в ноги. Валяется у нее в ногах, плачет, посинела вся от слез. Невольница и говорит:

— Почему ты плачешь?

Старуха отвечает:

— Ах, дочка, вот уже двадцать лет, как у меня есть сын, и он влюблен в дочь падишаха. Ушел он из дому, наверно, поселился где-нибудь рядом с ней — другого и не придумаешь. Сегодня утром я узнала, что здесь готовят еду для двух влюбленных. И приготовляет еду сама возлюбленная. И вот пришла я в надежде хоть разок взглянуть на эту еду для влюбленных, что это за штука такая? Как бы мне узнать, готовят моему птенчику такую или нет?

Невольница рассердилась на нее и сказала:

— Ступай прочь, проваливай! Как узнает госпожа, убьет нас с тобой обеих. Она наказывает мне быть осторожной и никому не показывать еду, чтобы никто ее не увидел.

Старуха вытянула руки, растопырила пальцы и говорит:

— На, смотри! У меня в руках ничего нет. Дай взглянуть разок, посмотри, чтобы сердце мое успокоилось.

И вот после долгих уговоров старуха приподняла с блюда крышку с одного края. А когда она приподнимала крышку, из-под ее ногтей сыпался яд, мелкий, как пыль, а невольнице и невдомек. Проклятая старуха снова заплакала, запричитала, выпустила блюдо из рук и пошла своей дорогой. Невольница отнесла то блюдо и поставила его перед Вали-джаном и Мусаджаном. Вали-джан был очень осторожный человек, у него родилось подозрение и он сказал Мусаджану:

— Не ешь этого! В этой еде яд.

Мусаджан возразил:

— Удивительное дело! Гульмакый готовила все своими руками, а ты говоришь, чтобы я не ел из ее рук!

В это время там оказалась какая-то собака, и они бросили ей

кусок мяса. Но у Муса-джана не было сил дожидаться, он отщипнул кусочек и вот-вот съел бы его, да Вали-джан выбил тот кусок у него из рук. Взял Вали-джан другой кусок и на глазах у Муса-джана съел его. Он сказал:

— Видишь, я съел кусок. Если умру я, то у меня ведь останется сын Мир-вали. А если ты умрешь, то дело плохо. У тебя нет никого. На братьев какая надежда? За меня отомстит Мир-вали, а за тебя кто?

Та старуха шныряет вокруг, смотрит — что делается. Собака тут же сдохла. И Вали-джан упал замертво. Старуха тотчас поспешила с вестью к Сухейли.

— Одного из них я умертвила для тебя, но только не могу сказать которого.

А невольница, когда увидела, что приключилось, совсем потеряла голову:

— О господи! Близок мой смертный час!

И она запела так:

Великий боже! Как я пойду домой?
Этот Вали-джан позеленел, свалился с ног,
А Муса-джан бежит из стороны в сторону.

Услышала Гульмакый в гареме эту песню и полетела, словно ветер: не иначе как что случилось! Прибегает, тут невольница ей и рассказала, что произошло. Посмотрела Гульмакый и видит: лежит Вали-джан. Она обратилась к Муса-джану:

Муса-джан, у тебя на голове черная чалма,
Ты не слушался брата:
Оставил меня вдовой среди племени тарин.

То есть: «Если Вали-джан умер, то и тебя тоже убьют. Ты остался один, и я осталась словно вдова». Вали-джан ответил:

Один из нас умер по твоей вине:
От тебя принесли еду,
А она принесла нам смерть.

Гульмакый запела так:

Видно сегодня ослабел мой разум!
У тебя много врагов,
А я поверила рукам невольницы.

А Вали-джан уже изменился в лице. Но он собрался с силами и сказал:

— Я потерплю, а вы пока поговорите друг с другом, не огорчайтесь.

Он хотел этим сказать, что раз они оба так любят друг друга, так пусть посидят немного вместе: и то — счастье. Но какое тут счастье? Тогда запел Вали-джан:

Сегодня постигла меня беда,
Увезите меня отсюда,
Мое сердце обливается кровью.

А потом он снова сказал им:

— Вы не беспокойтесь!

Но мучения его не прекращались. Близилось время утренней зари, и Вали-джан снова запел:

Край неба покраснел,
Муса, собирайся, садись на коня,
А мне смерть сдавила горло.

— Что за беда приключилась? — заплакала Гульмакый.

Вали-джан услышал ее плач и, хоть был уже полумертвым, сказал для утешения Гульмакый такие слова:

Гульмакый, уходи, живи пока здесь.
Если бы мы оба были на этом свете,
Мы бы увезли тебя отсюда, Гульмакый.

Короче говоря, Муса-джан поднялся, оседлал лошадей, а Вали-джан сказал ему:

— Брат! У нас много врагов. Если узнает Сухейли про наши дела, проведает, что ты один, он и тебя убьет, и меня прикончит. Ты сделай так: привяжи меня крепко к лошади, чтобы я не свалился. А за спину мне повесь лук со стрелами. Если враги перережут нам дорогу, то я буду крепко сидеть, а если смогу, то и выстрелю в них. И ты тоже будешь стрелять. Глядишь, они и испугаются.

Муса-джан так и сделал. Привязал его крепко к лошади, и они отправились. А возле дома притаилась старуха, глядит — Гульмакый стоит перед ними, плачет и поет:

Сестра и племянница, это свет моих очей.
Вали и Муса-джан — попугаи в саду.
Кто их поймает в силки?

Старуха пошла и сообщила обо всем Сухейли. Тот сейчас же послал всадников им вдогонку. Он сказал:

— Один из них мертвец. Убейте и другого, смотрите, чтобы не ушел от вас живым.

Муса-джан и Вали-джан отправились в путь ранним утром, кругом туман стоит. Глядят — а на дороге всадники. Вали-джан догадался сразу, что это враги, но ничего не сказал Муса-джану, чтобы не смутить его душу. Только выпустил он потихоньку от Муса-джана две стрелы. Полетели стрелы, вонзились в чело- века, а Вали-джан говорит:

— Это я себя проверяю, каков я еще?

Но только те люди все же настигли их, тут Вали-джан об- ратился к Муса-джану:

Муса-джан, опять вышло по-моему.
Возьми у меня эти стрелы,
Спеши к ним, не бойся!

Смысл этой песни был, что «Говорил ведь я тебе: посдем, оставим Гульмакый, а после спокойно придумаем, как быть. А ты сказал: я остаюсь. А сейчас я умираю. Близится мой смертный час. Будь осторожен!»

Муса-джан начал схватку с такой отвагой, что всех врагов привел в смятение. Одних он убил, других обратил в бегство. Стали воины совещаться между собой:

— Сухейли нас обманул. Он говорил, что против нас будет один человек, а ведь их двое и оба сражаются! Тот, другой, видно, здоровехонек!

Короче говоря, всех их след простыл. Муса-джан и Вали-джан продолжают путь. Едут они, едут и вот на рассвете подъ- ехали к своей крепости. Вали-джан был уже чуть живой, по услышал он, что из крепости слышен шум, музыка и веселые крики. И сказал Вали-джан Муса-джану:

— Помоги мне сойти с коня, а в дом не ве-ди — пусть они продолжают веселиться. Пусть их радость не омрачится горем.

А это веселье устроил Мир-вали. Когда отец его с другом уехал, он тоже пустился в путь и силой увез дочь одного хана. А сейчас, наверное, он устроил свадьбу.

Вали-джан сказал Муса-джану:

— Пойди в дом и расскажи обо мне только матери Мир-вали — Бабый. Будь осторожен, никому больше ничего не го-вори.

Муса-джан сразу же пошел в крепость и тайно сообщил жене Вали-джана:

— Иди. Тебя зовет Вали-джан.

Она потихоньку пошла, никому ни слова не сказала. Подошла она к Вали-джану, а он уже без памяти. Зарыдала она и запела над ним:

Вали-джан! Подними голову, проснись,
Я не знаю, кто дал тебе яд.

Тут Вали-джан приоткрыл глаза и ответил Бабый так:

Подойди ко мне, моя любимая,
Ты делишь со мной горе.
Яд дала мне старушонка,
На лбу у меня написала час смерти.

Они посидели немного, а потом Вали-джан отпустил ее со словами:

— Иди. Не дай бог, узнают и другие, и наша радость будет омрачена горем.

Бабый пришла домой, себя не помнит от горя. То войдет в комнату, то выйдет. Когда входит в комнату — плачет, когда выйдет — сурьмит глаза. Говорит: «Никто не должен знать, что сегодня горе омрачило мою радость». Но терпит Бабый, скрепя сердце, никому ничего не говорит.

А Мир-вали думает: «Что это с матушкой? Что она делает? То войдет, то выйдет. Когда входит — плачет, когда выходит — осушит глаза». И он обратился к матери:

О жемчужина, дочь бирюзы!
Когдаходишь — плачешь,
А когдаходишь — глаза у тебя насурьмлены.

То есть смысл его слов был такой: «Что случилось, что ты снуешь туда-сюда? То заплачешь, то вытрешь глаза».

Мать и так и сяк отговаривалась: у меня, мол, голова болит, ничего не случилось. Однако Мир-вали ей говорит:

— Клянусь богом, не отстану от тебя до тех пор, пока не скажешь мне правду.

Мать его поневоле рассказала, что случилось. Когда они вышли, об этом узнала и Тано и обратилась к Муса-джану так:

Муса, Муса, брат мой,
Лицо твое покрыто пылью.
Почему это, братец? Ты умер или еще жив?

Ладно! Узнали обо всем Тано и все остальные. Радости их как не бывало! Женщины и все остальные опечалились, собрались все, сели возле Вали-джана, плачут от горя. Вали-джан приоткрыл глаза и увидел Мир-вали. И обратился он к Мир-вали:

Мир-вали! Поправь мне чалму.
Во-первых, отомсти за меня Сухейли.
А во-вторых, приведи Гульмакый.

Так завещал он сыну отомстить за себя Сухейли и привести Муса-джану Гульмакый. Мир-вали отвечал ему:

Отец! Я не забуду твоего завета.
Обязательно отомщу за тебя Сухейли,
Отмщу за каждую твою косточку!

Тут Вали-джану стало совсем худо, бог прибрал его к себе, умер он. Вали-джана обмыли, завернули в саван, и тут же его схоронили. Вернулись домой, прочитали молитвы. Когда прошло три дня, кончились похоронные церемонии, Мир-вали сразу же пристал к Муса-джану:

— Поедем скорее, сразимся с Сухейли!

Муса-джан ему говорит:

— Подожди, ты пока еще мальчик, не возмужал. Вот пройдет год, ты станешь сильнее!

Ладно, прошло несколько месяцев. Горе их немного утихло. И опять Мир-вали говорит:

— Дорогой дядюшка! Поедем, я не могу больше ждать. Или покончу с жизнью, или отомщу ему за отца.

Пошел он, оседлал коня Прангая, взял лук и стрелы и гарцует перед домом. Муса-джану ничего не оставалось, как тоже собрать все необходимое. Попрощались они с женщинами, отправились в путь и вот приехали.

А Гульмакый все время тянет, обманывает Сухейли, ждет вестей от Муса-джана и Вали-джана. Наконец перестала она ждать и сказала себе: «Видно, ничего не поделаешь, наверное, оба умерли». И пришлось ей сказать Сухейли:

— Теперь готовься к свадьбе.

И вот в эту ночь устроили свадьбу Гульмакый. Мир-вали сказал Муса-джану:

— Я ворвусь в город, а ты за его стенами не пропускай никого живым. Будь то человек или зверь, руби ему голову. Я же из всех сил постараюсь пробиться в гарем, отыщу Гульмакый и вынесу ее из гарема.

Муса-джан согласился.

Остался Муса-джан с обнаженной саблей у стен крепости. Кто ни идет, он его убивает. Несколько человек спаслись бегством. Падишаху донесли, что опять появились Вали-джан и Муса-джан, убивают всякую божью тварь. Падишах пришел в смятение:

— Неужели Вали-джан воскрес!

Кого он ни пошлет, все разбегаются, кто бежит, кто прячется. Тогда Сухейли вышел из города и сам вступил в бой. Муса-джан сражается врукопашную, а Мир-вали остался один. Пошел он по улице, встретил одну старушку и говорит ей:

— Слушай, старая! Я тебе дам денег, а ты мне покажи, где живет Гульмакый.

А старуха в ответ:

— У меня у самой много денег! Мне Сухейли дал много золота.

Мир-вали спрашивает:

— Чем же ты это заслужила?

Старуха говорит:

— Был здесь один человек, звали его Вали-джан. Так я его отравила. За это Сухейли озолотил меня. К чему мне еще деньги?

Услышал это Мир-вали и сказал ей:

Ах, старушонка! Это ты убила моего отца?
Я не отпущу тебя добром,
Отрублю тебе голову.

Ладно! Выхватил он саблю из ножен и отрубил старухе голову. Пошел дальше, увидел другую старуху. Спросил у той дорогу в гарем, и она указала ему, куда идти. Вошел Мир-вали в гарем, вытащил саблю и отрубал голову каждому, кто попался ему на пути! А в гареме была еще одна старуха, которая знала Мир-вали. И она обратилась к нему:

Мир-вали! Сынок, побойся бога!
Многих женщин ты обездолил.
Мир-вали! Неужели ты не понимаешь.

Мир-вали набросился на нее:

— Нашла где читать мне наставления!

И отрубил ей голову. Нашел Мир-вали Гульмакый, посадил ее на коня к себе за спину и выехал из дворца, быстро поскакал

из города. Смотрит, там Муса-джан один сражается. Мир-вали прищипорил коня, посадил Гульмакий в сторонке на холме, а сам тут же вернулся, вытащил саблю и ринулся в бой. Солдаты Сухейли подумали: «Раньше тут был один, а одолеть его было невозможно. Теперь, когда их стало двое, разве нам победить?» А Мир-вали шепчет Муса-джану:

— Иди, вон там Гульмакий сидит. Пойди, отвези ее!

Муса-джан к тому времени очень устал. Он покинул поле боя, подъехал к Гульмакий, посадил ее за спину и направился домой. А Мир-вали один дерется, как лев. Тут увидел Сухейли Гульмакий, понял, что ее увезли, — в это время и известие об этом принесли. Не знал Сухейли, что делать, и запел так:

Великий боже! Оскорбили сватов Сухейли,
Посадили Гульмакий на этого коня!

Гульмакий, слышала это и пропела в ответ:

Слабая душа у Сухейли!
Сухейли, пока есть на свете Муса-джан,
Не будет у меня другого мужа.

Мир-вали сражался, а Муса-джан и Гульмакий отправились в путь. Пришли они на то кладбище, где был похоронен Вали-джан. А на кладбище лежали большие камни и Гульмакий стала над ними смеяться. Посмотрел на нее Муса-джан и запел:

Гульмакий! Ты разинула рот и хохочешь,
А ведь здесь лежит мой брат Вали,
Под этими камнями и кустами.

Муса-джан заплакал. Они оба спешились, подошли к могиле. Гульмакий запричитала:

Сегодня мое сердце треснуло.
Муса-джан! Из-за меня умер твой брат,
И я сошла с ума.

Так сидят они на кладбище, плачут на могиле Вали-джана и молятся. А время к ночи идет. Мир-вали разбил отряд Сухейли, перебил многих — Мир-вали не человек был, а лев! Остатки того отряда побежали. Как услышит Мир-вали топот, сразу же преграждает им дорогу. Так преследовал их, пока не пригнал как раз на то кладбище, где был похоронен его отец. Смотрит,

а Муса-джан и Гульмакый все еще там сидят. Увидел их Мир-вали и обратился к ним:

Муса-джан! У тебя на голове черная чалма.
Муса! Садись на коня,
Кончай беседы с мертвецами.

То есть он хотел сказать: «Едем, отвезем Гульмакый домой. Почему ты сидишь?» А Гульмакый подумала: «Наверное, Мир-вали преследует Сухейли, поэтому он нам говорит: „Поедем домой“».

Понял Мир-вали, что у Гульмакый беспокойно на душе, и запел, чтобы успокоить ее:

Успокой свое сердце, Гульмакый,
Я не отдам тебя Сухейли,
Не отдам, пока живу па этом свете.

Ладно, Муса-джан отвез Гульмакый в крепость. Ее сестра Бабый очень обрадовалась, крепко обняла Гульмакый. А Муса-джан вернулся на кладбище. Глядит, Мир-вали зарезал много коров и баранов, приходят люди, он раздает им мясо. А могилу Вали-джана даже не видно, столько он сложил на ней рогов животных. Когда окончилась раздача милостыни, оба вернулись домой.

Мир-вали выполнил предсмертную волю отца, теперь он живет спокойно, в свое удовольствие. Как-то приказал он повесить у Муса-джана в комнате головы газелей. Гульмакый сказала Муса-джану:

— Какие прекрасные черные глаза у них! Чьи это головы? Как хорошо, если бы они были живыми!

Муса-джан ей отвечает:

— Это головы газелей, они остались с того времени, когда еще был жив Вали-джан и мы ходили с ним на охоту. Тогда мы и убили этих газелей, а головы сохранились.

Гульмакый сказала:

— Приведи мне хоть одну живую газель. Я буду играть с нею.

Ну, Муса-джан так любил Гульмакый, что ее желание было для него законом. Тут же взял он свой лук и стрелы, повесил на шею торбу и отправился в степь. Пошел в ту сторону, где они обычно охотились с Вали-джаном. Когда Муса-джан пришел на те знакомые места, он сразу же вспомнил Вали-джана.

Стал он плакать, посинел весь от плача, чуть с ума не сошел от горя. И вот бродит он по степи — не может ни охотиться, ни домой вернуться.

Однажды он увидел газель, которая скакала по степи. Увидел ее, вспомнил Гульмакый и запел:

У подножья гор скачет газель.
Тело ее — как у газели, но глаза,
О боже, глаза, как у Гульмакый.

И опять Муса-джан позабыл обо всем на свете. Встретился ему один пастух и подружился с ним. Как безумный бродит Муса-джан вокруг него. Туда пойдет — плачет, сюда повернет — рыдает. Ну, мы его здесь оставим — пусть плачет.

Тут Сухейли подумал, что этот Вали-джан снова жив-здоров. Тогда он нашел одну старуху и приказал ей:

— Пойди-ка разузнай, что это за человек и где сейчас Муса-джан.

Обласкал он старуху, уговорил, она взяла свою клюку и отправилась в путь. Пришла, села у стен крепости Вали-джана и заплакала навзрыд. Женщины в крепости слышали ее вопли, крики и причитания, вызвали Гульмакый, та пожалела ее. Старуха бросилась в ноги к Гульмакый и сказала:

— Ради бога! У меня был один сын, никого на свете у меня больше не было. И этого сына падишах Сухейли силой увел от меня. Сейчас кто говорит, что его убили, а кто говорит — он в тюрьме. Одни говорят так, другие — эдак. Я думала-думала и решила, что кроме бога, Вали-джана и Муса-джана ему больше не на кого надеяться. И вот я с именем бога пришла к ним за покровительством, может быть, они утешат меня.

Эта простодушная пуштунка Гульмакый зарыдала и сказала ей, что Вали-джан ведь умер. А Муса-джан вот уж сколько времени как сошел с ума, дома его нет. Когда старуха услышала это, то возопила изо всей мочи:

— Что за беда приключилась!

Но в душе она очень обрадовалась. Она сказала:

— Я ничем не могу тебе помочь, — тут же попрощалась, вышла из крепости и сразу отправилась к Сухейли. Она сказала ему:

— У них в доме никого нет. Это совсем пустое место, не надо и проверять его. Вали-джан умер, а Муса-джан сошел с ума.

Сухейли тут же собрал всадников, и они рано утром отправились в путь. Узнал об этом Мир-вали. И он тоже взял оружие, сел на коня и выехал на поле боя, бросился на врагов, словно лев. И все боятся вступить с ним в бой, потому что все знают, каков он, и думают: «Бог знает, уйдем ли мы на этот раз от него живыми!»

Сухейли громко закричал:

— Кто за награду будет с ним биться?

Никто сначала не ответил падишаху. Но был там один по имени Азадай, сын тетки Мир-вали. Он сказал:

— Я буду с ним биться.

Падишах сказал ему:

— Хорошо. Ступай.

Вышел Азадай на поле. А Мир-вали увидел его и говорит:

— Да ты же сын моей тетки! Не подобает тебе со мной драться, это не годится. А не то убью тебя.

Но Азадай не послушался, бросился на него. Мир-вали щитом заслоняется от ударов его сабли, но сам на него не наступает.

Ладно. Целый день они так бились. Вечером Мир-вали вернулся домой полумертвый от усталости. Стал рассказывать матери:

— Сегодня целый день пришлось мне сражаться с теткин сыном, из-за него я так утомился. Если бы не родство, давно бы я отрубил ему голову.

Когда мать услышала это, она обратилась к Мир-вали с таким стихом:

Сынок Мир! Не враждуй ни с кем,
Но если придется встретиться в бою —
Не жалея его, коли ты мой сын.

То есть: «Кто бы ни встал против тебя — свой или чужой, — бей, убивай его!» Когда наутро Мир-вали вышел на поле боя, то снова его противником был Азадай. Обнажил Мир-вали саблю, но сабля перевернулась у него в руках и удар попал по нижней челюсти коня. Он отрубил коню губы, и кажется, что лошадь его смеется. Азадай подумал: «Вот-вот он убьет меня». И он пустился в бегство, поскакал прямо в город. Мир-вали — за ним. Догнал его Мир-вали у ворот дворца, обнажил саблю, ударил и тут же у ворот отрубил ему голову! Вышла тут тетка Мир-вали, увидела все это, увидела, что сын ее лежит мертвый, и завопила:

Мир-вали! Сынок, пусть тебе всегда везет.
Пусть ломаются в твою дверь
И она станет красной от крови.

Тут Мир-вали убил и свою тетку. Убил, а когда настал вечер, вернулся домой.

Стал Сухейли думать: «Что делать?» Один человек ему и говорит:

— Надо вырыть на дороге у Мир-вали глубокую яму, а сверху прикрыть ее соломой и землей. Он ни о чем не догадается, утром сядет на коня, подъедет к яме, а когда свалится в нее, мы захватим его живым.

Сухейли этот план понравился. Он тут же дал приказ своим людям вырыть на дороге три глубокие ямы и прикрыть их сверху соломой и землей.

Утром снова загрели литавры, на бой зовут. Мир-вали оседлал Прангая и выехал в поле. Этот Прангай был такой умный и резвый конь, что одним скачком перемахнул через каждую из тех трех ям. И вот они уже на поле боя. Бился Мир-вали до самого вечера и одержал победу. А вечером снова перемахнул через все ямы и благополучно добрался до дому.

На другой день мать ему сказала:

— Этот Прангай устал. Возьми-ка коня своего отца, Нилая. Прангай летит как молния, как бы ты не разбился.

— Этот конь давно стоит в конюшне, и со мной может случиться беда,— сказал Мир-вали.

— Ты поведи его сегодня с собой, посмотри, что будет делать,— говорит мать. Мир-вали отправил Прангая вслед за Нилаем. Когда он приблизился к ямам, то перелетел над ними, как молния. Целый день Мир-вали сражался так, что земля вокруг него кипела. Но поскольку Нилай долго стоял необъезженным, вечером, когда Мир-вали поехал на нем, он перемахнул через две ямы, а над третьей ямой задние ноги у него подвернулись и он упал в яму. Мир-вали напоролся боком на луку седла. Разорвал он бок и живот, вывалились кишки. Но конь прыгнул изо всех сил и выскочил из ямы. Мир-вали развязал свою чалму, засунул кишки обратно в живот и крепко обвязал его чалмой. Поднатужился он и тоже выбрался из ямы. Конь впереди, а он за ним следом пешком, бредут оба к дому. А мать Мир-вали каждый вечер сидела на крыше и ждала, пока Мир-вали возвратится с поля боя.

И вот мать, как обычно, сидит на крыше, смотрит на дорогу. Вдруг видит она Мир-вали, который медленно-медленно идет пешком, а впереди него — конь. Поняла мать, что он, наверное, ранен. Когда он подошел поближе, его мать запела:

О великий боже, сегодня на мой дом,
Словно камень, свалилась беда.
Мой сын Мир-вали позади, а конь Нилай перед ним.

И еще:

Мир-вали! Зачем идешь ты пешком?
Почему ведешь в поводу Нилая?
Не из-за врага ли ты идешь пешком?

А Мир-вали отвечает:

Матушка! Ты была недовольна Прангаем.
А вот Нилай перескочил через две ямы,
А в третьей выпустил мне кишки.

Мать его бегом спустилась с крыши, отвела Мир-вали в дом и уложила его. Муса-джана нет в доме, довериться некому, чтобы послать ему весть о случившемся. Женщины говорят:
— Не дай бог, узнает Сухейли, что Мир-вали вышел из строя!

Тетка Мир-вали, Гульмакый, была очень умелая женщина. Она тут же обмыла его рану, поймала громадных длинноногих муравьев и принесла их в дом. Она сблизила края раны и посадила на это место муравьев. Муравьи крепко сжали челюсти, а она разрежала ножницами тело каждого муравья пополам. Головы муравьев так и остались у раны, в которую они вцепились своими челюстями. Таким путем она скрепила рану. Гульмакый сказала Мир-вали:

— Ты двадцать дней не ложись на этот бок.

А ведь у Муса-джана было еще семь братьев. Вот они собрались и пошли к Сухейли:

— Дай нам награду, и мы тоже не будем его бояться. А в обмен, прикажи, мы приведем Гульмакый.

Сухейли спросил их:

— Кто вы?

Они говорят:

— Мы — братья Муса-джана.

Сухейли подумал: «Из-за одного Муса-джана столько пришлось терпеть, а тут еще семеро появились». А они опять говорят ему:

— Мы — братья Муса-джана. Муса-джан сошел с ума, а Мир-вали болен, ни на что не годен. Мы — твои друзья.

Но Сухейли не поверил им, боялся, что они объединятся против него. Как-никак они братья, хоть и замыслили опозорить своего брата.

Он тут же отдал приказ отрубить всем семерым уши и выгнать их из дарбара. И главный палач отрубил им уши, и их с большим позором прогнали прочь.

Но хотя падишах не поверил словам братьев Муса-джана, все же в его сердце зародилось сомнение, и он решил разузнать, где же Муса-джан. Он нашел еще одну старуху и приказал ей:

— Пойди, посмотри, где Муса-джан и Мир-вали.

Старуха отправилась и хитростью все разузнала. Вернулась она и сказала Сухейли, что Муса-джана нет, он сошел с ума, а Мир-вали ранен и лежит больной.

Услышал это Сухейли и той же ночью отправился в поход на крепость Вали-джана. Настало утро, женщины поднялись на крышу, глядят — а вокруг разбиты палатки. И они сказали друг другу:

— Это Сухейли! А Мир-вали еще не оправился от раны, больной лежит. Надо еще несколько дней, чтобы выздоровел. Нет, давайте ничего не будем говорить Мир-вали. Так будет лучше. И дадим Сухейли все, чего он ни потребует.

На том они и порешили, но предупредили Сухейли:

— Берегись, не вздумай врваться в крепость!

А этот Сухейли много слышал о красоте Тано. Тано и правда была необычайно красива. И Сухейли страстно пожелал ее. Он очень хотел ее увидеть, но ему никак не удавалось. Тогда Сухейли сказал ей:

— Тано! Покажи свое лицо!

Тано не оставалось ничего другого, как откинуть чадру и показать ему лицо. Когда Сухейли взглянул на нее, он тотчас влюбился по уши.

Наконец он сказал:

— Отдайте мне Гульмакый.

А Тано говорит ему в ответ:

— Не надо, ведь она моя невестка. Лучше вместо нее увези меня. А ее не увози.

Сухейли это пришлось по душе, и он согласился. Но у него был один приближенный, который обратился к Сухейли:

Сухейли! Тано розовая, а Макый белая,
Тано — сундук с золотом,
Макый — как жемчужное ожерелье.

То есть: «Не оставляй ни белой Гульмакый, ни розовой Тано». И Сухейли сразу же твердо потребовал Гульмакый. Ладно, он их вынудил, и они со слезами отдали ему Гульмакый. А Сухейли затаил против Гульмакый в сердце злобу и погнал ее босую вперегонки с конем. На крыше крепости стояла маленькая девочка — сестра Мир-вали и смотрела им вслед. Когда она увидела, как бежит Гульмакый, сердце ее сжалось от боли. Она бросилась в комнату Мир-вали и обратилась к нему так:

Если эта крепость крепка,
Почему же гонят Гульмакый?
Мир-вали! Что за горе приключилось с тобой?

Мир-вали открыл глаза: «В чем дело?» И его маленькая сестра рассказала ему, как Тано открыла свое лицо Сухейли, а тот угнал босую Гульмакый. Рана у Мир-вали уже почти зажила, надо было подождать всего несколько дней. Но у него не было сил терпеть. Вскипел он, вскочил с постели:

— Как! Враг угнал моих женщин. В мою крепость вошел враг! Нет, не перенесу я такой жизни. Такое бесчестье я не потерплю и такую жизнь не приму.

Встал он с постели, обвязал живот, оседлал Прангая и запел:

Матушка! Пришел мой час,
Настало время — я еду сражаться,
Паланкин с невестами остался на поле.

То есть: «Отец мой умер, Муса-джан исчез — сейчас пришел мой черед. Бог знает, вернусь ли я, вы же остаетесь в крепости одни!» Простившись, он выехал из крепости.

А Сухейли гонит по дороге Гульмакый. Оглянулась она назад и увидела, что перед крепостью клубится пыль, очень обрадовалась Гульмакый в душе и запела:

Если клубится пыль у стен крепости,
О великий боже,—
Это Мир-вали выводит Прангая.

Потом она запела так:

Если позову я друга,
Если услышат просьбу Макый,
Сюда прибудет Мир-вали на Прангае.

Сухейли услышал слова Гульмакый, обернулся назад, глядит — а у него за спиной пыль дымом клубится, кто-то скачет за ним следом. Он подумал: «Она, видно, меня обманула, не иначе как она выдумала какую-нибудь уловку против меня». Но тут как раз настиг их Мир-вали. Однако Сухейли быстро схватил Гульмакый за руку, посадил к себе на коня и поскакал в сторону. Отъехал с дороги и раскинул палатку в низине. Мир-вали был ранен, не мог скакать так быстро. Он потерял их из виду и не знал, куда они скрылись. И он тоже расположился в низине. Он был еще мальчик, очень устал и запел поэтому такую песню:

О великий боже, здесь заросли камыша.
Боже, дай мне прожить столько,
Чтобы увидеть своими глазами Сухейли и Макый.

А палатка Сухейли была неподалеку. Когда Сухейли услышал эту песню, он подумал: «Вот и Мир-вали объявился! Никого больше нет, он может меня убить. Нет, надо спастись, бежать отсюда». И вот он оставил Гульмакый, а сам поскакал прочь галопом.

Подъехал Мир-вали, видит одну Гульмакый, а Сухейли нет. Мир-вали спустился в овраг, сказал Гульмакый:

— Садись на коня, мне за спину.

А она в ответ:

— Нет, ты ранен, тяжело тебе будет так ехать. Я пойду с тобой пешком.

Мир-вали продолжал настаивать:

— Садись на коня!

Когда Мир-вали вынул ногу из стремени — ведь Гульмакый женщина — и она стала взбираться на коня, нога у нее скользнула, и она толкнула Мир-вали в спину. И тут из его раны выпали челюсти муравьев и рана снова раскрылась, а внутренности выпали. Мир-вали упал с лошади, испустил дух и умер. Да простит бог всех героев, храбрых, как львы!

Гульмакый проплакала некоторое время, а потом подумала: «И этот тоже умер! Вали-джан умер, Муса-джан сошел с ума и исчез, — никого у нас не осталось. Видно, придется мне отдать себя в руки Сухейли».

Тогда она вытащила Мир-вали из оврага, а Сухейли еще не скрылся из виду, и вот она обратилась к нему:

Сухейли, ты свернул свою палатку,
Не беги, вернись!
Улетела душа Мир-вали,
Когда он наткнулся на седло.

И она подняла кверху ногу Мир-вали, чтобы показать, что тот умер и теперь все кончено, пусть Сухейли ее увозит. Сухейли подумал, что Гульмакый сама убила Мир-вали, и радостный вернулся к ней. Он посадил ее на коня к себе за спину и отвез ее во дворец домой. А Мир-вали тут же зарыли в землю. Оставим тут Гульмакый и Сухейли, пусть себе живут, как им нравится. Посмотрим, что случилось с Муса-джаном.

Муса-джан целыми днями охотился. Если что добудет, принесет к пастуху, они поедят вместе. Иногда он вспоминал Вали-джана и плакал, но больше бродил, совсем безумный.

Однажды он отправился на охоту и ранил стрелой горного барана, но тот от него скрылся. Муса-джан бродит в поисках барана, и тут его увидел пастух и обратился к Муса-джану:

Муса-джан! Черный, как охотничья собака!
Барана, которого ты ранил,
Ищи у корней сандала, Муса-джан.

Муса-джан отправился искать. Глядит, впереди на горе молодая газель. Муса-джан хотел ее застрелить, прицелился, натянул тетиву, но бог дал об этом весть газели. Газель сказала Муса-джану:

— Эх, бедняжка! Какой тебе прок от моего мяса? Пойди лучше посмотри, что случилось с твоей прекрасной возлюбленной Гульмакый и Мир-вали.

И тут Муса-джан вспомнил Гульмакый и дом. Пошел он обратно. Пришел к пастуху и зашел:

Встретилась мне говорящая газель на горе,
Она мне сказала: «Зачем тебе мое мясо?»
Муса-джан! Разорили дом твоей Гульмакый».

Муса-джан тут же попрощался с пастухом и отправился прямо домой. Когда вошел он в ворота крепости, жена Мир-вали запричитала:

О дядя! Кто лучше — ты или двор?
Сердце мое сгорело.
Не найти мне сверстника, равного Мир-вали.

То есть: «Мир-вали умер». Трудно описать, сколько слез пролили они. Она рассказала обо всем случившемся Муса-джану и добавила:

— А все зло пришло от твоих братьев.

Кое-как Муса-джан провел ночь, а утром вышел из крепости, сердце у него щемит, видит — сидят перед воротами все семеро его братьев и у всех семерых отрублены уши. Увидел их Муса-джан и в сердцах запел:

О великий боже! Вот семь братьев Муса-джана,
Если небо услышит мольбу Муса-джана,
То поразит их молнией.

Бог услышал эту его молитву, и все семеро братьев тут же умерли на этом самом месте.

А Муса-джан вернулся в дом, оседлал коня и собрался в путь. Все женщины в доме умоляли его не уезжать, но он не оставался, говорил:

— Если мне сейчас остаться дома, то это будет трусость.

И уехал. Едет по дороге, пока не приехал в одно место. Видит, крестьянин засучил штаны и лопатой пускает воду в арык. Муса-джан остановился и подумал: «Куда же мне теперь ехать?» И вот он заколол своего коня и бросил его мясо на съедение птицам. Лук и стрелы тоже бросил. Крестьянин про себя говорит: «Погляди, что за сумасшедший! Зарезал своего коня, бросил все свое имущество!» А Муса-джан подошел к арыку, разрушил запруду и выпустил воду. Крестьянин ему говорит:

— Что делаешь? Ведь мне одному не запрудить арыка!

А Муса-джан отвечает:

О крестьянин, вода ушла через запруду.
Тот ее запрудит снова,
У кого за спиной отважные мужи.

Муса-джан ему сказал:

— Я хочу испытать тебя: коли ты мужчина, то поставишь запруду один. Были у меня такие молодцы, да все поумирали. И вот я заколол своего коня и бросил лук и стрелы.

Но потом он вместе с крестьянином все же поправил запруду.

У коня Муса-джана подковы были золотые. Крестьянин подошел, стал сдирать их с копыт. Увидел это Муса-джан, бросился к нему:

— Ты зачем сдираешь подковы моего любимого коня? Чтоб твои ноги отсохли.

Схватил он крестьянина, поднял его над землей и убил. Потом отправился дальше. Видит на дороге маленького плешивого мальчишку. И того звали тоже Муса-джан. Взрослый Муса-джан обратился к нему так:

Эй, плешивый, что пасешь козлят,
Возьми вот сто золотых,
Передай привет от меня Макый.

Плешивый рассердился: «Зачем называет меня плешивым?» И вот он ответил:

Если тебя зовут Муса, то и я — Муса.
Не нужны мне твои сто золотых.
Не понесу я твою весточку Гульмакий.

Пошел Муса-джан дальше. Подошел к пруду, а в нем купаются девушки. Муса-джан подошел к их одежде и уселся на нее. Как ни умоляли его женщины отдать их платья, он не отдавал. Наконец Муса-джан сказал им:

— Сообщите Гульмакий, что я здесь, и приведите ее.

Женщины согласились. Он заставил их поклясться и только после этого отдал им одежду. Они оделись и ушли.

А среди них была одна плешивая женщина. Она пошла тайком к Сухейли и передала ему, что появился Муса-джан, все ему рассказала. Другие же женщины оповестили Гульмакий.

Сухейли подумал: «Как бы дело снова не обернулось плохо. Нет, надо мне прибегнуть к хитрости. Ведь Муса-джан влюблен в Гульмакий». Короче говоря, Сухейли надел платье Гульмакий, накинул чадру, чтобы Муса-джан принял его за Гульмакий, а сам взял кинжал и нож. «Я его сразу же ударю кинжалом», — думал Сухейли. Когда Сухейли вышел из ворот, Гульмакий не могла ничего сделать. Она поднялась на крышу и запела песню, обращаясь к Муса-джану:

Муса-джан, тот, кто идет вниз, — Сухейли.
Муса-джан, не верь тому,
У кого на голове красная чадра Макый.

Но Муса-джан настолько устал, проливая пот, что не слышал этих слов. Посмотрел он, а перед ним стоит точь-в-точь Гульмакий и лицо у нее закрыто, — а Сухейли надел как раз

тот наряд, что Муса-джан подарил Гульмакий. Муса-джан посмотрел на него и воскликнул:

— Да это Гульмакий!

И Сухейли бросился к Муса-джану, раскрыв объятия. Муса-джан и Сухейли обнялись, а когда Муса-джан пошевелинулся, Сухейли ударил его кинжалом в живот. И Муса-джан, обливаясь кровью, оторвал Сухейли от земли, уселся ему на грудь и пропел:

Презренный Сухейли!

Хоть бы ты окаменел на месте.

Сейчас я убью тебя своим ножом —

Тогда Гульмакий с ее черными кудрями станет вдовой.

То есть: «Ты ведь прикончил меня, я умираю. Зачем же мне убивать тебя? Ведь тогда Гульмакий снова овдовеет». Сказал он это, отпрянул от груди Сухейли и испустил дух. Он умер, да простит его бог!

А Сухейли вернулся домой. Он сказал Гульмакий:

— Я убил Муса-джана. Теперь никто не стоит между нами, и ты должна уступить.

Гульмакий ответила ему:

— Да! Теперь я твоя, ты можешь делать со мной, что хочешь. Но ведь ты столько претерпел. Надо тебе непременно для успокоения души построить хорошую гробницу Муса-джану. Ведь Муса-джан еще и сын моего дяди и умер он в пути, без исполнения желаний.

Сухейли сказал:

— Хорошо.

И тут же приказал построить гробницу для Муса-джана. В несколько дней работу закончили, Сухейли пришел к Гульмакий и сказал:

— Я построил прекрасную гробницу. Теперь ты должна быть довольна!

Гульмакий ответила:

— Да. Но есть у меня еще одна просьба. В этот раз мне не довелось увидеть Муса-джана живым. Ты построил ему прекрасную гробницу. Отведи меня разок туда, я прочту молитвы. А потом мы останемся вдвоем — я и ты. Никого больше между нами нет, и мы будем жить спокойно.

Сухейли сказал:

— Хорошо.

И вот Гульмакий пришла в сопровождении Сухейли и нескольких слуг к гробнице Муса-джана. Вошла Гульмакий туда,

вздыхнула и упала на могилу Муса-джана. «Боже,— молила она,— я не хочу больше жить!»

И тут Гульмакый умерла, да простит ее бог! Там ее и похоронили.

Сухейли растерялся: «Что за несчастье приключилось?» Один из его слуг сказал ему:

О великий боже! С Сухейли приключилось две беды:
Одна — ушла от него белая Макый,
А вторая — он совершил убийство.

Сухейли рассердился и ответил слуге так:

Эй, человек! Твои мысли об одном, мои — о другом.
Муса-джан и Макый ушли,
А тебя я пошлю вслед за ними.

То есть: «Мне и так тяжело, а ты еще сыплешь соль на мои раны». Стал он бить того слугу и убил его там же. Однако на сердце у Сухейли стало тяжело. Пришел он домой, сел и думает: «Что мне теперь делать?»

Ну, ладно. Провел он в печали несколько ночей, а потом подумал: «В доме Вали-джана никого не осталось. Давай-ка я пошлю сватов к Тано. Она из львиной породы — бог даст, родит мне богатыря-сына». А он ведь был влюблен в Тано.

Послал он сватов. Те пришли, рассказали Тано, какое у них дело. Тано была девушка умная. Она ничего лишнего им не сказала, потому что подумала: «В доме у нас не осталось мужчин-защитников. Сейчас мы ничего не можем сделать, нас убьют». И вот она сказала:

— Очень хорошо. Передайте Сухейли, что договорились мы с вами на третий день. На третий день приходите, но не устраивайте большого шума. Тихонько сыграем свадьбу.

Сваты пошли домой. Пришли к Сухейли и рассказали ему, что Тано очень обрадовалась. Сказала, чтобы на третий день приходил Сухейли.

А Тано за эти три дня раздала всем женщинам в доме сабли и щиты и начала обучать их ратному делу. Она предупредила женщин:

— К нам приедет Сухейли. Смотрите, чтобы он не ушел от вас живым! Он убил всех наших мужчин, а теперь взялся за нас. Мы не должны убивать его подлым способом, чтобы не опозорить свое имя. Что я буду делать, то и вы делайте.

Женщины сказали:

— Хорошо!

Было их трое: одна Тано, другая — жена Вали-джана, третья — жена Мир-вали да еще три их служанки. Эти пять-шесть женщин договорились между собой.

На третий день Сухейли приготовился как следует, надел царские одежды. И вот к вечеру он пришел в дом к Тано, сел. С ним было несколько почтенных людей. Она приняла их с большими почестями. Вечером отужинали, Сухейли вошел в гарем и ждет: «Вот сейчас войду к Тано». Тано вышла и повела Сухейли в покои. Там она его усадила, а сама взяла саблю и щит и положила их перед Сухейли. Тано сказала ему:

— Вот сабля, а вот щит. Ты убил моих братьев и племянников. Теперь настал мой черед: или я тебя убью, или ты меня убьешь.

Сухейли, бери саблю, вставай!

Сухейли, не думай о том, что я женщина.

Сухейли, я не женщина, не стыдись.

Как ни умолял ее Сухейли, она его не слушала. Нечего делать, Сухейли подумал: «Ведь она убьет меня». И он взял саблю и щит и вступил с ней в бой. Тано сражается с Сухейли, а те остальные женщины накинулись на его свиту. И вот закипел бой. Тано прижала Сухейли к стене, занесла над ним саблю, разрубила его пополам и убила. Женщины разрубили его на части и сложили кости и мясо в мешок, вытащили наружу к другим гостям — его товарищам и бросили перед ними его голову, а Тано спела им такую парю *:

Почтенные, спите вы или бодрствуете?

Пробудитесь! Ваш Сухейли уже лежит в сырой земле.

Сардары * подняли головы, глядят — валяется на полу голова Сухейли. Сардары подумали: «Они убили падишаха. А уж нас и вовсе не пощадят». Но не успели они шевельнуться, как женщины накинулись на них и закипел бой.

Что долго рассказывать! Людей, которые пришли вместе с Сухейли, или убили, или они сами удрали. А кто не успел, тот мольбами спасся от них. А потом Тано вышла замуж за одного бедняка, который затесался между ними. Она вручила ему бразды правления и стала счастлива. Вот и все!

Сказке конец, а рассказчику отдых.

Легенда о Талиб-джане, или мулла Аббас и Гульбашра

Хорошо ты рассказываешь!

Жил один купец и было у него три сына. Двое от одной жены, а третий сын, Аббас, от другой, от любимой жены. Был этот купец очень богат, ни в чем он не нуждался. Сына от любимой жены Аббаса отдал он учиться в мечеть к мулле и не заставлял его заниматься никакими житейскими делами. Те два других сына помогали ему в торговле, а этот мальчик так любил науку, что целый день сидел за уроками.

А в той мечети была дочь падишаха, звали ее Гульбашра, она тоже брала уроки у муллы. Ну, что долго рассказывать! Этот мальчик Аббас и дочь падишаха Гульбашра полюбили друг друга с детских лет. Время шло, оба они выросли. Однако Гульбашра обогнала в учении Аббаса, потому что отдали ее учиться раньше. Тем временем бог призвал к себе купца. Не успели прочитать молитвы по отцу, как другие братья стали притеснять Аббаса. Они не пускали его учиться, велели ему браться за торговлю. Аббас очень расстроился. Мать ему говорит:

— Сынок! Пойди и потребуй у них своей доли наследства. Мы уедем с тобой куда-нибудь в другое место. Ты будешь сам торговать. А учиться тебе хватит. Ты ведь знаешь все молитвы, всю службу. Занимайся, как и твой отец, торговлей. Ведь ты не умеешь ничего ни купить, ни продать, ничего не смыслишь в житейских делах. Ты не сможешь добыть себе куска хлеба. А братья твои тем временем торгуют и станут ханами!

Аббас сказал ей в ответ:

— Нет, мать, пока я живу, буду учиться. Зачем мне мирские дела? Я люблю науку, а богатство не люблю. Пусть богатство будет уделом братьев. Тебе-то они дают кусок хлеба.

Ладно, что долго рассказывать! Мать его сказала:

— Хорошо, сынок! Что тебе нравится, то и я одобряю.

Короче говоря, Аббас так служит мулле, что словами не расскажешь! Каждый день подметает мечеть, поливает двор. Теперь Аббаса стали звать Талиб-джан. Из-за своего усердия он даже домой не ходит, а поселился тут же в мечети, в каморке.

Ну, что долго говорить! Проходят дни и ночи, время течет своим чередом. Дочь падишаха Гульбашра стала взрослой де-

вужкой. Возмужал и Талиб-джан, стал настоящим юношей. Тогда мулла пошел к отцу Гульбашры и сказал ему:

— Ну, теперь хватит. Дочь твоя стала совсем взрослой, выучилась. Теперь заведи ее домой и одень ей чадру. Ведь она человек, и у нее есть печальные помыслы. Как бы завтра чего не случилось! Тогда и ты и я — оба будем опозорены.

Итак, падишах забрал дочь из мечети и посадил ее дома. И теперь один лишь бог знает, что на сердце у Талиб-джана и Гульбашры, как для них проходят дни и ночи!

Однажды у Талиб-джана лопнуло терпение, не мог больше сдерживать себя, не мог страдать. Подошел он к воротам падишахского дворца и стал тихо позвякивать цепью, думает: «Гульбашра услышит, подойдет к воротам, и мы с ней перекинемся словечком-другим». Гульбашра слышала звон цепи у ворот, подошла, глянула сквозь щелку ворот — и увидела там Талиб-джана. И тут же обратилась к нему:

Я понимаю влюбленного.
Он позванивает цепью ворот.

А мулла Аббас ей в ответ:

Я стану нищим у твоих ворот,
Увижу тебя, а бог пошлет нам пищу.

Гульбашра тайком подошла к нему ближе и стала разговаривать с ним через ворота. Она сказала ему:

— Ты не спеши!

И дала ему такой совет:

Терпи и бог отдаст меня тебе.
Кто добивался любимой нетерпением?

Тогда Талиб-джан запел в ответ:

Во всем нужно терпение,
Лишь в любви хорошо нетерпение!

А Гульбашра возразила ему:

Во всем нужно терпение,
Терпением добьешься и любимой.

После этого она от души утешила Талиб-джана и сказала ему:

— Ты оставайся в этой мечети, наберись терпения, бог

меня отдаст тебе и соединит нас с тобой. Я же каждый вечер буду присылать тебе с невольницей ужин — ты ведь унес мое сердце. Не горюй. Для меня не может быть другого мужа. И эта еда будет служить условным знаком для нас с тобой. Если когда-нибудь ты его не получишь, то знай, что меня нет или что-нибудь случилось.

Он ответил:

— Хорошо.

Когда Талиб-джан пришел к себе в каморку, сердце его трепетало от радости.

После этого каждый вечер Гульбашра наполняла блюдо плом, и невольница относила его Талиб-джану.

Однажды лежит Талиб-джан на крыше своей каморки и ученую книгу читает, а у самого все мысли о возлюбленной. Вроде бы глядит в книгу, а сам думает: «Буквы на полях в этой книге, словно родинки моей любимой. Я — жертва ее черных родинок!»

А там и дочь падишаха Гульбашра поднялась на крышу: смотрит на мечеть и вроде как видит Талиб-джана. Присмотрелась — Талиб-джан глядит в книгу, а сам говорит: «Буквы этой книги точь в точь, как родинки моей любимой». Его любимая услышала это, тут же запела:

Талиб! Как же ты станешь муллой?

Улегся с книгой, а мечтаешь о черных родинках.

Талиб-джан взглянул наверх, увидел из-за крыши голову своей любимой Гульбашры и понял, что это она пела. Запел он в ответ так:

Подними голову чуть-чуть из-за крыши,

А то родинка на твоём подбородке сотрется об стену.

Гульбашра спустилась вниз. Мулла Аббас подумал: «Ей-богу, она правду сказала тебе, что останешься неграмотным. Нет, ей-богу, она придет сама. Я не буду беспокоиться об этом». И вот он каждый вечер прилежно сидел за книгами. Служанка принесет ему еду, поставит перед ним. Талиб-джан поднимет, бывало, голову, а еда перед ним уж простыла, он ее и съест. Однажды Гульбашра спросила:

— Когда ты приносишь еду, спрашивает тебя Талиб-джан обо мне или нет?

— Что ты! — отвечает служанка. — Нет, биби *, он никогда не поднимает головы от книги. Я ставлю перед ним блюдо и сама

стою, пока ноги совсем занемеют, а приготовленная еда остынет. А он и слова не скажет. Потом поднимет голову, съест холодную пищу, а я возьму у него блюдо.

Гульбашра подумала: «Не иначе как он расстроен. Может быть, думает, что служанка по дороге ест его плов, а может, есть другая причина?» Еще она подумала: «Как бы он не ушел от меня!» На другую ночь она закуталась с ног до головы в черную чадру, вышла тайком и пришла в комнату Талиб-джана. Глядит, а Талиб-джан углубился в книгу и ничего вокруг не замечает. Гульбашра некоторое время постояла около него, но Талиб-джан так и не поднял головы. В конце концов у нее онемели ноги и она обратилась к нему:

Подними голову от книги,
Возьми насвар *, сделанный из маглузи *.

Талиб не отозвался. Тогда она снова запела:

Подними голову от книги.
У меня больше родинок, чем букв в твоей книге.

Мулла Аббас опять не обратил на нее никакого внимания. Она запела снова:

Я стою перед тобой с цветком в руках.
Или возьми у меня цветок,
Или отпусти меня — я уйду.

И снова он не отозвался, не поднял головы, не взглянул на нее, а продолжал читать. Потому что он говорил: «Пусть даже сама сюда придет, я не стану обращать на нее внимания». Тогда она наступила ногой на книгу и запела:

Подними голову от книги.
Ты что ослеп? — Я стою на книге.

Тогда лишь Талиб-джан поднял голову и спрятал книгу. Он спросил ее:

— Зачем ты пришла?

Она говорит:

— Мне показалось, что ты чем-то недоволен. Служанка сказала, что приносит тебе еду, а ты молчишь, ничего не говоришь и не спрашиваешь ничего обо мне, здорова ли я? И я решила помириться с тобой. Если я плохо поступила с тобой, прошу у тебя прощения.

Талиб-джан ей сказал:

— Ты — моя душа, моя жизнь, мое сердце. Как могу я быть недовольным тобой? Однако ты в тот день мне сказала: «Как же ты станешь муллой, если глядишь в книгу, а на устах у тебя черные родинки возлюбленной». Вот с того дня я с особым усердием взялся за книгу. Сейчас я силой подавляю свое сердце, учусь, потому что говорю себе: «Не будь невеждой. Завтра и твоя любимая и все другие талибы * будут издеваться над тобой, что ты остался недоучкой. И люди будут говорить: „Он только и хотел, что накормить себя. Он был талиб своего желудка“».

Тогда Гульбашра стала хвалить его:

— Молодец! Ведь наши пуштунки гордятся учеными и воинственными людьми и любят их. Они питают отвращение к невежественным и трусливым мужчинам.

Короче говоря, они поговорили друг с другом и Гульбашра ушла от него; Талиб-джан остался у себя в комнате, книги читает...

Служанка, которой было поручено относить еду Талиб-джану, очень ленилась. И вот госпожа рассердилась на нее, отругала и назначила вместо нее другую служанку. После этого первая служанка поклялась:

— Ей-богу, я этого так не оставлю. Любым способом тебе пасолою. Ты меня так оскорбила. Вспомнишь еще меня!

Однажды вечером вторая служанка заболела и не могла нести еду. В эту ночь Талиб-джану не прислали еды, и он понял: что-то случилось. Он ничего не сказал, но очень расстроился. На другую ночь Гульбашре пришлось опять послать еду с первой служанкой. А ведь эта служанка затаила на нее злость и поклялась: «Я тебе этого не забуду, обязательно разлучу вас». И вот, когда она принесла еду, Талиб-джан ее спросил:

— Как госпожа?

Служанка ему отвечает:

— Что ты, бедняжка! Она сейчас, ей-богу, и не думает о тебе. Она завела себе человек двадцать других дружков. И о чем ты, бедный, думаешь? Эти вот остатки еды я сама решила принести тебе. Жалко мне стало, что он, бедный талиб, останется голодным.

От этих слов голова у Талиб-джана запылала, как в огне. Когда служанка ушла, он стал думать, чем он заслужил такую измену.

А Гульбашра, когда пришла служанка, тоже ее спросила:

— Как Талиб-джан? Он справлялся обо мне?

А служанка в ответ:

— Госпожа! Если сказать тебе — ты расстроишься, а если не сказать — душа не на месте. Забудь его! Он, ей-богу, совсем о тебе не думает. Пришла я сегодня к нему, а там сидят разряженные девицы, тьфу! Перед ними стоит прекрасный плов и разные сласти. Еду, которую я принесла, он бросил вместе с чашкой. Чашка разбилась, вот я осколки собрала.

Гульбафра очень расстроилась и после этого перестала посылать ему еду. Жизнь стала Талиб-джану в тягость. Спустя несколько дней послал он Гульбафре письмо: «Эта служанка не лжет». В письме он еще написал:

В руке — бумага и ручка,
Пишу о твоём коварстве и хочу плакать,
Поклянись мне богом:
Один ли я друг, сколько ещё других?
Поклянись мне богом:
Правда ли это, ответь мне.

Когда письмо попало к Гульбафре и она его прочитала, то, полная горя, написала такой ответ:

Я клянусь богом:
Ты один друг, а ещё у меня их двадцать.
Уходи, уходи, поезжай в Декан.
Пока вьются мои кудри,
Я найду себе друга.

Когда Талиб-джан прочитал ответ, в голове у него запылал огонь, земля поплыла из-под ног. И он сразу же решил: «Больше мне не подобает оставаться в этой мечети». Он отказался от этого места, с большим сожалением оставил мечеть и свою каморку и ушел. Уходя, он написал на бумаге такую песню и оставил это письмо в своей каморке:

Посреди деревни я плачу:
Лейла прекратила со мной дружбу.
Безумная любовь была между мной и тобой.
Отчего она угасла?
Сначала я надеялся на бога, потом на тебя.
Ты оставила меня. И я плачу над своей судьбой.
О боже, сделай так, чтобы оба сына сплетника умерли,
Чтобы одного закапывали, а другой испускал дух.
Я ни на кого не жалуюсь.
Сама судьба посеяла эти мои горести.

Во-первых, книга размягчила мое сердце,
А во-вторых, моя любимая порвала со мной.
Пусть пройдет двадцать, сто лет —
Я не забуду то, что ты написала мне в ответ.

Он положил это письмо в укромном месте в комнате, и вот Талиб-джан ушел. Но сердце его так и осталось в плену, прикованное к кудрям возлюбленной. Разве мог он уйти далеко?! Потом пришла та служанка и сообщила Гульбашре, что Талиб-джана нет — он взял все свои вещи и ушел. Когда Гульбашра это услышала, то ахнула, глубоко вздохнула: «Что за беда приключилась?» Сердце ее от разлуки с любимым обуглилось, словно кебаб, земля ушла у нее из-под ног. Она тут же закуталась в черную чадру и тайком вышла.

Глядит: «Место есть, а ткача нет!» Каморка пуста, темна. Она тут же поднялась на крышу посмотреть, не лежит ли он где-нибудь на крыше. «А может быть, увижу его где-нибудь поблизости», — думает она. Побродила взад-вперед по крыше — Талиб-джана нигде не было — и вот она запела:

Есть компата, но нет в ней Талиба.
Я буду ползать по компате, как змея.
Пусть сгорят талибы:
Заставят человека полюбить,
А сами соберут вещи
И уходят прочь от него.

Наконец вошла она в комнату. Ходит взад-вперед — не оставил ли Талиб-джан хоть сломанный калам, или клочок бумаги, или еще какую-нибудь вещь на память о себе. Она хотела хоть этим охладить пыл своего сердца. И тут она увидела — лежит свернутый в трубочку листок. Она его схватила, развернула, прочитала раз, другой и залилась слезами. Тут только она поняла, что все это зло — дело рук служанки, которая оклеветала их друг перед другом. Она очень сожалела о сказанном ею и запела так:

Если я была виновата, то теперь знаю это.
Я паду к ногам обиженного друга.
Я сама отпустила своего друга,
А сейчас текут из глаз слезы раскаяния.

Короче говоря, вернулась Гульбашра в свой дом. Настала ночь, а она не спит, из-за разлуки с Талиб-джаном мучится бессонницей. Смотрит Гульбашра на луну. Когда луна прошла уже

полнеба, она все еще не спала и вот обратилась к ночному светилу:

Луна прошла уже половину неба,
Не спится мне без друга.

Ну, ладно, ночь прошла, настало утро. Гульбашра сказала отцу:

— Я сегодня что-то расстроена. Сердце у меня щемит — не пойму, в чем дело? Если ты позволишь, я пойду сегодня в сад, побуду там денек, а вечером вернусь домой.

Отец согласился:

— Хорошо, иди. Погуляй, пусть твое настроение улучшится.

Итак, вышла Гульбашра со служанкой из дому под предлогом, что идет в сад. А сама наказала этой служанке расспрашивать о Талиб-джане: «Может быть, найдем его где-нибудь в окрестностях крепости». Что долго рассказывать? Смотрят там, смотрят здесь. Охо-хо-хо-хо! И вот настолько одолела Гульбашру любовь к Талиб-джану, что она запела:

Сегодня я не видела своего любимого.
Я, словно белый сокол, ищу его по горам и долам.

Потом у нее совсем не стало терпения и она испугалась: «Как бы не сойти мне с ума и не опозориться на весь свет. Как бы не потерять свое доброе имя». И вот она запела нара, как молитву:

О алим *, помолись за меня,
Пусть успокоится мое беспокойное сердце.

В конце концов ее надежда улетучилась. Талиб-джана она не нашла, устала и тогда пошла по направлению к саду. Когда она пошла в сад, узнал Талиб-джан, что его искала какая-то женщина. Он спросил:

— Куда она девалась?

Люди ответили:

— Сейчас была здесь, а пошла в сад падишаха.

И он тоже бросился в ту сторону. Спешит следом и догнал ее, когда она входила в сад. Он запел так:

К чему тебе идти в сад?
Ты сама цветок и цветы идут к тебе на поклон.

Но Гульбашра не услышала этих слов. Она вошла в сад и заперла калитку. Мулла Аббас запел ей вслед:

Девушка пошла в сад,
Если нет у нее чадры, ее лицо закроют цветы.

До Гульбашры донеслась эта песня, остановилась она посреди сада, не может догадаться, откуда этот голос? Пока она там стояла, садовник унес ключи. Мулла Аббас подумал: «Она не слышала моей песни и заперла калитку. Нет, брошу-ка я потихоньку несколько камешков, — может быть, она догадается, придет и отперет калитку».

И вот он взял несколько камешков и стал потихоньку их кидать. А Гульбашра подумала: «Это мне не послышалось. Наверное, это Талиб-джан, мулла Аббас». И она запела:

Не бросай камнями в сад,
Сломаешь ветку и тогда она не будет цвести.

После этого она послала служанку к садовнику за ключом, потому что уверилась, что это Талиб-джан. Ведь когда она спела эту песню, мулла Аббас больше не бросал камешков! Служанка принесла от садовника ключ, Гульбашра пошла, отперла калитку и впустила Талиб-джана в сад. Стала она жаловаться ему:

Почему ты поступил со мной так плохо?
Я была еще девочкой, когда избрала тебя.

Талиб-джан ответил ей так:

Сначала ты молила о любви,
А теперь пишешь такие обидные письма!

И снова запела Гульбашра:

Пусть любимый поступает со мной плохо,
Я поступлю хорошо.
Он забудет все плохое и будет плакать,
Вспоминая то хорошее, что делала я.
Если мой возлюбленный сделает плохо,
я сделаю хорошо.
Я готова терпеть от любимого все, даже плохое.
Любимый, приходи, давай помиримся.
Пусть этот мир бренный — мы уходим из него
с сожалением.

Потом они помирились, стали вместе гулять по саду. Гульбашре понравилось, что ее любимый бродит среди цветов и сам похож на цветок. И она запела:

Не гуляй по саду, любимый:
Цветы стыдятся и прячутся в листьях.

Потом Талиб-джан вышел из кустов, он сорвал желтый бес-
смертник и подал его Гульбашре. Она спела ему:

И сама я пожелтела от горя,
И мой любимый дарит мне желтые цветы.

Потом они пошли и сели под ивой. Они нарвали роз и цветов
джидды *. Талиб-джана стало клонить в сон, он опустил голову,
а Гульбашра ему запела песню:

Благоухает вокруг розами и цветами джидды.
А ты спишь в тени под ивой на коленях у девушки.

Тогда Талиб-джан поднял голову и сказал ей:

— К чему ты пропела эту нара? Она здесь неуместна. Ведь
мы с тобой мусульмане и к тому же пуштуны! Не ты ли мне
говорила: «Терпи, терпи. Бог сделает так, что ты получишь
меня в законном браке».

Тут Талиб-джан рассердился и ударил ее розой по груди.
Она запела ему:

Ты ударил меня розой!
Ты ранил мое сердце, и я умру.
Ты ударил меня розой!
Я — раба твоей руки, меня увидели соперницы.
Если чернокожий обладает честью, он хорош,
Пусть даже он дворник.
Но мне не нужен друг царевич,
Если у него нет чести.

То есть смысл ее слов был таков: «Молодец, что хранишь
свою честь!»

Тут садовник из другого конца сада услышал их голоса и
песни. Он тотчас бросился туда из страха перед падишахом:
«Это что такое? Что делает этот человек рядом с дочерью па-
дишаха в саду под ивой? И служанки не слышно». Когда он
подбежал, то он в гневе напустился на Талиб-джана, закричал
на него:

— Зачем ты сюда пришел, что здесь делаешь? Убирайся

прочь поживее, а не то свяжу тебе сейчас руки за спиной и отведу к падишаху!

Гульбашра растерялась, не знает, что придумать. Она сказала садовнику:

— Это мой родственник, он пришел с моего разрешения. Не трогай его, он сам сейчас уйдет. Но садовник твердил:

— Нет, убирайся! Сейчас я тебя отделаю!

Талиб-джан очень огорчился и обиделся. Он сказал:

— Почему нас позорят? Лучше мне уйти отсюда.

Талиб поднялся, вышел из сада и ушел. Гульбашра очень рассердилась и обратилась к садовнику:

Если сад доверяют вороне,
То соловей жалобно поет и улетает из сада.
Попугай хочет насладиться цветами,
А ты, садовник, заставляешь его плакать.

И затем Гульбашра со служанкой тут же вышли из сада, и она запела вслед Талибу:

Ради бога, повернись, подожди!
Куда ты идешь, чем я тебя обидела?
Потом где я найду тебя?
Где ты будешь?

Но он не откликнулся. Тогда служанка сказала Гульбашре:
— Что ты, биби! Зачем тебе этот неприглядный сумасшедший Талиб? Как ты могла влюбиться в талиба?

Та ей ответила:

Он настоящий цветок, он — роза.
Если бы я хотела нюхать шиповник,
Его полно в садах.

И снова Гульбашра крикнула вслед Талиб-джану:

— Пстой! Подумай, если тебя не станет, какой будет моя жизнь!

Талиб-джан сказал:

— Нет, я уйду, навсегда покину этот край. Наша тайна вышла наружу. Теперь надежда на бога. Если я добьюсь тебя когда-нибудь в законном браке — хорошо. А если нет, будем оба переносить эту разлуку и все горести!

Короче говоря, Талиб-джан поспешил прочь от нее. Сердце ее наполнилось гневом:

— Ты бежишь из-за такого пустяка. Я обращаюсь к тебе с песней, а ты даже не отзываешься. Нет, видно я сама виновата.

И она опять обратилась к нему:

Возьмите сковородку, вымажьте мне лицо сажей.
Я, дочь падишаха, влюбилась в талиба.

Когда услышал эти слова Талиб-джан, то сказал ей:

— Ну, теперь прощай! Сначала я еще колебался, сказать или нет, куда я иду. А теперь, бог знает, увидишь ли ты меня еще! Я, по-твоему, и не человек вовсе!словно талиб не такой же, как все, раб божий! Нет, нет! Не может быть дружбы между шахом и факиром.

Сколько ни просила его Гульбашра, как ни уговаривала:

— Если ты сейчас талиб, то ведь я-то считала тебя сыном падишаха. Ради бога, скажи, где ты будешь? — мулла Аббас отвечал:

— У меня нет дома. Каждая мечеть, в которой я преклоню голову, будет мне домом.

Что долго рассказывать! История идет своим чередом. Талиб-джан ушел — и следа от него не осталось. А Гульбашра со служанкой в слезах и горе вернулась домой. На лице Гульбашры разлука оставила свои следы. Побледнела она, губы пересохли. Поднялась в свою комнату, глядит в окно, а вдруг увидит где-нибудь Талиб-джана? Где Талиб-джан? Вдруг сердце у нее закипело и хотела она его проклясть, но удержалась и сказала:

— Ведь и молитвы, и проклятия раненого сердца доходят до бога.

И она запела:

Я стерплю, не буду слать проклятья,
Терпение — кедр;
Не дай бог, чтобы мой любимый умер молодым!

Тут она упала без памяти на постель — сердце ее обливалось кровью из-за разлуки. Пришла ее мать и спрашивает:

— Что с тобой, дитя? Ты здорова? Что приключилось? Господи помилуй, да буду я жертвой за тебя! Подними головку! Почему ты стала словно мертвая? Ты совсем побледнела. Боже, сохрани от дурного глаза! Скажи, в чем дело? Пусть твои беды перейдут ко мне! Говори же, что случилось?

Гульбашра ответила ей так:

Мой покой и сон и радость —
Все унес мой сладкий возлюбленный.
Любимый сжег меня таким пламенем,
Что нет у него дыма и никто не чувствует его жара.
Разлука сожгла меня, горе превратило в пепел,
И ветер влечет меня куда хочет.
Сердце мое полно черной крови:
Если пополющу горло, то всю страну залью кровью.
Если заглянешь в мое сердце,
Увидишь в нем море крови.
Разлука была стальной кинжал,
Он вонзился в мое сердце, и я захлебываюсь кровью.

Мать стала ее успокаивать:

— Не лишайся рассудка, не кричи! Если узнает отец, убьет тебя.

А она ответила матери:

Люди скажут — «Она безумная».

Не безумная я, разлука с любимым свела меня с ума.

Мать ее опять утешает:

— Не кричи только, бог любит тишину, бог все устроит.

Вышла мать от нее, позвала к себе служанку и сказала:

— Говори, в чем дело? Ты ведь все знаешь.

Служанка отвечает:

— Всего я не знаю. Известно мне только, что мы пошли в сад и пришел туда один человек. Она отперла ему калитку. Пришел садовник, начал ругать этого человека и выгнал его из сада. Она опечалилась и вышла за ним следом. Она кричала ему вслед: «Эй, человек, скажи, где ты будешь?» А тот тоже обиделся и ушел. Он сказал неизвестно, мол, где я буду. И вот она побледнела и слегла.

Мать сказала служанке:

— Смотри, будь осторожна, никому этого не рассказывай, чтобы не узнали другие люди или ее отец.

Что долго рассказывать! Гульбашра заболела: лежит, не спит, не ест, не разговаривает. Узнал о ее болезни отец, пришел к ней и говорит:

— Дитя! Я раб твоих глаз! Что с тобой приключилось?

Гульбашра не отозвалась на его слова. Лежит как мертвая. А она была единственной дочерью падишаха, и он ее очень любил. Очень он растерялся: «Что делать? Что с ней случилось?» После этого он стал звать к ней врачей. Какой врач ни придет — не может понять причины болезни. Так и уходят ни с чем. На-

конец, привели к ней одного врача. Это был человек выдающегося ума и знаний. Он осмотрел ее и сказал:

— Надо лечить ей глаза. Возьмите это лекарство и капайте его ей в глаза.

Когда Гульбашра услышала это, то обратилась к нему с такими словами:

Что за врач передо мной?
У меня болит сердце, а он дает мне лекарство для глаз!
Врач, ты ничего не смыслишь, уходи,
Мне нужен бальзам для раненого сердца.

Тогда отец и врач сказали:

— Здесь есть один врач, он разбирается в болезнях сердца. Пусть его приведут к ней и он ее посмотрит.

Гульбашра снова возразила.

Пусть придут врачи всего мира,
Если не придет исцелитель моего сердца, я умру.

И тогда врач сказал:

— Сдается мне, что это действие злых духов. Наденьте на нее амулет, и бог ее исцелит. А я пойду, если будет на то ваше разрешение.

Врача, конечно, отпустили, а отец сказал матери:

— Что-то тут не так. Если тебе что-нибудь известно, скажи мне. Ведь она у нас единственная дочь! Если умрет, что мы будем делать?

Мать ему ответила:

— Да я кое-что знаю. Но я боялась тебя и ничего не говорила.

Падишах воскликнул:

— Говори! Она у меня одна дочь, и в ней моя жизнь, а ты молчишь. Почему?

Жена говорит:

— Она заболела с того дня, когда пришла из сада. Служанка сказала, что приходил в сад какой-то человек, а садовник его силой выгнал. Она расстроилась. Так мне рассказали, а как оно было, я и сама не знаю.

Падишах сказал:

— Почему же ты раньше ничего не говорила, чего боялась? Ведь ты знаешь, что волей бога дочь рождается для чужой семьи. Это еще хорошо, что ей понравился один мужчина. Пусть выйдет за него замуж.

И вот отец и мать — оба пришли к Гульбашре и говорят ей:
— Дитя! Скажи правду, не лги и не бойся. Ведь мы выполняем любое твоё желание, — как тебе захочется, так и сделаем. Если ты хочешь замуж, мы найдем тебе мужа. Если тебе нравится кто-то в другом месте, мы и его разыщем.

Гульбашра им отвечала:

Моим другом станет глава всех талибов,
И все они до Пешавара станут моими деверями.

Они ее спросили:

— А кто глава талибов? Где его отыскать?

Она говорит:

— Его зовут мулла Аббас. Он был здесь еще мальчиком. Но отыскать его можно только так: собери всех талибов нашей страны и прикажи им пройти здесь, мимо дворца. Я буду смотреть на них из своего окошка. Когда увижу его, скажу тебе.

Тогда мать и отец — оба сказали ей:

— На что тебе этот талиб? Талибы ведь одержимые: нынче здесь, завтра там. Выходи замуж за сына везира или котваля *. Или мы найдем для тебя прекрасного царевича.

Не дружи с талибами,
Их кобылы стоят оседланные.

Но Гульбашра ответила:

— Он для меня и сын везира и царевич. Пусть бог меня проклянет, если я выйду замуж не за Талиб-джана, а за другого. А теперь делайте, как хотите. Когда это было тайной, я не осмеливалась ни на что. Сейчас, когда дело вышло наружу, я говорю: не будет у меня другого мужа. Если выдадите меня за кого-нибудь, кроме муллы Аббаса, отдадите меня другому, я в тот же час убью себя. Этого вы хотите?!

Пришлось падишаху признать: «Да, дочь моя влюбилась и, если не отдам ее за этого талиба, умрет. Или же убьет себя, а ведь она у меня единственная дочь». Тотчас он вышел и отдал в дарбаре такой приказ:

— Пусть все талибы из города и из окрестных мест придут утром и пройдут по одному под стенами моего гарема. Если хоть один не явится, клянусь богом, не оставляю его в живых!

Хакимы * тут же сообщили своим маликам *, чтобы каждый из них наутро оповестил всех талибов по мечетям, что утром все талибы должны явиться под стены дворца и по одному, друг

ва другом пройти мимо гарема падишаха. Малики дали знать об этом талибам своих мечетей. Короче говоря, утром стали подходить талибы. Каждый накрутил пышную чалму, надел синие штаны, расчесали они бороды, под мышками у них книги. И вот идут, идут, идут под стенами гарема падишаха мимо окошка. А дочь падишаха Гульбашра из окна тайком глядит на них через зеркала. Прошли уже все талибы, а она так и не увидела своего невзрачного муллу Аббаса. И вот она запела:

Прошли вереницей талибы,
А Талиб моего сердца так и не пришел, и я умру.

Спустя некоторое время она увидела, что среди талибов появился в запыленной одежде еще один. Он показался вдали, позади всех. Когда Гульбашра его заметила, то запела:

Мой друг Талиб пришел после всех,
Вместо вазифы * я поделую его.

Показала она муллу Аббаса, своего возлюбленного, отцу и матери:

— Вот он идет после всех, бедный, с посеревшим лицом. Он похитил мое сердце.

Мать говорит:

— Этот невзрачный талиб? Чтоб тебе пусто было! Что же это теперь будет?

А Гульбашра ей в ответ:

Не говори плохо о сером.
Ведь земля тоже серая, а она дает жизнь цветам.

Короче говоря, падишах отдал приказ:

— Задержите вон того серого талиба в конце. Я отдаю за него свою дочь.

Итак, привели Талиб-джана. Остальных талибов отпустили. Они пошли, а кое-кто остался: «Мы вечером попоем и потанцуем. Ведь будет свадьба муллы Аббаса».

Ну, что долго рассказывать! Рассказ идет своим чередом, и не бывает в нем никакой задержки. Сразу же отвели Талиб-джана в баню, помыли, одели его в красивые одежды. Вечером созвали кази *, муфтиев * и везиров. Устроили пир, заключили брак. Началось веселье, играет музыка, слышны песни, талибы пляшут атан *. До самого утра не смолкал радостный шум — ведь соединились двое влюбленных. Прошла эта ночь — «Ночь

радости коротка!» Настало утро, и люди разошлись по домам. Прошел и этот день. На вторую ночь мать нарядила невесту, привела Гульбашру к Талиб-джану.

По заведенному обычаю теща посидела с ними некоторое время, а потом она заперла дверь и оставила их одних — влюбленного и любимую, попугая и розового скворца, соловья и розу, мотылька и свечу!

Талиб-джан был искренний влюбленный, и вот он молча упирается уединением и любит ее, ничего не говорит. А в комнате было жарко, по лицу его любимой, словно белые жемчужинки, текли капельки пота. Гульбашра не могла больше терпеть и обратилась к любимому с такими словами:

Приди, мой любимый, омой себя —
На моей белой щеке
Пруд из капелек пота.
Подними завитки моих кудрей
Посмотри на мою родинку.
Это райский цветок.
Он освежит тебя, любимый.

Талиб-джан промолчал и ничего не сказал в ответ. Он весь ушел в созерцание, любит личиком Гульбашры и не может приступить к делу: не обнимает ее, не заводит с ней любовных игр. Гульбашра подумала: «Наверно, мое лицо почернело от горя и его больше не тянет ко мне». И она обратилась к нему с такими словами:

Посмотри на меня прежними глазами.
Если лицо у меня почернело,
То лишь от горя разлуки с тобой.

Но Талиб-джан ничего не ответил и на эту нара. Гульбашра не оставляла его в покое:

Губы девушки — ворота в рай.
А каждый правоправный стремится попасть в рай.
Почему ты сидишь опечаленный, мой друг?
Прижмись к моей белой груди.

И тогда Талиб-джан ответил ей:

Лицо твое было прекрасной причиной,
А результат — мое разбитое сердце.

Гульбашра подумала: «С чего это он завел речь про логику и философию? Да, верно, он ведь талиб и ему нравится умный

разговор». И вот она начала с ним по его желанию спор, а сама все время высказывала ему свое желание соединиться с ним. Она сказала это Талиб-джану так:

Еще в воображении мое сердце переполнилось печалью,
Когда же я достигну цели, стану прахом?

А Талиб-джан ей ответил:

Разбился образ моего воображения,
С кем я буду радоваться теперь своим мечтам?

А Гульбашра ему:

Ответь мне на эти стихи:
Дом у меня на берегу реки,
А я умираю от жажды.

Мулла Аббас ей сказал в ответ:

Ответ на эти стихи таков:
Кто влюблен, всегда умирает от жажды.

В конце концов Гульбашра подумала: «Ведь он талиб и мыслит логически. Пока он следует логике, я не смогу его победить, он сильнее меня. Дай-ка я попробую потягаться с ним в искусстве поэтики и стилистики». И вот она задала ему вопрос, но Талиб не нашелся, что ответить. Она его так озадачила, что он замолчал. И тут же Талиб подскочил оскорбленный, и поднялся. Возлюбленная его спросила:

— Что ты делаешь?

А он говорит:

— Ухожу.

Она спрашивает.

— Куда ты идешь? Зачем? Что случилось? Ведь все хорошо.

— Пусть меня одолеет немочь! Ведь ты женщина, а я мужчина, и все же ты победила меня в споре. Нет, между мной и тобой до тех пор не будет близости, пока я не достигну высот науки. Я ухожу от тебя!

Гульбашра стала его просить:

— Не надо, останься! Ну что такого, что ты не нашелся в споре! Я виновата. Это не имеет значения. Отсохни мой язык — зачем я стала с тобой спорить? Я ведь думала, что поступаю по твоему желанию. Я сказала себе: «Хорошо, он любит ученые споры и обрадуется. Проведем время». Сейчас ведь ты добился

цели, стал зятем падишаха. Можешь продолжать свои занятия здесь, дома. Любой мулла будет с готовностью учить тебя здесь.

Но Талиб-джан отвечал ей:

— Нет! Здесь ты все время будешь занимать мое воображение. Пока я не уйду из этого края, не смогу заниматься. Здесь занятия невозможны.

Гульбашра опять его уговаривает:

— Но сейчас ведь ночь. Подожди, не уходи пока. Давай проведем с тобой хоть несколько радостных ночей, осуществим свою мечту. Семь или восемь лет мы мечтали об этом в душе, тайно хранили свою любовь, переносили клевету чужих людей. А сейчас, когда бог сочетал нас законным браком, ты уходишь! Нет, давай исполним свое желание, а потом уйдешь или нет — все равно.

Мулла Аббас сказал:

— Нет! Сейчас мне перед тобой стыдно, я не могу на тебя смотреть. Сейчас же уйду!

Его возлюбленная сказала:

— Ради бога! Что я тебе сделала, что ты рассердился на меня так, что смотреть на меня не хочешь? Ты сам навлекаешь на себя беду.

И она запела:

О боже, пусть не влюбляются талибы,
Они любят двоих:
Возлюбленную и науку.

Талиб-джан ей ответил:

Там, где можно преуспеть в науке,
Там я хочу сложить свои кости.

Ну, а пока что время полночное и Талиб-джан стал в недоумении: повесил голову, вернулся, сел у дверей и задумался. Гульбашра его умоляет, Талиб ей не отвечает. И вот в полночь она запела:

Луна поднялась на вершину неба.
Сиюю я, бедная, пытаюсь помириться с обиженным.

Потом она продолжала:

Друг мой, подойди, помиримся!
Только из-за того, что есть на свете разлука,
Будем мы с тобой врозь.

Ни одним словечком он не отозвался. Гульбашру одолела страсть, в ней разгорелось пламя любви, и она снова обратилась к нему:

Любимый, никто так не поступает.
Я из-за тебя, словно сало на огне.
Друг, встань, обойди вокруг меня, пусть на тебя
перейдут мои беды.
Ведь бог вручил меня тебе!
Я не могу наглядеться на тебя,
Ах, если бы все мое тело было глазами.

Талиб-джан ей ответил:

Смотреть на тебя — как пить хмельное;
Не утоляешь жажду
И не можешь отказаться.

Ну, что долго рассказывать! Вся эта ночь прошла в горе и печали. Время уж к утру близится, лампа горит, а Талиб-джана нет. Гульбашра обратилась к лампе:

О лампа, разгорайся!
Это последнее свидание, больше свиданий не будет.

Талиб-джан ответил ей:

Что за беда, если сейчас расстанемся,—
Ведь, если останемся живы, увидимся потом.

Тогда зацела Гульбашра:

Если кипарис представит себе твой стройный стан,
Он загорится и от него пойдет дым.

А Талиб-джан ей в ответ:

Представлю твою родинку
И сердце мое сжимается, я умираю.
От зависти к твоим родинкам
Тюльпан чернеет.

При звуках этой песни Гульбашра подумала: «Он меня хвалит» — и у нее появилась надежда. И вот она сказала ему:

— Не надо, не уезжай. Ты, видно, опять забыл, что моя любовь словно огонь сжигала меня и я умирала от любви к тебе. Если ты уйдешь, опять случится такая же беда. И твое сердце разбито и истекает кровью, и мое сердце тоже. Потом у нас не будет такого часа.

Мулла Аббас в ответ на это запел:

Мои сверстники стали муллами,
А моему учению эта твоя любовь помешала.
Салам алейкум, я ухожу от тебя,
Когда-нибудь свидимся с тобой.

Возлюбленная его завопила, заметалась. Талиб-джан обратился к ней:

Нет, не плачь обо мне, не плачь!
Утром помолись за меня,
Вечером помолись тоже.

Гульбашра ему в ответ:

Я плачу не из-за твоей жестокости,
Меня заставляют плакать пасмешки соперниц.
Я плачу не из-за твоей жестокости.
Разлука с тобой заставляет меня
Лить слезы как невесту.

То есть смысл ее стихов такой: «Ты меня обидел, но не твоя жестокость заставляет меня плакать. Когда ты уйдешь, соперницы будут насмехаться надо мной: „Ты любила Талиб-джана и поэтому он ушел от тебя! А ты плачешь от разлуки с ним“». И она опять сказала ему:

— Не надо, не уходи!

Но он ответил:

— Нет, я не останусь. Да хранит тебя бог.

Гульбашра снова завопила, запела:

Сегодня ведь даже камни и кусты плачут,
Потому что мой любимый расстается со мной.
Дружба с тобой лелеяла меня,
А из-за разлуки с тобой осыпаюсь как цветок.
Иди, любимый, счастливого пути!
Я — пуштунка и буду хранить честь, дожидаясь тебя!

Короче говоря, рано на заре Талиб-джан отправился в путь, и они больше ничего не говорили друг другу и не исполнили обоюдного желания. Одному лишь богу известно, что было у них на сердце! И вот мулла Аббас ушел, скрылся. Гульбашра принялась проливать слезы: она и насмешек-то боится, и из-за разлуки с Талиб-джаном причитает. И стала она складывать такие нара:

О любимый, ты ушел, стал небесным жителем.
Когда небо сойдется с землей, наступит конец света.
Раньше я лишь изредка горевала,
Теперь мое постоянное занятие — читать книгу печали.
Разлука! Зачем ты нас развела?
Ведь мы были два ореха на одном миндальном дереве.
Разлука — мой младший брат
И в своем завещании отнимает у меня друга.
Если бы я знала, что настанет расставание,
Я держала бы любимого за руку.
Нет дороги, чтобы подняться на небо,
А земля для меня стала раскаленным адом.

Что долго рассказывать. Взошло солнце, и плач и эти песни Гульбашры услышала ее мать. ОЕЗ бросилась к дочери:

— Что еще случилось?

Когда вошла, глядит — Талиб-джана нет, а дочь ее рыдает горькими слезами. Мать спрашивает:

— Что случилось?

А та ей говорит:

— Талиб-джан ушел, ей-богу, я его больше не увижу! Прошлый раз он еще попался на мою уловку, а в этот раз ушел и, бог знает, увижу ли я его еще или нет.

Мать говорит:

— И хорошо, что ушел. Я ведь тебе говорила, как поступают талибы. Ничего хорошего в них нет, талибы одержимые. Но ты меня не слушала, а вот сейчас он бросил тебя одну на большой дороге.

А Гульбашра все плачет. Тогда мать пожалела ее.

— Не плачь, несчастная. Сейчас узнает об этом твой отец.

А дочь ее запела:

Мать, не сердись на меня.

Для тебя это прошло, а для меня настало сейчас.

Матери ее жалко, стала она ее утешать:

— Не плачь! Куда бы он ни пошел, назад вернется.

Весь день провела Гульбашра в слезах. Настал вечер, она сидит одна, вспоминает Талиб-джана, слагает такие стихи:

Сейчас ты в какой-нибудь мечети,

Ты — светильник.

А я сижу во тьме разлуки.

Ночь на пятницу, настал вечер,

А для меня — крошечная тьма, в которой я не вижу тебя.

Не называйте, люди, это восходом.

Само небо проливает кровь при виде моего плача.
Вчера в это время ты был еще здесь,
А сегодня — где разматываешь ты свою чалму?
Вчера в это время ты был еще здесь,
А сегодня — где ветер играет твоими черными кудрями?

Короче говоря, эту ночь она снова провела в слезах и причитаниях. Настало утро. Гульбашра ничего не ест и не пьет, лежит пластом. Принесла мать ей еду, воду, говорит:

— Вот уж два дня, как ты не выпила ни глотка, не съела ни кусочка.

Гульбашра в ответ только проговорила:

В моем сердце написано имя любимого,
Если я выпью глоток воды, оно сотрется.

То есть она хотела сказать: «Я и воды не могу выпить, что же говорить об еде. Я уже дошла до конца, умираю. Придумай что-нибудь!»

Мать ей сказала:

— Дитя! Что я могу сделать? Я ведь женщина, слабые у меня силы!

Пришлось матери пойти сказать отцу:

— Талиб-джан ушел. А Гульбашра снова лежит пластом. Если на этот раз ты найдешь средство разыскать и привести его, мы уж придумаем что-нибудь покрепче.

Отец тут же послал во все стороны людей с приказом: «Ищите его по всем мечетям, повсюду и, если найдете, приведите силой». У Гульбашры появилась надежда, что, может быть, разыщут Талиб-джана. Однако как люди ни старались, его не нашли. Вернулись вечером ни с чем и сказали падишаху:

— Мы обыскали все окрестные мечети, но никто не знает, где он скрывается!

Падишах сказал:

— Хорошо, что так вышло. Бог знает, куда его занесло!

И снова Гульбашра свалилась как подкошенная, упала на постель, побледнела. И снова почь для нее прошла в печали. Настало утро. Мать пришла и говорит отцу:

— Если ты разрешишь, сегодня же я повезу Гульбашру к святым местам, может быть, она наберется терпения!

Падишах сказал:

— Хорошо, вези ее. Сейчас я больше буду рад ее смерти, чем жизни.

Ну, ладно. Мать пришла и сказала дочери:

— Дитя! Наберись терпения, поедem с тобой к могиле такого-то святого. Может быть, паломничество принесет тебе пользу и ты сможешь переносить свою горе.

Дочь ответила:

Хоть сто раз буду я утешать свое сердце,
Все равно не забуду любимого,
Которого я видела своими глазами.

Она сказала:

— Хоть сто раз схожу в паломничество, все равно не уйдет он из моего сердца.

Мать отвечает:

— Хорошо, дочка. Отправимся все же, помолимся. Может быть, он вернется!

— Это ты хорошо сказала. Пойдем! — говорит дочь.

Ну, ладно! Отправились мать и дочь в паломничество. Идут, идут, пришли к одной гробнице, поклонились, а когда вышли оттуда, Гульбашра, как сумасшедшая, стала швырять туда камнями. Бросила она большой камень, а сама думает: «Зачем это я бросаю в гробницу камни? Ведь из-за этого Талиб-джан может задержаться». И она запела:

Я вела себя как безумная,
Шла по дороге и камнями швыряла в гробницы.

Мать ей говорит:

— Давай сходим еще к одной гробнице, а потом вернемся домой.

Ну, пошли они, приходят к другой гробнице. Когда они к ней приблизились, Гульбашра запела:

О гробница! Я иду к тебе,
Ноги у меня в мозолях,
И я ползу, опираясь на ладони.
Я совершаю паломничество, но нет от него пользы.
О боже, разрушь эти каменные гробницы.
Я совершаю паломничество, но нет от него проку —
Или я плохо молюсь, или вы, гробницы, обманщики!

И вдруг из-за гробницы до нее донеслось:

Потому тебе не помогает эта гробница,
Что я раньше тебя завладел ею.
Паломничество помогает каждому,
Кто от души молится перед гробницей.

Ах! Это была не песня, это была райская весть для Гульбашры. Она сказала себе: «Это ведь поет Талиб-джан за гробницей!». Ведь и Талиб-джан тоже был влюблен, и сердце его запуталось в сетях ее кудрей. С той ночи, когда он ушел от своей возлюбленной, им овладела страсть, и сердце его стремилось к одной цели. Тогда он пришел к этой гробнице и провел здесь несколько дней, голодный, страдающий от жажды, в муках от любви и науки.

Гульбашра и его теща подошли, смотрят — да это же Талиб-джан! Лежит он, лицо посерело, губы пересохли, голодный, жаждущий, ноги разбиты. Теща ему говорит:

— Что ты делаешь? Зачем ушел? Что разбилось, что пролилось, короче, что случилось?

Тут и Гульбашра стала сетовать:

Всю мою жизнь ты разрушил.

Я провожу ночи, словно газель на муравейнике.

А Талиб-джан в ответ:

Если бы ты надо мной не смеялась,

Я, бедняк, жил бы своей жизнью.

Возмести ущерб, который ты нанесла моему ученью,

Ты улыбалась своими пунцовыми губами, а я остался
невеждой.

Гульбашра ему:

Если бы я не улыбалась тебе,

Ты бы лишился ума, и я боялась,

Что падет на меня вина как на неверную.

Я возмещу тебе убыток в учении,

Но кто возместит мне, любимый,

Убыток, нанесенный моим губам?

Мать говорит:

— Довольно! Хватит упрекать друг друга. Пойдемте лучше домой.

Талиб-джан сказал:

— Я не пойду. Я отправляюсь в поисках знаний.

Теща ему говорит:

— Сейчас пойдем домой, а потом отправишься спокойно, возьмешь с собой денег, чтобы не пришлось тебе терпеть такие же тяготы, как сейчас!

Но Талиб-джан запел:

Все талибы стали муллами,

А мои книги покрылись пылью.

То есть: «Я пойду искать знания, не остаюсь. В этих „сегодня-завтра“ прошла моя жизнь и я остался невеждой, а все остальные талибы стали муллами. Один я остался таким... Жепщина, собственная жена победила меня в споре! Нет, я с вами ни за что не пойду!»

Гульбашра обратилась к нему:

Не судьба тебе учиться.
Кто влюбится, тому не до ученья.

А Талиб-джан ей в ответ:

Если мне не судьба учиться,
Буду скитаться всю свою горькую жизнь.

Теща говорит:

— Пропади ты пропадом со своей наукой! Где тебе учиться?
Посмотри на себя, на кого ты похож!

Талиб-джана эти слова очень задел, и он ответил:

Наука — море, Талиб в нем пловец:
Или потонет, или добудет жемчуга.

То есть: «Ей-богу, ни за что не оставлю науку. Или покончу с жизнью, или стану ученым».

Ну ладно. Талиб-джан был сыном пуштуна, крепко держал свое слово. Как ни оплели его сердце кудри любимой, выбросил их из своей головы, пошел, не стал с ними больше говорить. На этот раз он твердо направился в Индию. Так и сказал:

— Иду в Индию. До тех пор пока не завершу учения, не пытайтесь искать меня.

Когда Талиб-джан ушел, Гульбашра запричитала у гробницы:

Мы пришли к тебе, хозяин гробницы.
Или пусть он станет моим,
Или сделай меня прахом.

Ну, что долго рассказывать? Гульбашра и ее мать ничего не добились, с раненым сердцем и в печали вышли из гробницы и отправились домой. Оставим Гульбашру — пусть проводит дни и ночи в слезах и воплях. Пойдем вслед за Талиб-джаном!

Талиб-джан отправился в путь. Идет, идет, далеко ушел до вечера. Сердце его осталось с возлюбленной, а тело — в пути. И вот в степи вспомнил он возлюбленную и запел:

Сердце у меня плачет, как ребенок.
Здесь, в этой степи — как я хочу свидания!

Но какое тут свидание? Настал вечер. Талиб-джан лег спать в степи, голодный, страдающий от жажды. Взошла луна, поднялась высоко, а он погрузился в мысли: «Я лежу здесь, а моя любимая лежит у себя на крыше с разбитым сердцем». И вот он обратился к луне:

Луна! Ты многое видела.
Лежат влюбленные с разбитыми сердцами.

А там его Гульбашра лежит на крыше и тоже причитает:

О светлая луна, я — твоя жертва.
Ты, наверное, много раз видела моего любимого.

Не спится Гульбашре, глядит она на луну, ворочается с боку на бок, словно укушенная змеей. И снова она запела:

Сон, приходи ко мне,
Чтобы я увидела своего возлюбленного.
Люди спят всю ночь,
А я с пронзённым сердцем вся плаю.

Оставим ее. Талиб-джан провел ночь в степи, а утром отправился в путь. Долго шел по дорогам и наконец пришел в Индию. Определился он в мечеть к одному мулле, стал учиться, ведь он одержим был страстью к науке. Но прошло несколько дней, и стал он задумываться: «Накажи тебя бог! Жестоко было оставить Гульбашру с истерзанной душой. Она так предана тебе! Ты — бедный талиб, а она дочь падишаха, и она склонилась перед тобой. Там тоже можно получить знания! Нет, плохо ты поступил, что приехал сюда. Отправляйся-ка назад! И там, неподалеку от нее, поселись!»

Что долго рассказывать? Собрал он опять свои пожитки, отправился в путь. Когда добрался до реки Атак, вода в ней поднялась, никто не может через реку переправиться. Вот он и задержался там, провел несколько дней. А потом один из его спутников, а был он пловец, переправился через реку. Шел он, шел, а рассказ тоже идет своим чередом, не останавливается. Пришел как раз в тот город, где жила Гульбашра. Этот человек сказал:

— Река Атак поднялась, никто не может переправиться через нее, всех задержала вода. Там мулла Аббас вроде как направляется домой, но и он застрял из-за разлива реки.

Дошло это известие до Гульбашры, и она с взволнованным сердцем запела:

Ты задержала моего милого,
О мучительница, река Атак, стань ему по колено!

Говорят, по велению бога, воды в реке Атак стало по колено. Талиб-джан переправился через реку и пришел в Пешавар. Вечером зашел в одну мечеть, задумался: «Бросил я учение. Как же это случилось?» И снова гложет его мысль: «Накажи меня бог! Отправился я в поисках знаний, но не получил их. А сейчас иду домой. Какой стыд! Как посмеются люди, что вернулся я домой, ничему не научился. Нет, клянусь богом, не сделаю больше ни шага!»

Ну вот, пошел он и поступил учеником к большому мудрецу. Несколько дней спустя он подумал: «Напишу-ка я письмо Гульбашре. Любовное писать не буду, чтобы не ранить ее сердце, а такое, чтобы родилась надежда. Чтобы письмо это утешало ее, раз не может она приехать ко мне». И вот он взял калам* и чернильницу и написал такие стихи:

О письмо, дойди до нее, поклонись ей,
Сначала скажи ей: «Я — твой раб», а потом передай привет.
Я страдаю с каламом в руке,
От большого горя я опираюсь на калам.
Не знаю, помнишь ли ты меня или забыла,
Я же вспоминаю тебя на каждом шагу.
Если кто стал цветком у источника,
Не подобает, чтобы другой протянул к нему руку.
Письмо, дойди, скажи ей,
Что друг ее не будет всегда страпником, вернется к ней.
Когда она будет читать письмо, пусть плачет,
Когда я писал, я пролил много слез из-за нее.

Затем он написал: «Я живу в Пешаваре у такого-то муллы». Это письмо он отправил своей любимой. Когда Гульбашра получила письмо, то воспрянула духом. Взяла она письмо, поцеловала его, потом распечатала, перечитала много раз и долго плакала. Никому она об этом письме не сказала, повесила его как амулет на шею. А потом стала думать: «Что мне теперь делать? Если я отправлюсь за ним сама, он опять уйдет от меня. Если напишу в письме возвращайся,— ни за что не вернется! А если и придет, не окончив учения, то опять уйдет от меня. Пожалуй, лучше всего будет, если я напишу ему, чтобы учился хорошенько и был спокоен душой. Тогда, если вернется, больше от меня не уйдет, потому что страсть его к науке умрет». И вот она взяла калам, чернильницу и бумагу и написала:

Привет, привет тебе, мой друг!
В письме летит привет к страннику.
А теперь узнай, что я умираю от жажды свидания с тобой.
Клянусь богом, поверь этому,
Что я никого не люблю, кроме тебя.
Я даю великую клятву,
Что твоя возлюбленная не любит другого.
Любимый, учись, стань муллой,
А то подружки насмеются надо мной,
Говорят, что мой друг остался невеждой.

Написала она это письмо и отправила его Талиб-джану. Тот получил письмо, и сердце его успокоилось. Стал он учиться прилежно, хорошо служить мулле. Мулла тоже учил его всему, что сам знал. Ну, что долго рассказывать! Прошло время, а у того муллы была дочь, звали ее Шаиста, а по прозвищу Чернявка. Была она смуглая, но пригожая. Однажды мулла привел Талиб-джана к себе домой, чтобы поручить ему какую-то работу. Эта Шаиста увидела Талиб-джана и сразу же в него влюбилась. После этого прицепилась она к Талиб-джану. Талиб-джан это понял, только внимания не обращал. Однажды Шаиста тайком от отца пришла в каморку к Талиб-джану. Тот лежит, книгу читает. Увидел ее, но говорить с ней и не думает. Тогда она обратилась к нему:

Я хочу, чтобы ты поговорил со мной,
Как пшеница хочет дождя.
Приди, стань розой на моей груди,
И каждый час я буду освежать тебя свиданием.

Талиб-джан ей ответил:

Если стану я розой на твоей груди,
Придут солдаты разлуки и разлучат нас.
Не водись с чужаком,
А то будешь потом стонать, что сгораешь в огне.
Мир склоняется перед тем, у кого сила.
Девушка, люби того, кто принесет пользу.
Хорошо подходят друг другу соловей и роза,
Не подобает воронам вдыхать ее аромат.

То есть: «Я — чужестранец, оставь меня. Я уеду и ты будешь всю жизнь страдать, а я бедный и незаметный талиб. Лучше найди себе богатого жениха, не подобает воронам нюхать розу!»

Эти слова задела Шаисту и она ответила ему:

Зачем вы зовете меня Чернявкой?
Я не Чернявка, меня лелеяла мать.
Друг, не говори плохо о черном,
Ведь гвоздика черного цвета, а ее нюхают падишахи.
Не говори плохо о черном, друг,—
Черным хоботком ласкает цветы бабочка.
Если бы я была черная, я бы мучила тебя.
Я же смуглая и сама страдаю из-за юноши.

Ну, что долго рассказывать! Как ни старалась Шаишта, Талиб на нее не смотрел и ответил ей:

— Нам с тобой не дружить. Не морочь сама себе голову.

Пришло время возвращаться мулле, и отчаявшаяся Чернявка пошла домой.

Время идет, дочь муллы не отстает от Талиб-джана, и он ничего не пишет Гульбашре. А Гульбашра понять не может, что случилось с Талиб-джаном, почему он ничего не пишет. Разлука ее совсем измучила, пожелтела она, словно шафран. Нет у нее сил терпеть больше ни часу, не знает, что и делать. А Талиб-джан в Пешаваре тоже грустит, растерялся, не знает, что делать.

Однажды поднялась Гульбашра на крышу. Одолело ее горе, убивается она, качается, как от ветра. Мать услышала плач, побежала вслед за ней: «Как бы не бросилась дочка с крыши!» Подошла она к Гульбашре, спрашивает:

— Что с тобой? Почему ты качаешься из стороны в сторону?

Та ей ответила:

Стою на крыше, качаюсь,
Не оттого, что я не спала,
Пытаюсь забыть печаль о друге.

Тут подул легкий ветерок, и Гульбашра обратилась к нему:

О ветер, отнеси мой привет тому ветру,
Что дует туда, где мой милый.
Я бы передала письмо с ветром,
Но ведь ветер изменник, не передает письма.
О ветер, ради бога, скажи мне,
Скажи быстрее, как поживает мое сердечко?
Разлука приходит в гости к каждому,
Но у меня она раскинула шатры.
Разлука! Довольно, не обижай меня —
Позволь моему любимому вернуться.

Потом мать сказала:

— Пусть бог пошлет радость Талиб-джану. Если бы знали мы, где он, послали бы ему письмо!

Дочь говорит:

— Он в Пешаваре, живет у одного большого муллы. В прошлом году и в этом году я получила от него письма. Я послала ответ, написала, скрепя сердце, чтобы учился лучше. Но сейчас уже прошло много времени, а о нем ничего не слышно!

Мать говорит:

— Нехорошо пешаварский мулла поступает! Он должен был сказать Талиб-джану: «Пошли домой весточку! Ведь и у домашних есть права». Нет, видно, тот мулла сказал ему: «Не возвращайся домой, не посылай писем».

Сердце Гульбашры сразу сжалось и она запела:

Ты задержал при себе моего любимого.
Пусть бог лишит тебя дара речи,
Большой мулла из Пешавара.

Это было желание влюбленной, и бог его услышал. Говорят, что этот мулла сразу потерял дар речи и не мог произнести ни одного звука. Растерялся он: «Что приключилось?».

Прошло опять время. Талиб-джан ничего не понимает: «Что мне делать? Мулла погружен в мысли».

Спустя некоторое время его возлюбленная не могла больше совладать с любовью и подумала: «Теперь, наверное, он завершил свое учение. Пошлю-ка ему строгое письмо, может быть, придет».

И она взяла калам и чернильницу и написала так:

Любимый, привет, привет тебе.
После этого быстро возвращаясь на родину.
Пришел от тебя привет, но ты не пришел.
На что мне твой привет,
Если я не вижу тебя.
Я горюю с каламом в руке,
На ум мне приходят песни о любви.
Глаза мои устремлены в твою сторону,
Как флажки на могилах шахидов *.
Из-за жажды свидания с любимым
Глаза мои превратились в два озера.
Горе вернее тебя:
Ты ушел от меня, а горе всегда со мной.
Когда я вспоминаю тебя, любимый,
Я падаю на подушку и слезы льются вниз.

Посмотри на подушку — она потемнела,
Так и на сердце у меня темно, и я умираю.
Письмо я пишу кровью сердца.
Я вздыхаю над ним, и поэтому буквы стали черными.
О будь благословенно, письмо,
Ведь ты увидишь моего друга.
Тебе лучше, чем мне, письмо,
Я могу лишь послать весточку,
А ты его увидишь.

Ну, что долго рассказывать! Она излила в письме свою скорбь и жалобы. Она написала: «Если ты не приедешь, я умру!» — и послала это письмо.

Рассказ идет своим чередом. Дошло письмо до Талиб-джана. Как раз когда пришло письмо, к Талиб-джану явилась дочь муллы Шаиста. Талиб-джан даже не заметил ее, стал распечатывать и читать письмо, а потом заплакал. Шаиста разозлилась, запела нара, чтобы разбередить его раны:

Талиб, хватит, не плачь,
Ведь здесь нет никого,
Кто осушит твои слезы.

Услышал Талиб-джан эти слова, и письмо выпало у него из рук. Шаиста бросилась, схватила письмо и тут же отнесла его отцу. Мулла прочитал это письмо, понял, что Талиб влюблен и его возлюбленная в молитве попросила у бога, чтобы его учитель потерял дар речи. Тут же он пошел, отдал Талиб-джану его вещи:

— Иди скорей к своей возлюбленной. Ты уже получил достаточно знаний, больше тебе учиться нечему, некому здесь тебя учить.

Талиб-джан говорит:

— Подожди, учитель. Я уже почти закончил книгу, осталось всего несколько страниц. Объясни мне ее напоследок, тогда я послезавтра уеду обратно.

Мулла согласился. Прошел день, Талиб смотрит книгу, а у самого на сердце любовь. И он запел:

Книга скорей, скорей кончайся!
На родине я оставил страждущих.

Короче говоря, спустя несколько дней он закончил эту книгу, собрал вещи и отправился в путь, домой. Он идет по дороге к дому, а возлюбленная вспоминает его:

Откуда ты дуешь сегодня, ветер,— с гор или низины?
Сегодня ты несешь мне аромат любимого.

Ну, что долго рассказывать? Талиб-джан идет по дорогам. Через несколько дней пришел в деревню недалеко от родного города, вечером зашел в мечеть и там его свалила с ног лихорадка. От долгого пути, усталости, лишений, голода и жажды заболел Талиб-джан. Лежит он в той мечети несколько дней. С каждым днем слабеет, болезнь его усиливается и вот уже последние минуты жизни пришли. Задыхается Талиб-джан, но поет:

Я пою нара на краю могилы,
Страдаю, что не насытился поцелуями прекрасных губ.
Я уйду из этого мира с мечтой
Увидеться с любимой перед смертью.

Потом его глаза закатились и он испустил вопль.

Люди, не закрывайте его глаза!
Душа его еще не отлетела,
Он ждет свидания с подругой.

Наконец, Талиб умер, да простит его бог! Узнала об этом Гульбашра и завопила, горестно причитала:

Сгинь моя несчастная судьба,
Сотри с моего лба свои предначертания!
Цветы появляются из земли,
А мой любимый, что нежнее розы, ушел в землю.
Я хочу стоять и ждать его на Пуле-Сирате *.
Я заключу в объятия сердитого друга.
Говорила я, что умру от горя из-за тебя,
Но я тебя обманула, не умерла!
Принесите мне калам и чернильницу,
Я запишу кровью сердца день смерти друга.

Она побежала и увидела умершего Талиб-джана. Когда его закутывали в саван, его возлюбленная причитала:

Моего любимого одевают в белый саван,
А на меня сыплется град раскаленных углей.

Потом Талиб-джана положили на похоронные носилки и отнесли на кладбище. Идет за ним его возлюбленная, рыдает. Талиб-джана уж в могилу кладут, землей засыпают, а его любимая все причитает:

Могила — яма в сто гязов *.
Опускаются в нее молодые
Не по своей воле.
Я клянусь черной земле,
Мой любимый — цветок, а цветок не уходит в землю.
Я кланяюсь кладбищу,
Чтобы не превратились в прах перламутровые зубы любимого.
Почему я не умираю вслед за ним?
Мой любимый — цветок, уходит в весеннюю землю.

Наконец, она пропела:

Люди! Не жалейте себя ради друга,
Видала я людей,
Которые ушли па тот свет.

И с этими словами она бросилась в могилу и умерла.
Короче говоря, потом этих несчастных влюбленных похоронили там вместе.

9.

Адам-хан и Дурханий

Хорошо ты говоришь! Складно!

Говорят, что во времена падишаха Акбара среди юсуфзасв * жили два хана. Одного звали Хасан-хан, он был из рода Мутахейл, а другого — Тауз-хан. Оба они были люди знатные, но Тауз-хан был богаче Хасан-хана. Так уж видно богу было угодно, что ни у Хасан-хана, ни у Тауз-хана не было детей. Однажды Хасан-хан вышел на улицу и, когда он разговаривал с народом, к нему подошел факир * и сказал:

— Хан, подай милостыню!

— Я одинок, — отвечает хан, — нет у меня сына, которого я послал бы домой тебе за милостыней. А чужого посылать домой я не могу.

— Надейся на факиров, — сказал ему тот. — Они помолятся за тебя богу, и всевышний пошлет тебе сына.

Хасан-хан спросил:

— Почему же нет у меня детей? Я раздал столько милостыни, столько факиров облагодетельствовал, и они за меня молились. А бог все не дает мне сына!

— Слушай меня. Эти три финика я заколдую,— говорит факир.— Один из них зрелый, а два еще зеленые. Зрелый съешь сам, а два других выброси. Бог пошлет тебе сына.

— Ладно! — сказал хан.

Факир тут же заколдовал финики и отдал их хану, а хан обласкал факира. Зрелый финик он съел, а остальные бросил. Подняли эти финики два его работника и съели их!

— Ну, теперь мне пора идти,— сказал факир,— а ты каждый год приноси богу в жертву по быку. Да хранит тебя господь!

Факир ушел. Шел он, шел и пришел к дому Тауз-хана.

— Подайте милостыню! — закричал факир.

Тауз-хан послал служанку вынести милостыню факиру, а потом и сам вышел к нему.

— Факир! — говорит служанка.— Помолись богу, чтобы он послал хану детей.

Факир и этому хану дал половинку финика. Хан хотел ее выбросить, но потом подумал: «Лучше съем, может, бог пошлет что-нибудь». И съел финик.

Что долго рассказывать! Через девять месяцев, девять дней, девять часов Хасан-хану бог дал сына, которого называли Адам-ханом. А у Тауз-хана родилась дочь. Ей дали имя Дурханий.

Адам-хан был смугловатым, но красивым. Через три-четыре года, когда он подрос, отдали его учиться. За десять-двенадцать лет овладел он многими науками. Был он человек твердый и сильный, а еще любил охоту.

Ханство, богатство, семью — все отец отдал в его распоряжение. Еще Адам-хан купил у своего двоюродного брата Татар-хана двух рабов. Одного звали Миро, он был слеп на один глаз, но отличался умом и сообразительностью. Другого раба звали Било. Он был очень сильным и мужественным пахлеваном, только глуповат немного. Как говорится, «снял обувь задолго до воды». Еще был он беззаботным и брил усы и бороду. Адам-хан всегда учил его уму-разуму:

— Не поступай плохо, дурно поступать грех.

Било обычно отвечал:

— Я хорошо понимаю, что делать плохо нехорошо, грех. Но ведь ты у отца один сын, а двоюродных братьев у тебя много! Вот я и поступаю так нарочно, чтобы уберечь тебя от дурного глаза.

Для Адам-хана этот Било был как родной брат, и он дорожил им.

Была у Адам-хана сотня молодых друзей-приятелей, среди них известные Хушкяр и Кутуб-хан.

В копышне Адам-хана было несколько иранских скакунов. Коня Адам-хана звали Маджлуном. Поили его чистым молоком; был он быстр и послушен. А лошадь Било звали Азар. У Миро же была лошадь Парда.

Адам-хан слыл веселым человеком. Хорошо играл на рабабе * и в этом не знал себе равного. Адам-хан с друзьями постоянно веселился в саду Шала Мар, а каждую пятницу они ходили на охоту.

А сейчас мы оставим Адам-хана и перейдем к Дурханий — слушай, да вознаградит тебя Аллах! А было вот что. Когда родилась Дурханий, ей взяли кормилицу Нармый. Та очень хорошо ухаживала за Дурханий. Ах! Ах! Дурханий была такая красивая, что даже родители удивлялись ее красоте. Растили они ее втайне от людей, чтобы никто ее не сглазил. Однажды отец и мать сидели и думали о том, кому они ее отдадут, когда вырастет. Мать сказала:

— Среди Мутахейлей живет Хасан-хан. Он человек достойный. Говорят, что благодаря молитвам и различным амулетам, бог послал ему сына. Ему и отдадим дочку теперь же. А то, когда она вырастет, явится много женихов. Одно беспокойство будет.

— Ты хорошо придумала, — сказал Тауз-хан.

Не стал долго раздумывать, тайком от всех написал письмо Хасан-хану: «Благодаря молитвам, бог послал мне дочь. Тебе же он дал сына. Если ты пожелаешь, то я отдам свою дочь Дурханий твоему сыну».

Получил письмо Хасан-хан и тут же ответил согласием.

«Ты пока об этом никому не говори, — писал Хасан-хан. — Когда вырастут, тогда сыграем свадьбу».

Ну, что долго рассказывать! Когда Дурханий подросла и стала взрослой девушкой, такая стала бойкая и ловкая, что ой-ой! Как-то она говорит:

— Отец! Все девушки, мои ровесницы, учатся в мечети, почему же я сижу дома? Я также хочу учиться. Отдай меня учиться, иначе девушки будут смеяться надо мной, что я ничего не знаю.

Тауз-хан задумался: «Дурханий ведь очень красивая. Если я отдам ее учиться, верно, ничего плохого с ней не случится. А если не отдам, то она встанет мне поперек горла». Больше

ничего он не придумал и отдал Дурханий учиться. Она стала ходить к мулле в мечеть. Оставим пока Дурханий, которая уже учится. Послушай теперь об Адам-хане.

Однажды Адам-хану в одной из книг что-то было непонятно. Ко многим муллам обращался он за помощью, но они не могли ему помочь. И сказали ему, что мулла Тауз-хана — большой мудрец, никто в науке с ним не сравняется. Кроме него, никто тебе не поможет. Адам-хан тут же сел на своего Маджлуна, взял с собой книгу и поехал. Ехал, ехал и приехал прямо к мечети Тауз-хана, привязал коня к тутовнику. Через час пришел мулла. Увидел Адам-хана, но не показал вида, что знает его. Адам-хан поднялся ему навстречу, поклонился, поздоровался. Мулла спрашивает:

— Зачем пожаловал, молодец?

— Вот в книге неясность есть, — отвечает Адам-хан. — Разъясни мне!

— Хорошо! — сказал мулла. — Совершу намаз*, а потом вместе посмотрим книгу.

А тем временем пришла Дурханий с книгой под мышкой. Она уже стала взрослой девушкой. Много книг прочитала, прошла все науки. Села она, осмотрелась и увидела молодого человека. А мулла ушел сделать омовение. Адам-хан посмотрел на Дурханий и тут же потерял сердце! Они влюбились друг в друга.

— Кто ты? Зачем пришел? — спросила Дурханий.

— Я — Адам-хан, сын Хасан-хана из рода Мутахейл. Пришел учиться — в книге нашлось трудное место. А ты кто?

— Меня зовут Дурхо, я — дочь Тауз-хана. Здесь учусь.

Дурханий так влюбилась, что не могла сдерживать свои чувства. Она сказала себе: «Скажу-ка я о своей любви Адам-хану, чтобы знал, что Дурханий его любит».

И она заговорила стихами.

Течет голубой ручей, течет он в сад Адам-хана.

Плывет по ручью гвоздика. О боже! От цветка ручей красивее!

Это означало: «Я в тебя влюбилась! Как голубая вода, орошаю я твой сад любви».

Адам-хан тотчас ответил:

Я — хан, я — Адам-хан!

Любовь возвысила меня.

Если я не умру от любви к Дурханий,

Буду я зятем Тауз-хана.

После этого они оба изменились в лице, побледнели. Когда пришел мулла, Дурханый занялась уроками, а сама тихонько плачет. Адам-хан подошел к мулле, положил перед ним книгу, а когда мулла разъяснил ему непонятные места, Адам-хан сразу ушел, не сказал ни слова Дурханый. Сел он на своего Маджлуна и поехал домой.

Дурханый же после этого сохнет в разлуке у себя дома, совсем побледнела. С тех пор как стрела любви Адам-хана поразила ее сердце, она оставила книги, стала затворницей. Родителям сказала:

— Мирские радости меня больше не тревожат. Я буду молиться богу.

После этого Дурханый заперлась у себя в комнате и никого к себе не пускала.

Короче говоря, всем юсуфзям стало известно о ее красоте, учености и благочестии. Говорят, изучила она четырнадцать наук и обладала достоинствами семи пиров *. По уму и сообразительности не было ей равных. С тех пор как затворилась Дурханый, никто не видел ее лица. Разговаривает она только через служанок. Многие жаждали свидания с Дурханый, усердствовали — но тщетно!

Оставим Дурханый с ее тоской по Адам-хану и вернемся к нему.

Пришел Адам-хан домой, побледнел весь, будто могильный прах на его лицо лег, губы потрескались. Когда слез Адам-хан с лошади, Било взял поводья, посмотрел на Адам-хана и ахнул:

— Вай! Что с тобой случилось? — спросил Било.

— Молчи, брат! Кроме Миров, никому ничего не говори, — сказал Адам-хан. — Сердце мое унесла Дурханый, дочь Тауз-хана. Я влюбился в нее, потерял покой.

— Не стоит тревожиться, — говорит Било. — Да я тотчас приведу ее тебе целую и невредимую!

— Бог на стороне спокойствия, — возразил Мир. — Пошли к ней сватов и мы справим пышную свадьбу.

Своему отцу Хасан-хану Адам-хан ничего не сказал: стыдился. Не показывал даже вида, что влюблен. Однажды у юсуфзаев была свадьба. Адам-хана с отцом и всеми друзьями тоже пригласили на эту свадьбу. Женщины танцевали отдельно, мужчины — отдельно. Однако танцевали и общий танец. Во время этого танца одна девушка такие коленца выкидывала, что твоя голубка! А уж красива была — глаз не оторвешь! Звали ее Ту-

тия, сестра Базид-хана, была она девушка из хорошей и знатной семьи.

Хасан-хан и говорит Адам-хану:

— Сынок, посмотри, какая веселая девушка. Попросим ее в жены?

— Нет, не хочу жениться, — говорит Адам-хан.

— Ты не понял. Я пойду посватаю ее для тебя, — сказал отец. Адам-хану нечего сказать.

Ну, что долго рассказывать — Хасан-хан послал сватов просить Тутию в жены Адам-хану.

Договорились, что через месяц сыграют свадьбу. Через месяц родственники отца Тутии узнали, что Адам-хан тайно влюблен в Дурханий, а отец отдал ее ему еще с пеленок. Дурханий — дочь большого хана, она будет обижать Тутию, придется Тутии быть служанкой Дурханий.

Когда отец Адам-хана сообщил, что готовится к свадьбе, родственники Тутии сказали:

— Мы не отдадим тебе Тутию, да и не обещали.

Отец Адам-хана задумался: «Хоть Адам-хан не хотел жениться, но Тутия уже считалась его невестой. Позор, если мы теперь ее оставим». Позвал он Било и Миро и велел седлать лошадей. После вечернего намаза они отправились в путь. Ехали, ехали и приехали в деревню. Нашли там одну старуху, дали ей горсть денег и велели показать дом Тутии. Старуха показала дом Тутии, рассказала, как к нему пройти. Било и Миро тайком проникли в дом, сонную Тутию завернули в одеяло, посадили на лошадь и увезли. Наутро никто не знал, что случилось: как говорится, «место есть, а ткача нет». Тутия исчезла, а куда — никто не знает.

Через несколько дней та старуха сказала брату Тутии Базиду и ее родственникам, что Тутию увез Адам-хан. Тогда родственники отца собрали войско в несколько сотен, во главе встал Базид-хан, и двинулись они на замок Адам-хана. Адам-хану сообщили: идет целое войско, берегись! Он тут же позвал Било и Миро и сказал:

— Било вставай, поднимайся! Когда будет трудно нам, помоги! Пришло войско Тутии. Извести друзей, а сам мужайся!

Било сразу принялся за дело. Крикнул всем друзьям:

— Собирайтесь, готовьтесь! Враг близко!

Все друзья быстро оседлали коней и приготовились к бою. Тут же напали они на тот отряд и завязался бой. Долго бились.

Било одним взмахом сабли убивал несколько человек. Вот подъехал он к Базид-хану, хотел его ударить. Базид-хан вскричал:

— Твои воины мужественны, один другого быстрее. Сдержки своего Било. У него глаза налились кровью!

Адам-хан крикнул Било: «Хватит!», а Било и сам уж отвернулся в сторону. Он сидел на своем Азаре, глазами вращал, как тигр. Целое войско он разбил. У Базид-хана было несколько сот убитых, у Адам-хана всего несколько человек. Прекратили они бой, и Адам-хан со своим войском вернулся домой.

Спустя несколько дней Адам-хан сказал Било и другим:

— Давайте помиримся с Базид-ханом. Ведь это я увел его сестру, мою жену. А мы еще убили у него много людей.

Посоветовался он с отцом, отец тоже сказал, что лучшего и быть не может. Однажды в пятницу взяли они с собой коня, раба и много денег, пришли в дом к Базид-хану и подарили это ему. Попросил Адам-хан прощения у Базида, на том они и помирились. После этого между родственниками все было спокойно. Адам-хан соблюдал обычаи, строго хранил тайну своей любви к Дурханий. Ходил с друзьями на охоту, занимался разными делами. Ведь отец Дурханий — очень сильный человек. У него и бойцов, и богатства больше. И вот Адам-хан день ото дня все бледнел — сердце его от тоски изнывало. Он уже не играл на рабабе, не заботился о доме. Однажды отец тайком спросил у Било, почему Адам-хан так изменился. Тот ответил:

— Адам-хан влюблен в Дурханий. Но он стыдится тебе об этом сказать. Ты уж пошли сватов к Тауз-хану так, чтобы никто не знал, и любыми средствами получи Дурханий*.

— Это дело простое, — сказал Хасан-хан. — Тауз-хан ведь с детства отдал нам Дурхо.

Тут же послал он сватов договориться о свадьбе. Тауз-хан подумал: «Адам-хан уже женился на другой. Если я отдам ему Дурханий, то моя дочь будет в услужении у Тутии. Жизнь у нее будет плохая».

— Нет, — сказал Тауз-хан. — Не отдам Дурханий. Да я и не обещался. Никакого Хасан-хана и Адам-хана я не знаю.

Так он отказал сватам. Сваты вернулись к Адам-хану и Хасан-хану, сообщили ответ. Хасан-хан очень расстроился.

— Не печалься! — сказал Адам-хан. — Только не говори никому об этой моей любви, ни дома не говори, ни в деревне. Бог мне поможет перенести страдания. И не будем говорить об этом.

А Тауз-хан подумал: «Как бы Адам-хан не увез Дурханий!»
Стал он советоваться с матерью Дурхо:

— Было бы хорошо отдать нашу Дурханий замуж!

— Да, хорошо бы,— говорит мать.

До этого часа они не знали о любви Дурханий и Адам-хана. Как раз в это время прислал к Тауз-хану сватов один очень богатый человек, Паяв-хан. Тауз-хан стал колебаться: кому отдать Дурханий — Адам-хану или Паяв-хану?

— Иди спроси,— сказал он матери Дурханий,— за кого она хочет выйти замуж: за Паяв-хана или за Адам-хана?

Пошла мать к Дурханий.

— Дочка, пришли сваты.

— От кого? — спрашивает Дурханий.

— От Паяв-хана.

— За Паяв-хана я не пойду!

— Отец велит отдать тебя замуж. Говори, за кого хочешь выйти?

— Если спрашиваешь о моем желании, то я выйду только за Адам-хана, больше ни за кого.

Мать запела:

Дурханий, дочь моя! Говорю тебе я!
Дочь моя всех дороже.
Оставь Адама, выходи за Паява,
Паяв силен двоюродными братьями.

Иными словами: «Адам-хан у отца один сын, двоюродных братьев у него мало. А у Паяв-хана много родственников».

Дурхо ей в ответ:

Мама, матушка! Тебе говорю я!
Не будет у меня родной матери.
Адам — сын тигра.
Это у собаки родится щенков много.

Это означало, что Адам-хан смелый и мужественный, Паяв же низкий человек. За него я не выйду замуж.

Мать в ответ:

Дурханий, дочка! Тебе я говорю!
Ты же моя родная дочь!
Откажись от Адама.
Имя твоё юсуфзаи забудут.

Это означало: сиди, мол, спокойно, откажись от Адам-хана, иначе твое имя будет опозорено. Дурханий сказала:

Мама, матушка!
Ты моя родная мать!
От Адама я не откажусь,
Если даже позор падет на мою голову.

— Не делай этого дочка! Отец побьет тебя,— сказала мать.
А Дурхо ответила:

Я, Дурхо, говорю!
Тебе я говорю: боюсь я воды!
Но от любви к Адаму
Пойду в глубокую реку.

Мать пришла к Тауз-хану и сказала:

— Отпусти сватов Паяв-хана, не хочет она за Паява. Отдай ее за Адам-хана.

Но Тауз-хан пошел и тотчас без согласия Дурханий и ее матери отдал Дурханий Паяв-хану, чтобы Адам-хан не увез ее силой или чтобы она сама не убежала к нему.

Когда Дурханий услышала об этом, крепко затянула свое покрывало и поклялась перед матерью:

— Если отдадут меня Паяву, то и тогда лица моего никто, кроме Адам-хана, не увидит!

Затем она надела семь покрывал, села в седьмую комнату, а матери сказала:

— Если кто-нибудь кроме тебя войдет в мою комнату, я тут же покончу с собой. Не беспокойте меня, я буду молиться богу.

Когда Дурхо ушла в эту свою комнату, она была совсем бледная, так страдала она от любви к Адам-хану. Перестала она есть и пить.

По утрам мать приходит посмотреть на нее и каждый раз застает ее молящейся. Жизнь Дурханий — одно мучение. Мать очень беспокоилась, жалела ее — сердце ведь материнское. Однажды она спросила:

— Дурхо, что с тобой? Ты здорова или заболела? Зачем ты себя так изводишь? Скажи мне, откройся.

Дурхо ответила:

— Я не сошла с ума и не больна. Вы силой отдали меня Паяву, а я без Адама умру. Горит огонь любви к Адаму в моей груди...

Мать стала ее успокаивать:

— Хоть Паяву ты и не пара, но отец обещал тебя ему. Все же мы из одного племени, терпи Дурханный!

Дурханный сказала:

В руках у меня Коран,
Кроме Адама, нет мне мужа.
От горя сижу я дома.
Мама, матушка! Свет мне не мил.

Иными словами: «Я клянусь Кораном, что не выйду на улицу и, кроме Адам-хана, нет у меня мужа! Вот поэтому я и сижу дома, чтобы никто не увидел моего лица, его увидит только Адам-хан».

В сердце Дурханный был только Адам-хан. Она поклялась никогда не выходить из комнаты и клятву соблюдала строго: никому не показывается, ни с кем не разговаривает. Как вспомнит Адам-хана, так лишается чувств. Придет в себя — молится. Вот так и жила она со своей печальной любовью к Адам-хану. Юсуфзаям стало известно о клятве Дурханный: никуда не выходить, никому не показываться. Но прославленная ее красота и ученость, сообразительность и благочестие многим не давали покоя. Все двоюродные братья хотели повидать Дурханный, но не могли: во-первых, она была закрыта, а во-вторых, они боялись Тауз-хана.

Оставим теперь Дурханный с ее горем, а также Адам-хана, который скрывает свою любовь к Дурханный за игрой на рабабе и охотой, оставим и Паява с его волнением.

У Дурханный была двоюродная сестра по имени Баский. В детстве они уговорились, что если одна выйдет замуж, то другая придет к ней на свадьбу. Вот уже третий день веселятся на свадьбе Баский. И попросила Баский свою мать привести Дурханный к ней на свадьбу.

— Она затворилась и поклялась никогда не выходить из дома, — сказала мать.

— Позови ее, — опять говорит Баский, — она ведь обещала мне. С тобой вместе она пойдет. Ты ей напости, как мы в детстве уговаривались прийти друг к другу на свадьбу. Если она не согласится, то скажи ее отцу. А если и отца не послушается, то скажи, что Баский руки на себя наложит, если она не придет. Грех падет на ее голову!

Мать пошла к своему брату, Тауз-хану.

— Добро пожаловать! — приветствовал ее Тауз-хан. — Ты что такая бледная?

— Баский выходит замуж. Отпусти со мною Дурханий!

— Ты же знаешь, что она дала клятву никуда не выходить и никого не видеть. Я ее отец и то долго ее не видел. Неволить не могу. Нет, она не пойдет.

Мать Баский очень расстроилась. Пошла она прочь и сказала:

Если услышит меня бог,
С неба упадет камень на голову твою!
Ты меня напрасно обидел,
Да сократится жизнь твоя, Тауз-хан!

Тауз-хан тоже огорчился: «Станут люди меня судить, что напрасно ее обидел. Надо было разрешить ей. Пошла бы дочка — хорошо, не пошла — не моя печаль».

И Тауз-хан тут же послал за ней женщину.

Увидела тетку Дурханий, подошла к ней, обняла. Мать Баский рассказала, что Баский выходит замуж, и напомнила их уговор в детстве. Отец, мол, тоже разрешил Дурханий идти.

— Придешь? — спрашивает тетка. — Если нет, то Баский покончит с собой. Решать теперь твое дело.

— Я так долго жила в одиночестве! Как я пойду из одной деревни в другую? Оставь меня, так будет лучше.

— Помни, Баский убьет себя, повесится. Уже петлю приготовила. Сказала, если Дурханий не придет, то грех падет на ее голову. Пойдем, я тебя так закрою, что сам Аллах не увидит! На твой семь покрывал надену еще семь. Тихонько повезу и никто не узнает!

Дурханий растерялась. Если не пойти — то кровь падет на нее, а если пойти — для нее большое мучение. Подумала: для мусульманина убийство — плохое дело.

— Ладно, придется мне пойти с тобой, — сказала Дурханий.

Приказала она принести сундук, надела семь покрывал, на шею ожерелье: нарядилась. Взяла с собой книгу и отправилась в путь в сопровождении служанки и няни. Шли они, шли и пришли в дом Баский. Сели Дурханий и Баский рядом и повели беседу.

А Дурханий велела принести из дома особый шатер, сделанный из нескольких слоев шелка. В этом шатре она и укрылась. Баский она сказала:

— Я долгое время провела в уединении. Никто меня не видел. Здесь я также должна жить отдельно от людей.

Ну, пока все шло хорошо. Но дома, в деревне и среди родни стало известно, что Дурханый ушла. Двоюродные братья и все, кто домогался ее увидеть, собрались вместе и держат совет — как увидеть Дурханый.

В конце концов все согласились, что отправятся к ней под видом ныневате *, в изорванной одежде, — может, тогда удастся ее увидеть. Тут же собрались и поехали.

Вот явились они в дом Баскый — все на них изорвано. Подошли к подругам и няне Дурханый:

— Дурханый — наша двоюродная сестра, а мы уже много времени, как ее не видели. К вам и к ней мы совершаем ныневате. Если хоть разок увидим Дурханый — уйдем с миром обратно.

Люди Дурханый отвечают:

— И мы, и вы — пуштуны. Если вы пришли с ныневате, то мы вас принимаем. Но только Дурханый вам лица не откроет. Приведите с собой музыкантов, может, они сыграют и споют такие песни, которые подействуют на сердце Дурханый. Может, тогда она откроется.

Те, конечно, не мешкая привели музыкантов. Из всех сил музыканты старались, разные газели распевали, но Дурханый не обращала на них никакого внимания. Под конец один из певцов обратился к ней:

У Дурханый твердое сердце,
А сама Дурханый прекраснее мускуса и камфоры.
Пусть придет сильный человек,
Чтобы вытащить ее на посиделки.

Песня эта означала, что мы, мол, беспомощны, на наши песни она не выходит. Нужен тут сильный человек! А кто сильнее духом пира? Нужно привести Пир-Салиха! Ведь он духовный наставник всех юсуфзаев и учитель Дурханый. Тут же послали человека за Пир-Салихом и велели сказать:

«Шейх Пир-Салих, великий шейх! К тебе прибегаем, опора всех юсуфзаев! Если ты действительно силен верой, то вытащи сандаловое дерево с корнем».

Посланец все поведал Пир-Салиху. Тот задумался: «Если я пойду, то ведь она женщина, а я ей как отец! И отец ее тоже будет на меня в обиде. Может, повлиять на нее силою своих

заклинаний? Но Дурханий ведь благочестивая девушка, чары и заклинания на нее не действуют. Опезорюсь я среди своих учеников!»

Позвал он своего племянника Пир-Аку, рассказал ему все как есть и попросил совета.

— Ты старый и мудрый,— говорит Пир-Аку,— а я в этом деле ничего не смыслю. Я маленький человек!

— Мы ведь из одной семьи! Потому и советуюсь с тобой, как сохранить свою честь. Говори, как мне поступить.

— Адам-хан родом Мутахейл, он отрубит тебе голову — очень он упрям и непокорен. А вообще он человек храбрый, хороший, поэт и хорошо играет на рабабе. Говорят, в нем собраны достоинства семи пиров. Если ты возьмешь его с собой, то или твоей силой духа, или твердостью Адам-хана вы одолеете Дурханий.

— Молодец! — сказал Пир-Салих. — Очень хороший совет.

Созвал он двенадцать юсуфзайских ханов и говорит им:

— Пойдите вместе с Пир-Аку к Адам-хану и расскажите ему наше дело подробно. Без него не возвращайтесь!

Ну, что долго говорить! Сказка скоро сказывается. Пир-Аку и ханы отправились в путь. Вот приехали они к Адам-хану, а его дома нет: с друзьями на охоту уехал.

Мирбаш, сын Адам-хана, вышел к ним, приветствовал их:

— Добро пожаловать! Мир вам! Слезайте с лошадей, заходите в дом.

— Не спешимся, пока Адам-хан не придет,— отвечали ему гости.

Как ни уговаривал их Мирбаш, они не сошли с коней. Пошел Мирбаш к матери, ей рассказал.

— Хорошо! Окажи им гостеприимство, а в остальном пусть поступают как хотят,— говорит мать.

Мирбаш-хан вернулся, заколол тринадцать баранов — по барану на гостя. Час спустя приехал Адам-хан и еще издали увидел верховых.

— Эти конники или гости, или грабители,— говорит он Било. Подъехали они ближе, узнали Пир-Аку.

— Это — гости, и Пир-Аку с ними,— сказал Адам-хан.

Разгневался тут Адам-хан, поклялся убить Мирбаша за то, что тот не оказал гостям должного приема, что они все еще сидят на лошадях. Выхватил он саблю, готовится ударить Мирбаша. И сказал Адам-хан:

Эй, Мирбаш! Сын надменный,
Сегодня отрублю тебе голову.
Гости стоят удивленные:
Навеки упрек юсуфзям!

Мирбаш в ответ:

Сердце Мирбаша упало!
Говорю тебе, я не виноват...
В чем моя вина, отец?
Казнить без вины не дозволено шариатом *!

Тут вступился Пир-Аку:

— Остановись! Мальчик не виноват.

Адам-хан сам стал оказывать почести гостям, как положено.
Сердце Било заняло и он обратился к гостям:

Сердце Било решает:
Гости, вам говорю, зачем пришли?!
Вы сделали мальчика виноватым.
Сейчас сложу гору из ваших голов.

Тут один из муридов * Пир-Салиха говорит Адам-хану:

— Держи Било, а то убьет он нас!

— Замолчи! — приказал Адам-хан Било и сошел с коня.

— Сойдите с коней, гости, почему вы верхом? — говорит Адам-хан.

— Нас прислал Пир-Салих, — отвечают гости.

Тут передали они привет от Пир-Салиха и рассказали причину своего приезда. Рассказали, что Пир-Салих едет к Баскый, а Дурханий у нее в доме. Он хочет, чтобы она открыла лицо. Но говорят, что это дело нельзя сделать без Адам-хана.

В это время Хасан-хан подрос, очень удивился и спросил в чем дело. Адам-хан рассказал, что Пир-Салих прислал за ним Пир-Аку и других ханов. Стал Хасан-хан размышлять, зачем им понадобился Адам-хан, что столько народу за ним прислали? Пир-Аку воскликнул:

Отец хана, Хасан-хан!
Тебе говорю, отбрось подозрения!
Идем мы с серьезным делом к Дурханий.
Возьми красивый рабаб, Било-хан!

И он рассказал Хасан-хану все с начала до конца. Хасан согласился, чтобы Адам-хан пошел с ними, и утром Адам-хан приказал всем своим друзьям готовиться в путь. Говорят, что у

Адам-хана была привычка каждую пятницу надевать новое платье зеленого цвета. А ту одежду, которую снимал, он отдавал своим друзьям. Тутия тайком покупала у них это платье и хранила у себя. И вот теперь всю эту зеленую одежду она отдала друзьям Адам-хана, чтобы все были одеты одинаково. Она думала, если что случится, то Адам-хана не узнают среди других. Коротче говоря, все они были в зеленой одежде и похожи на стаю попугаев.

Тутия подумала: «Уедет Адам-хан, возьмет себе другую женщину, а меня забудет». И она обратилась к Мирбашу:

Сердце мое сегодня разрывается.
Ой, Мирбаш! Сердце мое не выдержит.
Сынок, не хочу я такой судьбы.
Адам-хан возьмет себе других девушек!

Мирбаш ответил:

Мать, как стоит твой дом?!
Ты теряешь разум,
Адам-хан ведь не сокол,
Который всегда сидит на твоей руке.

Выехали Адам-хан и его друзья, словно стая садовых попугаев. Мирбаш запел:

Будь осторожен с Дурханый!
Адам-хан, отец, не позорь себя!
Твои спутники — стая попугаев.
Зачем тебе эта стая на чужой стороне?

Адам-хан отвечал ему:

Не соколы ли то с острым клювом?
Тебе говорю, устрашат они врага.
Победа суждена нам,
О ней забота на сердце моем.

Теперь послушай, что стало с Адам-ханом. Сели Адам-хан и его спутники на коней, помолились и двинулись в путь. Выехали из села, Адам-хан и говорит:

— Давайте погадаем, достигнем мы цели или нет. Попробуем сейчас попасть в эту цель!

Установили они мишень, и каждый стал бросать в нее копьем на полном скаку. Никто не попал, все расстроились. Тогда Адам-

хан поскакал на своем Маджлуне и поразил цель. Било-хан пошел:

На майдане лежала доска,
Все друзья Адама хотели попасть в нее,
А попало копьё Адама!
Адам-хан одержит верх над Дурханный!

Двинулись они дальше. Ехали, ехали и приехали в селение Шахдаре. В Шахдаре жила двоюродная сестра Адама Мастура. Она услышала, что Адам-хан едет к Дурханный, а она еще раньше заочно была влюблена в Адам-хана; хоть она его и не видала, но знала о всех его достоинствах.

Было среди юсуфзаев поверье, что, когда кто-нибудь отправляется на войну или на другое важное дело, а перед ним пронесут пустую посуду, это не к добру и надо тут же остановиться и не двигаться дальше, пока не пройдет ночь. Мастура знала это, она быстро дала служанке пустой кувшин и сказала:

— Как только Адам-хан поравняется вон с тем деревом, неси мимо него этот кувшин!

Служанка так и сделала. Только поравнялся Адам-хан с деревом, она прошла мимо него с пустым кувшином. Адам-хану стало не по себе. Тут же слез он с коня и сел под деревом. Мастура говорит матери:

Порадуй сегодня мое сердце,
Прими хорошенько гостей!
Адам-хан в гостях у меня,
Матушка, приготовь ему угощение!

Мать занялась угощением, а Мастура послала служанку, чтобы та объявила Адам-хану, что к ним идет Мастура, пусть они ждут. Служанка вернулась и сказала, что все ожидают. Пришла Мастура, улыбается. Адам-хан запел:

Качаются деревья гвоздики,
Видно, попугаи сидят под деревом.
Адам также сидит с ними,
Рабаб из сандала перед ним.

Эта песня означала: «Ты меня узнала, и я тебя узнал».

У Мастуры в руке был цветок. Она спрятала его в кулаке и сказала Адам-хану:

— Узнай, что у меня в руке?

Мастура ведь слыхала, что Адам-хан слышет хорошим чело-

веком, вот она его и захотела испытать: хороший он или плохой, правду о нем говорят или лгут. Адам-хан сразу ответил:

Сердце мое говорит,
Болят мое раненое сердце!
Бог не даст соврать,
Аромат цветов Шахдаре доносится до меня.

И Мастура поняла, что Адам-хан и правда хороший человек. Влюбилась она в него еще больше, так, что не могла терпеть и запела:

Оставь, оставь! Оставь все дела мирские!
Загляни в мое сердце. Приди в объятия Мастуры!

Адам-хан подумал: «Не отпустит она меня, видно, влюбилась. Ладно, утешу ее словами, а потом уйду. Вреда она мне не сделает». И он ответил:

Мастура, любимица матерн! Имя твое знают повсюду,
Я давно влюбился в тебя, когда ты, красавица,
была еще девчонкой.

От этих слов Мастура обрадовалась, а Адам-хан поскорее сказал:

— Ну, мы едем.

— Сперва отведайте нашего угощения, а потом поедете,— уговаривает Мастура.

— Я заеду к тебе на обратном пути,— ответил Адам-хан,— тогда пробуду несколько дней.

Она согласилась и пропела:

Хорошо, ах, хорошо было зрелище!
Богатырь Адам в мыслях моих.
Ах! Идет он к Дурхо! Ступай, Адам, в добрый путь!

Адам-хан приказал всем садиться на коней. Когда все сели, прилетела птичка чурындак * и села на ветку. Адам-хан говорит Било-хану:

— Не по душе мне, что передо мной пронесли пустой кувшин, плохой это признак. Стрельну-ка я в этого чурындака на удачу!

— Хорошо! — сказал Било.

Адам-хан выпустил стрелу и попал прямо в чурындака! Било сказал:

Чурындак, чурындак на ветке!
Тебе я говорю, помертвевший чурындак!
Стрела Адама поразила тебя.
Кровь судьбы бьет из твоего клюва.

Вслед за тем тронулись они дальше. Ехали, ехали и приехали к Пир-Салиху, обрадовались все.

— Достоинство семи пиров предназначено тебе судьбой! — сказал Пир-Салих Адам-хану.

А Адам-хан, когда увидал столько людей, растерялся — не бывало еще среди афганцев такого сборища! И говорит он:

— Не думаю, что наше дело будет успешным.

— Ты не беспокойся, делай свое дело. Сейчас, пока нет Тауз-хана, как раз время, — отвечает Пир-Салих.

Адам-хан, Било и Миро уселись перед входом в палатку Дурханий, а остальным не велели близко подходить. Начал Адам-хан играть на рабабе. Свадьба Баский продолжается, все песни поют. Сперва пропел Било-хан:

Посмотри, Дурхо! Мы горячим коней перед мишенью,
Как только ты взглянула, Адам-хан поразил ту мишень.

Затем Адам-хан запел:

К тебе, Дурхо, пришел Адам-хан Мутахейл,
прошел долгий путь.
Взгляни хоть разок, Пир-Салих тоже хочет повидать тебя.

Настала очередь Миро:

Госпожа, твой безжалостный взгляд ранил сердце Адам-хана.
Сердце отдай — он отдаст свое. Жених снимет чадру о Дурханий.

Тогда поднялся Татар-хан, двоюродный брат Адам-хана, стал соперничать с ним, обратился к Дурханий:

Госпожа, они все тигры, коварные тигры!
Обрати взор к Татар-хану — каков молодец!

Расстроился Адам-хан, что их незаслуженно называли обманщиками, тотчас в ответ пропел:

Мутахейли мои храбрецы, говорю тебе, все они — поэты.
Дурхо, разок взгляни, все здесь — мои слуги.

За ним поет Било:

Госпожа, у дурных людей и слова дурные, говорю тебе,
они шайтаны!
Посмотри зато на Адам-хана! С ним рядом — садовые попугаи!

Эти слова разозлили Татар-хана: «Сперва был моим рабом, а сейчас что говорит?..» В ответ он запел:

Скотина ты, Било! Думай, что говорить!

Давно ли ты был моим рабом, в Кабуле на скотском рынке
стоял ты, раб!

Тогда Миро пропел:

Видно, ты скотина, Татар-хан! Что ты затеял, глупец?
Сегодня черед Адам-хана! Ослеп ты что ли, Татар-хан?!

С горечью запел Татар-хан:

Слушай, Миро-джан! Я, Татар, живой, а не мертвый!
Исполню я желание сердца, убью тебя, слепец!

Адам-хан тогда в ответ:

Если ударишь Миро, говорю тебе, считай, что нанес удар себе!
Если же убьешь Миро — богатырь Адам-хан уничтожит тебя.

Пропел эти слова Адам-хан, а сам думает: «Сейчас начнется ссора, и усилия наши пропадут напрасно». Он послал человека сказать Пир-Салиху, что, мол, коли Татар-хан так поступает — дело его, а я тут при чем? А если тот не может справиться, зачем вмешивается не в свое дело, зачем соперничает со мной?

Татар-хан спросил у Пир-Салиха:

— Если у Адам-хана ничего не выйдет, то что ты будешь делать?

Адам-хан воскликнул:

— Если не одолею я этого дела, уйду в чужие края!

Пир-Салих приказал Татар-хану молчать, ну, тот замолчал.

А Дурханий все это слышала!

Било опять обратился к Дурханий:

Адам положил за тебя голову. Сестрица, не пренебрегай Адамом!
Татар сел, голову повесил — невесту, сестру он оставил Адаму.

«Адам-хан упрям и настойчив, — подумала Дурханий. — Если я ему не покажусь, то он покинет родину. А ведь я только и живу ради встречи с Адам-ханом...»

Она осмелилась и высунулась из двери так, чтобы никто другой ее не увидел. Но Било заметил ее и пропел Адам-хану:

Сердце чувствует, тебе говорю, в дверях светит солнце!
Говорю тебе, господин, сейчас Дурхо явится без покрывала.

Адам-хан очень обрадовался и запел:

Ах, как бы не умереть с горя! Тебе говорю, сестрица,
отбрось гордость!
Куда ты смотришь? Сестрица, зачем дразнишь нас?

Услыхала Дурханий эти слова и спросила служанку Нармый:

— Кто это пропел?

— Это Адам-хан.

— А каков Адам-хан из себя? В чем он одет?

— Адам-хан похож на зеленого попугая. В руках у него рабаб, одежда зеленая, а сам заливается как попугай.

Дурханий стала смотреть на Адам-хана, думала, ее никто не видит, но Адам-хан увидал ее лицо, стан и пезван *. Било увидел ее золотой браслет, а Миро — ожерелье.

Миро-хан пропел:

Мы друг с другом договорились, мы с Адамом.
Сестрица, твоя примета — золотая паутина на шее.

Потом пропел Било:

Друзья Адам-хана быстрые, как тигры:
Примета сестрицы — золотой браслет!

Слушаешь? Хорошо! Теперь настала очередь Адам-хана. Он пропел:

Хан, Адам-хан я! Все удивляются мне.
Стан твой — кипарис. В носу у тебя пезвап —
покоритель сердец.

Когда услышала это Дурханий, спросила она Нармый.

— Кто показал им мои украшения?

— Никто не показывал, — отвечает Нармый, — Адам-хан ученый человек, ему все известно.

Дурханий подумала: «Я надела двадцать покрывал и не смогла себя спрятать! Зачем тогда себя мучить? Я и закрылась-то только для того, чтобы увидаться с Адам-ханом. Я сама

хотела его видеть, а сейчас, когда он пришел ко мне на свидание, прячусь от него».

Любовь сделала свое дело! Дурханий подошла к двери шатра, но Нармый ее остановила:

— Не выходи из шатра, там люди!

В это время Адам-хан через створку дверей увидел Дурханий. Он еще громче заиграл на рабабе и запел:

Глаза любимой Дурхо
Через двери я увидел.
Они покорили сердце Адама,
Поймала его девушка, выпестованная семью няньками.

Тут любовь Дурханий так возросла, что она больше не могла терпеть. Пока она препиралась с Нармый, с нее упали все покрывала, и вот Дурхо готова была выйти из палатки с непокрытой головой. Вот что делает любовь!

Но Адам-хан тоже изнемогал от любви к Дурханий. Он так ударил по струнам рабаба, что сердце Дурханий сжалось. Тогда Нармый пропела:

Смуглый Адам, смуглый!
Тише играй на сандаловом рабабе!
Звук твоего рабаба
Обдаёт мою Дурханий как огнем.

Ну, не буду долго рассказывать, коротко скажу.

Люди стали говорить, что вот сейчас Дурханий выйдет из шатра, но этого нельзя допускать, ведь это — позор.

Пир-Салиху сказали, чтобы он предупредил такое дело, но Пир-Салих запел:

Смотри, сандаловое дерево!
Дурханий смущена Адамом.
Возьмись за дверь Дурханий,
Выходи на площадь с непокрытой головой!

Дурханий эти слова обидели. Она сказала:

Пир-Салих хитрит,
Плохо думает о Дурхо!
Тебе, Пир-Салих, Дурхо не покажет лица,
Даже если обрежешь свою бороду!

Пир-Салих умолк, а потом сказал:

— Пошли, большие я ничего не могу сделать.

Тут Било пропел:

Адам-хан хочет сахару,
А купец еще не пришел.
Ради сердца Адам-хана,
О Дурханий, пройдишь разок по деревне!

Дурханий так вскружила голову любовь, что она не выдержала и вышла из шатра. Она сказала:

— Все афганские девушки гуляют, ходят к реке. Отчего же мне сидеть закрытой?

Адам-хан посмотрел на Дурханий и опустил глаза: не мог смотреть ей в лицо. Тогда Било пропел:

Ой, Дурхо! Любимая!
Имя твое известно всему миру!
Ранил Адама твой взгляд,
Излечи его своими кудрями!

Дурханий направилась прямо к Адам-хану. Тут он застыдился, поднял свой рабаб и закрылся им. А Дурханий подумала, что у него, верно, какой-нибудь изъян на лице. Тогда она пропела:

Видно, выпало счастье Адаму,
На правой щеке у него родинка или бородавка.
Загляни в мое сердце,
Опусти сандаловый рабаб!

Адам-хан опустил рабаб и посмотрел на Дурхо. Теперь Дурхо застыдилась и закрылась рукавом.

Адам-хана взяло сомнение, что, может, на ее лице какой-нибудь изъян? Он пропел:

Сердце мое, счастье мое!
Наши враги нам завидуют.
Загляни в мое сердце,
Отведи рукав от лица своего!

Опустила она руку, Адам-хан посмотрел на нее и потерял сознание. Друзья засуетились, не могут понять, что приключилось с их Адамом. Пир-Салих над ним заклинания читает. Только Дурхо поняла его болезнь, подошла и смочила ему губы своей слюной. Затем она пропела:

В эту гору вдохни огонь!
Тебе говорю, заклинания Пир-Салиха я уничтожу!
Адам посмотрел на меня и занемог.
О господи, преврати мою слюну в лекарство!

Короче говоря, Адам-хан от слюны любимой пришел в себя. Подумал он, что здесь много его соперников, двоюродных братьев, — ничего не выйдет, кроме позора. Тогда он сказал Пир-Салиху:

— Дурханый мы увидели, теперь я пойду, мир вам!

Пир-Салих отпустил его, и Адам-хан ушел. Не выдержала Дурханый разлуки, тотчас упала без чувств. Нармый побежала к ее тетке и говорит:

— Ты привела Дурханый силой, и вот теперь она лежит без сознания, — что ты скажешь ее отцу?

Тетка растерялась, стала жечь спелани * — вдруг поможет? Дурханый застонала:

Зачем ты меня поджигаешь,
Скажи, зачем разводишь огонь?!
Адам, душа моя, ушел от меня.
Телу без души как прожить?

Тетка поняла, что здесь нет никакого колдовства и что Дурханый в здравом уме.

— Что это с тобой, Дурхо? — спрашивает она. — Или ты ума лишилась, или заболела?

Дурхо ответила:

Здорова я и в здравом уме.
Без Адама нет мне жизни!
Сюда пришла я здоровая,
Сейчас огонь любви к Адаму сжигает меня!

Тут Нармый зарыдала и вымолвила:

Слезы сами льются,
Горло перехватывают слезы:
Адам-хан ушел далеко,
Дурханый клянется пойти за ним.

Дурханый поднялась, сделала два шага, и опять сердце ее сжалось от горя. Она пропела:

Что за печальная свадьба была,
Что за беда, Баский!
Пришла я здоровой, уйду больной.
Стрела Адама поразила меня!

Тетка говорит ей:

— Куда же ты идешь больная? Когда поправишься, тогда и пойдешь.

Но Дурханый ответила:

Где теперь Адам и его друзья?
Опечалили они Дурханый.
Если они ушли,
То и мне идти вслед за ними.

Тётка испугалась, что она в самом деле пойдёт за Адам-ханом, и сказала:

— Подумай лучше, куда ты пойдешь?! Он же далеко, в своем селе, а ты здесь. Ты и не увидишь его.

Дурхо ответила:

О боже, все в твоих руках!
Что за горе — полюбить чужака!
Не напоминай мне об Адаме!
Из-за него надломлена моя тонкая талия!

Тетка решила отвести Дурхо домой, и они отправились вместе с ней в путь.

Давай здесь их покинем! Пусть идут своей дорогой, а мы посмотрим, что стало с Адам-ханом.

По пути домой Адам-хан задержался у одного источника. Тем временем к отцу Адам-хана пришел человек и сказал, что Паяв-хан отправился на свадьбу к Баский, а Адам-хан у них на пути, остановился с друзьями у источника. Как бы не было меж ними стычки! Шамшаль-хан и Хасан-хан тотчас отправились к Адам-хану, стали просить его быстрее вернуться домой. Но Адам-хан не хочет возвращаться, разные предлоги придумывает.

— Вы идите, — говорит он, — а я свой лук отдал мастеру, чтобы тот его поправил — немного искривился лук. Надо мне посмотреть, исправил он лук или нет?

Хасан-хан сказал:

Кто освободит тебя от печали?
Это не печаль, не горе, это — сатана!
У тебя много врагов,
Подлый враг поджидает тебя со стрелою.

Адам-хан ответил:

Сердце мое, пошли мне счастья!
Пусть никто не держит зла на Адам-хана!
Пусть умру я на этом пути.
Белого лица Дурхо я не забуду!

Хасан-хан тогда подумал, что нужно напомнить ему о Тутии: может быть, он забудет Дурханый. Он сказал:

Ой, хан, Адам-хан!
Вспомни, есть на свете Тутия!
Ты любил Тутию, Адам-хан!
Что случилось между вами?

Адам-хан в ответ:

Отец, не говори таких слов,
Сердце само выбирает.
Если Тутия — крупица золота,
То Дурханый — жемчужина.

Отец понял, что Адам-хан с ним не пойдет, отпустил всех, остались только Било, Миро и Шамшаль-хан. Тут же отправились они в деревню к мастеру-лучнику. Вдруг Адам-хан увидал впереди идущих женщин. Он сразу догадался, что это Дурханый. Било он сказал:

- Ей-богу, это Дурханый со своими женщинами!
- Едва ли, — усомнился Било.
- Сейчас выясним, — сказал Адам-хан и обратился к ним со словами:

Госпожа, имя тебе — Дурхо.
Мне известно твое желание!
Покажи свое мне лицо!
Не знаю, какое покрывало у сестрицы.

Дурханый услышала эти слова и вся засияла от радости. Она обернулась к нему и воскликнула:

Адам-хан — цветок тюльпана, который влетают в косы ^{девушки!}
Приди, Адам! Здесь я — главная, все — мои родственники!

Адам-хан стыдился Шамшаль-хана, поэтому он не мог как следует поговорить с Дурханый. Дурхо послала Нармый к Било узнать, куда они идут. Било ответил:

- Идем к мастеру-лучнику.
- Дурхо ушла, а Адам-хан сказал Миро:

— Я ведь все это нарочно выдумал. Ты пойди, чтобы никто не видел, к мастеру и скажи ему, что придет Адам-хан, будет просить у него лук. Хорошенько с ним договорись, чтобы нам не попасть впросак — с луком-то я все выдумал!

Миро пошел к мастеру Миян-хану, все ему рассказал. Тот понял и согласился помочь им, сказать так, как нужно. Адам-хан приехал и спрашивает у Миян-хана, готов ли его лук? Тот отвечает, что нет, мол, еще не готов. У Миян-хана была дочь, звали ее Зырбахра. Когда услышала этот разговор, она запела:

Хап, Адам-хан! Отец мой не понимает ничего.
Твой лук — сердце Дурхо. Тебе говорю, всюду ее знают.

Шамшаль-хан понял, что Адам-хан все выдумал; все это — его уловки.

В это время Дурханый прислала в дом мастера Нармый с полным платком цветов, чтобы вручить их Адам-хану. Когда Адам-хан и его друзья вышли на улицу, Нармый подошла и отдала платок с цветами Шамшаль-хану — она по ошибке приняла его за Адам-хана, так как они были очень похожи. Шамшаль-хан тут же передал цветы Адам-хану и сказал:

Адам-хан понимает толк в цветах,
Я же в них ничего не смыслю.
Тебе пришел подарок,
Подарок пришел от Дурхо!

Адам-хан сказал:

В платке Дурхо завернуты разные цветы,
Нет моих сил! Замертво упаду на подарок!

Так он дал понять Нармый, что подарок получил и что предан Дурханый до самой смерти. Нармый ушла. Пришел Било. Адам-хан тихонько шепнул ему, что приходила Нармый, принесла подарок.

— Я постеснялся Шамшаль-хана и не мог с ней как следует поговорить. Беги быстрее, догони ее и передай от меня привет Дурхо. Скажи, что мы придем к ним.

Побежал Било, догнал Нармый, все ей передал и вернулся обратно. Нармый же все подробно рассказала Дурханый и добавила, что Адам-хан придет сегодня или завтра.

— Ты свободен, поезжай домой, — сказал Адам-хан Шамшаль-хану. — Ведь лук мой еще не готов. Езжай, а мы следом за тобой.

— Хорошо! — согласился Шамшаль-хан. А сам потихоньку спрашивает у Миро:

— Пойдет Адам-хан к Дурханый или нет? Если пойдет, то и я с ним. У него много врагов, как бы с ним чего не случилось.

— Нет, — говорит Миро, — не пойдет. Если бы собирався, разве отказался бы от такого верного и смелого друга, как ты?

Шамшаль-хан уехал, а Адам-хан спросил у Миро:

— Ты ему ничего не сказал?

— Как я могу сказать? Я друг твоих секретов!

— Молодец! — похвалил его Адам-хан, а потом сказал Било:

— Я и Миро идем к Дурханый. Держи наготове Маджлуна и жди нашего возвращения.

Вечером Адам-хан и Миро отправились в село к Дурханый. Дом Дурханый высокий, двери закрыты. Побродили они вокруг, никакого пути не нашли. Однако стража спит, кругом тихо — тогда Адам-хан взял у Миро свой аркан и забросил его на стену, что вокруг дома. По аркану поднялся на стену, смотрит, а кругом никого нет. Миро тоже поднялся. Потом по веревке спустились они вниз, а где комната Дурхо, не знают.

— Что же делать будем? — спрашивает Адам-хан.

— Не беспокойся, — отвечает Миро. Миро пошел по дому и наткнулся на спящего человека. Потихоньку растолкал его, а это был раб. Проснулся он и давай кричать.

— Замолчи! — говорит Миро. — Мы не убивать пришли и не грабить. С чем пришли, с тем и уйдем. Помоги только нам.

Тут Адам-хан подоспел, вынул из кармана десять ашрафи * и дал их рабу. А раба того звали Буджа. Он обрадовался деньгам, повел друзей к себе в каморку, там, мол, скажете, что хотите. Тут проснулась служанка, спрашивает, в чем дело. Буджа сказал ей, чтобы не поднимала шума; ей также дали денег и Буджа рассказал ей, что Адам-хан пришел только на свидание с Дурханый, а потом уйдет обратно.

— Где Дурханый? — говорит Адам-хан. — Где ее комната? Есть ли кто с ней? Как открыть к ней дверь?

Буджа сказал, что это дом Дурханый и живет в нем только одна она.

— Из слуг здесь только я и эта служанка, но снаружи отец поставил сторожей. Комната Дурханый тут — сунь руку в ту щелку и открой задвижку. Делайте, что хотите, только не выдавайте нас, а то Тауз-хан нас убьет. Мы же притворимся, будто ничего не слыхали, и опять ляжем спать.

Адам-хан открыл ту дверь, вошел в комнату, а Мирó встал на страже. Дурхо лежала на паланге, огня в комнате не было, темно. Адам-хан подошел к палангу и положил руку на грудь Дурхо. Дурханый проснулась, подумала, что это Паяв, и ударила кулаком. Адам-хан ничего не сказал, только отпрянул назад и встал около двери. Дурханый подумала: «Если бы это был Паяв, он бы не отошел, стал бы силой меня обнимать. Значит, это Адам-хан — другой не может на это осмелиться». И Дурханый обратилась к нему с песней.

Ты скажешь, как же так?! Адам-хан тайком проник к ней ночью, какие уж тут песни? — В сказке все бывает. А к тому же они, как влюбленные, говорили тихо и нежно. Послушай-ка, что они говорили.

Дурханый начала:

Не узнала я Адам-хана,
Думала, что это Паяв!
Ударил я его рукой,
Пусть отсохнет эта моя рука!

Адам-хан в ответ:

Пусть руки твои будут целы!
Пусть не коснется тебя беда!
Хоть и сильно ты ударила,
Но рука твоя была мягкой, как пух.

Дурхо опять запела:

Когда была свадьба Баский,
Туда пришли Адам и Дурханый.
Много горя я перенесла.
Иди сюда, сядь на паланг!

И начался разговор двух влюбленных.

— Есть у меня два вопроса,— сказала Дурханый.— Ты мне ответишь на них?

— Спрашивай! — говорит Адам-хан.

— В полночь, когда ты шел ко мне, какой подарок ты мне нес?

— Сердце мое!

— Что служит одеялом всему миру?

— Ночь!

Дурханый взяла Адам-хана за руку, подняла его на ноги, а сама осталась на паланге. Адам-хан жалобно пропел:

Биби *, как ты бессердечна!
Ты гордячка, нет в твоём сердце жалости!
Адама ты оставила на земле,
Сама же — на паланге.

Дурхо ответила:

Тяжело стоять на свидании,
Во рту у меня пересохло.
Хан! Поднимись ко мне,
Плачут по тебе мои кудри.

В таких разговорах провели они всю ночь. Их сердца желали только свидания. И вдруг в разгар беседы пропел петух Дурханий. Оба так и ахнули. Дурхо говорит:

Эй, петух, гнусная тварь!
Чтоб язык твой отсох, паршивец!
Утро еще не пришло, а ты зовешь его.
Ты прогнал Адама с паланга.

Дурханий поймала петуха и от злости бросила его в огонь.
Адам-хан запел:

Вот что случилось с петухом.
Люди смотрят, дивятся,
Не вовремя пропел петух.
Потому живьем сгорел.

Дурхо ответила:

Петух пострадал от своей глупости,
Тебе говорю, еще ночь!
Тот петух хотел увести Адама,
Не вспоминай о нем, он как шайтан!

— Этот петух пропел не вовремя, — сказал Адам-хан. —
Утро еще далеко. Но ты всю ночь провела в жалобах...

— Что хочу, то и буду говорить, — рассердилась Дурхо.
И она пропела:

Кем ты был? Я сделала тебя человеком!
Сделала я тебя равным всем!
Ты торговал черными кудрями,
Теперь же узнал ты цену черных кудрей.

Адам-хан ответил:

Меня бог наказал, Дурханий,
Сделал безумным от любви к тебе.

Ты все бранишься, Дурханий!
Что сделать, чтобы ты смеялась?

А Дурханий уже пожалела о своих словах и сердце ее смягчилось:

Мутахейл Адам-хан!
К тебе обращаюсь, хан юсуфзаев!
Без тебя я как тело без души.
Адам-хан, ты жизнь моя!

Тут Дурхо увидела, что в комнату проник утренний свет, заплакала она и сказала об этом Адам-хану. Она пропела:

Хан! Мое сердце болит!
Мой любимый уходит от меня!
Как же мне не плакать, господин?!
Когда светает, утро наступает!

Адам-хан вздохнул и пропел:

Стрелой любви пронзен я,
Очарован твоими очами.
Нет, это не утро, это свет твоего лица.
Весь мир еще в темноте!

Ну, что тебе сказать? Настало время расставания двух влюбленных. Уже пропели вторые петухи, Дурхо вся загорелась и зашела:

Говорила я с тобой, разговаривала,
От слез глаза покраснели.
Как же мне не плакать, господин?!
Утренние петухи уж пропели.

Адам-хан ей в ответ:

Что творится в сердце моем,
Никто не видит, все скрыто!
Один петух получил по заслугам,
Других ожидает такая же участь!

Так они и твердили: один, что уже утро, а другой — что еще ночь. А все оттого, что боялись разлуки. Настало время выгонять овец Тауз-хана, овцы заблеяли. Дурханий услышала блеяние овец и пропела:

Пусть лопнут ваши головы!
Вам говорю, отцовские овцы!
Утра не было, вы его сделали,
Вы прогнали Адама из моих объятий!

Миро тем временем подумал, что стало совсем светло, настало утро. Они ведь влюбленные, долго не насытятся свиданием! И он сказал Адам-хану, что пора уходить. Дурхо очень встревожилась, когда услышала голос Миро, и стала спрашивать, кто это.

— Не бойся! Это мой смелый друг. Он жизнь свою отдаст за меня и за тебя,— говорит Адам-хан.

Тогда она сказала Миро:

— Адам-хан сейчас сильно огорчен. Я тебе скажу четыре завета, а ты их запомни хорошенько! Первое, Адам-хану надо лечь спать, а ты смотри, не говори никому, что с ним! Второе, Адам-хан дома должен жить в верхней комнате, чтобы ветер с моей стороны обдувал его. Третье, следи, чтобы никто с ним не здоровался, пока мой запах не выветрится из его одежды. И четвертое, когда мы с Адам-ханом умрем, ты должен уехать в Индию, скрыться от всех навсегда.

Сделала она такое завещание Миро, позвала Нармый и велела ей какой-нибудь хитростью увести сторожей от дома. Нармый увела сторожей, а потом тайком довела до села Адам-хана и Миро. Дурханий пропела им вслед:

Адам-хан! Зачем вызвал ты солнце?!
Боюсь я, ты меня забудешь!
Утро настало, солнце взошло,
Адам-хана я вывела под шалью.

Вернулась Дурханий домой, а там ее мать. Она посмотрела на Дурханий и увидела, что на той лица нет. Мать спрашивает:

— Дочка, не приходил ли к тебе Адам-хан?

Дурханий ответила:

Все теперь забыто!
Имя Адам-хана слышала я,
Его я не видала.
Матушка, мирская жизнь забыта мной.

На другой день Дурханий зашла в сад, где останавливались прохожие. А в саду рос тутовник. Она съела несколько ягод черного тутовника и испачкала рот. Как раз в это время Адам-хан выехал на охоту. Он также подошел к этому саду и увидел Дурханий. Он пропел:

Видно, воля божья, раз пришла Дурханий!
Посмотрел я, а рот ее испачкан тутовником.

От таких слов Дурханый готова была умереть! Она стала выговаривать Нармый.

— Несчастливая! Ты бы мне сказала, чтобы я вытерла рот!

Спряталась Дурханый за камень, рот вытирает. А Адам-хан ей поет:

Двое влюбленных свиделись,
Сегодня бог на их стороне.
Только камень-соперник между нами —
Пусть расколется этот камень!

Говорят, камень тут же раскололся пополам и он увидел Дурхо. Адам-хан был голоден, опален солнцем. Он обратился к Дурханый:

Дурхо, сегодня мы твои гости.
Мы ведь пуштуны, а не моголы.
Принеси воды в своем бокале,
Дурханый, мы умираем от жажды!

Дурханый налила шербета в свой фарфоровый бокал и дала его Адам-хану.

Миро подумал, что Адам-хан теперь нескоро уйдет от Дурханый. И хотя был белый день и ничего плохого случиться не должно было, он сказал Адам-хану:

— Ты хотел повидать Дурханый. Теперь ты увидел ее, нам лучше уйти отсюда.

Адам-хан согласился. Они распростились, Дурханый отправилась домой, а Адам-хан пошел в село мастера-лучника.

Когда Шамшаль-хан приехал домой, Хасан-хан спросил его об Адам-хане. Тот ответил, что Адам остался в доме мастера. Хасан-хан приказал ему среди ночи отправляться назад и привести Адам-хана — ведь у него много врагов! Отругал он Шамшаль-хана, что тот посмел оставить Адам-хана одного!

Шамшаль-хан мигом собрался и приехал к Миян-хану.

— Где Адам-хан и его друзья? — спросил он.

— Вечером еще уехали. Больше я их не видел, — ответил мастер.

Шамшаль-хан выехал из села и тут повстречал Адам-хана и его друзей. Посмотрел он на Адам-хана и спросил:

— Скажите, ради бога, что случилось?

Миро ответил:

— Все в руках Аллаха, все хорошо.

Он рассказал Шамшаль-хану о четырех заветах Дурханый и послал его вперед, чтобы тот сообщил об этом отцу Адам-

хана. Пусть устраивает наверху жилье для Адам-хана и никого к нему не допускает.

Шамшаль-хан тут же отправился, явился к Хасан-хану. Тот спрашивает, где Адам-хан? Шамшаль-хан отвечает, что они едут следом. Все ему рассказал, отец и вся родня вышли навстречу Адаму. У Адам-хана было две сестры — Нияз-Мана и Назо. Назо была замужем за Кутуб-ханом.

Нияз-Мана первая увидела Адам-хана, как он едет медленно, ноги из стремян вытащил. Она сказала:

Родные все плачут.
Братец еле сидит на копе.
Братец не живой, не мертвый.
Дурханий, чтоб ты умерла!

Тутия воскликнула:

Хан! Что ты наделал?!
Разлучили нас с тобою,
Влюбился ты в Дурханий.
Ты забыл любовь Тутии!

Хасан-хан окликнул Адам-хана, но тот ничего не ответил. Все огорчились, отвели Адам-хана в верхнюю комнату, он свалился как подкошенный. Миро сказал, чтобы никого к нему не пускали, ни о чем не спрашивали. Бог даст, он выздоровеет. Коли найдется умелый врач — хорошо, а коли нет, то и нечего его зря беспокоить.

Дурханий же у себя дома от любви и разлуки лежала без чувств. К ней привели ее учителя, стал он читать над ней разные заклинания. А Дурханий тайком сказала ему:

— Ты получишь вознаграждение и сделаешь доброе дело, если выслушаешь, что я тебе открою.

— Я сохраню твою тайну, не беспокойся. Готов тебе служить!

— Я и Адам-хан, — сказала Дурханий, — еще в детстве, когда я училась у тебя, были влюблены друг в друга. Теперь мы разлучены. Он умирает от разлуки у себя, а я здесь. Ты сделаешь доброе дело, если ты под видом лекаря пойдешь в дом Хасан-хана и отдашь Адам-хану это кольцо. Передай ему мой привет и принеси от него весточку. Он будет рад и щедро тебя вознаградит.

— Я готов! — ответил мулла.

Мулла взял кольцо и в один миг очутился у дома Хасан-хана. Остановился перед домом и закричал: «Я — лекарь, лечу всех, кто лежит без памяти». Било пришел к Хасан-хану, доложил, что пришел лекарь.

— Приведи его скорей, — сказал Хасан-хан.

Тот привел лекаря, всех женщин выгнал, а мулла тайком вынул из кармана кольцо и надел его на палец Адам-хану! Адам-хан тут же поднялся, прижал кольцо к груди и сердце его успокоилось. Он сказал мулле:

Мулла пришел, верно, из рая!
Я готов умереть за него!
Я готов умереть за него,
Раз принес кольцо Дурханный.

Хасан-хан пришел, видит, мулла и Адам-хан сидят и беседуют.

— Как твоё здоровье, сынок? — спросил Хасан-хан. — Видно заклинания лекаря пошли тебе на пользу.

Адам-хан ответил:

Настало облегчение болезни,
Дай лекарю золота из казны.
Отец, обласкай лекаря!
Твоего сына он избавил от педуга.

— Все сделаю, — обрадовался отец, — только бы вылечить тебя!

Хасан-хан и Адам-хан дали лекарю много денег, а Адам-хан еще тайком сунул ему свое кольцо, чтобы тот передал его Дурханный. Отпустили они муллу, и тот отправился прямо к Дурханный и отдал ей кольцо Адам-хана. Она надела кольцо на палец и прижала к сердцу. Потом немного успокоилась и щедро наградила муллу, так что он остался доволен.

Однажды Тауз-хана не было дома, Паяв тоже уехал на охоту. Дурханный послала свою служанку Гуляный к Адам-хану, велела позвать его к ней. И вот Адам-хан один с Гуляный отправился к Дурханный.

А Паяв-хан, когда ехал на охоту, повстречал двоюродного брата. Тот стал его упрекать, что, мол, давно посватался к Дурханный, а свадьбу не устраивает. К ней, мол, Адам-хан ходит. Паяв-хан вернулся назад и спрятался. Когда Адам-хан подошел к дому Дурханный, Паяв-хан его увидел, натянул лук и вы-

стрелил в него. Адам-хан упал. Паяв-хан решил, что попал в него и теперь нужно скорей бежать: а то, если встанет — убьет его. Паяв-хан убежал, а Адам-хан был ранен в ногу, поднялся он и пропел, обращаясь к Дурханый:

Дурханый, умная, разумная!
Сторожей поставила на моем пути..
Стрела поразила меня,
Льется кровь ручьем.

Дурхо прибежала сама не своя.

Навеки опечалена Дурхо!
Пусть умрет тот злодей!
Если поможет нам бог,
Адам-хану не повредит стрела Паява!

Адам-хан ответил:

Адам-хан стоит в удивлении!
Видно, нет ему счастья.
Влюблен Адам в уста Дурханый!
Стоит один без друзей, как чужак.

Дурханый в ответ:

Пришел ты больной,
Заходи отважный гость!
Если свидание тебя излечит,
Я готова пожертвовать собой ради тебя.

Но Адам-хан ушел обратно домой, свидание их было коротким.

Паяв-хан после этого скорей начал готовиться к свадьбе. Он послал свадебные подарки Тауз-хану. А Дурханый тут же послала свою служанку Гуляный к Адам-хану. Гуляный от имени Дурханый сказала:

Свидание с тобой расстроило меня.
Адам-хан, все мысли о тебе!
Знаешь ли что случилось?
Паяв готовит свадьбу!

Адам-хан ответил:

Дурхо, только бы мне выздороветь!
Есть еще честь у Миро и Било.
Назови нам срок,
Скажи, когда будет твоя свадьба!

Дурхо послала ответ:

Сегодня печально мое сердце,
Горюю я, что Адам ранен!
Не сегодня-завтра моя свадьба.
Мысли мои перепутались, горе кругом.

Адам-хан ей отвечает:

Время печали легло на меня,
Дурханий, я далеко от тебя.
Не видать мне тебя, Дурханий,
Если чужая рука коснется тебя!

Состоялась свадьба, Дурханий выдали за Паява. Когда настала ночь, Дурханий сказала Паяв-хану:

— Не трогай меня. Если прикоснешься, я убью себя! Та-кой я видела сон. Потерпи десять дней.

Паяв согласился. Дурханий позвала своего старого учителя, тайком от Паява дала ему много денег и попросила отнести письмо к Адам-хану, рассказать о ее положении. Мулла согласился. Дурханий написала:

Хан, я себя уберегла.
Паяв меня не коснулся.
Я отдаю Паяву,
Но сад свой сохранила для тебя.

Еще она написала, что уговорилась с Паявом на десять ночей, а там, мол, твоя воля.

Мулла взял то письмо и в один миг доставил его Адам-хану. Все рассказал ему. Адам-хан прочитал письмо и даже растерялся: какая, мол, совершенна подлость! Потом он немного успокоился и написал ответ: «Я еду на охоту, когда вернусь, приду к тебе». Мулла отнес это письмо Дурханий, а она в ответ:

Адам-хан, живи здесь!
На охоту не ходи, слушай меня!
Всю свою охотничью добычу
Возьми, Адам-хан, у тела моего!

Мулла и это письмо принес Адам-хану. Тот ответил:

Биби, я еду к тебе.
Нет, не еду, а лечу.
Если я не погибну, биби,
За тебя сложу голову.

Дурханий прочитала эти слова и немного успокоилась, стала дожидаться Адам-хана.

Адам-хан пришел к отцу:

— Наша вина, что у нас нахально отняли женщину. Что будем делать?

— Все мое добро в твоём распоряжении,— говорит отец,— и я тоже с тобой.

Адам-хан подумал, что у Паяв-хана много народу, а у них меньше. Был у Адама дядя, Мирмами Хаджихейл. Решил он обратиться за помощью к дяде. Еще Адам-хан бросил клич своим друзьям и всем мутахейлям. Все в один миг были готовы, явились в дом Мирмами. А этот Мирмами был очень скупой человек. Говорил одно, а думал другое. Встретил он их радушно, но в душе был не очень-то доволен. Хасан-хан и Адам-хан сказали ему, что пришли за его помощью:

— Помоги нам, мы едем за Дурханий.

Мирмами стал отнекиваться:

— Нет, это мне не по душе. Ведь среди юсуфзаев много жещин овдовеет, многие матери потеряют сыновей.

А Гуджар-хан, сын Мирмами, был верным другом Адам-хана. Он обратился к отцу:

— Позор! У нас из-под носа уводят женщину, а мы смотрим. Нет, мы должны ее защитить!

Мирмами пришлось согласиться.

— Дай нам триста человек верховых,— говорит Адам-хан,— они будут у нас в тылу, когда мы будем сражаться.

— У меня и сотни нет, а ты просишь триста! — говорит Мирмами.

Миро сказал тогда Адам-хану:

— Или не видишь, ими командует брюхо! Зарежь быка, накорми их,— все пойдут за тобой!

Адам-хан вместо одного зарезал трех быков, угостил все племя на славу. Когда все было съедено, Адам-хан и его друзья сели на коней, а того муллу послали вперед известить Дурханий, чтобы она пришла им навстречу к источнику.

Мулла подъехал к дому Дурханий и запел:

Биби, я привез добрую весть,
Тебе говорю, собрай быстрее вещи!
Адам-хан сидит у источника,
Пляшет под ним сивый конь Маджлун.

Ну, что долго рассказывать! Дурханий тотчас принялась собираться.

Когда Адам-хан, его друзья и двоюродные братья выехали из дома, родня Мирмами подумала: «Плохо, что мы не едем с ними, мы ведь разделили их хлеб-соль». Гуджар-хан спросил:

— Что будем делать?

Все ответили:

— Мы готовы сражаться.

Короче говоря, все люди Мирмами сели на коней и отправились вместе с Адам-ханом. Доехали они до сухого рва, Адам-хан приказал всем остановиться, а сам с друзьями отправился вперед. Дурхо тем временем связала свои вещи и украшения в узел и отдала его Нармый. Обе они вышли из дома и поспешили к источнику.

Адам-хан издали увидел Дурханий и пропел:

Идет! Пришла, пришла!
Теперь я верю в справедливость.
Подала мне руку любимая,
Дурханий, дочь Тауза, смелая девушка!

Адам-хан выехал вперед, подскакал к Дурханий, осадил Маджлуна: «Садись!».

Только хотела Дурханий сесть, как Маджлун отпрянул назад. Дурханий сказала:

Ты не сдержал Маджлуна!
Плохо ты его воспитал!
Если позволит конь,
Буду я сидеть за тобой, Адам-хан.

Адам-хан закричал на Маджлуна:

Я тебя водил в поводу,
Я поил тебя молоком,
А ты отскочил от Дурхо —
Да отвалятся твои подковы.

Дурхо села сзади Адам-хана и говорит:

— Нармый со мной, пошли к ней верного человека, у нее узел.

Адам-хан послал Миро. Нармый увидела Миро, узнала его.

— Что с Дурханий? — спрашивает.

— Дурханий увез Адам-хан, — сказал Миро. — Садись, для разговоров нет времени.

Он посадил ее на коня, Адам-хан, Миро и Било прищиприли лошадей и привезли Дурханий в дом Мирмами. Решили отдохнуть здесь денек, а потом ехать домой.

А Миро и Нармый по пути полюбили друг друга. Когда они приехали, Миро обратился к Адам-хану:

Хвала тебе, господин!
Тебе говорю я, Нармый — утренняя звезда,
Биби твоя, Адам-хан!
А Нармый — моя.

— Ты подожди, — говорит Адам-хан, — Аллах знает, что еще случится.

Тем временем Паяв пришел домой и узнал, что Адам-хан увез Дурханий. Тут же он собрал войско в четыре тысячи человек. Догадался Паяв, что Адаму помогал Мирмами, а Мирмами человек сильный и людей у него больше. Тогда Паяв тайно отправил к нему послов, а с ними четыре тысячи золотых, коня и раба. Мирмами, получив такой выкуп, сказал, что нет нужды воевать, Дурханий он выдаст им в руки.

Адам-хан тогда был на охоте, а Нармый узнала о тех деньгах и все рассказала Дурханий, и Дурханий очень расстроилась.

Вот охотится Адам-хан в горах, стреляет в газелей, а стрелы пролетают мимо. И запел он:

Видно, другое время пришло!
Дурхо уходит от меня!
Раньше стрелы мои были метки,
Почему же теперь они летят мимо?!

Тут же он прекратил охоту и повернул обратно сам не свой. Но когда приехал домой и увидел Дурханий, страх разлуки у него прошел, он бросился в объятия Дурханий. Дурхо ему пропела:

Ты спишь крепким сном, Адам-хан,
Поднимись, вставай!
Пусть сон тебя покинет:
Мирмами взял за меня выкуп!

Дурханий рассказала все Адам-хану, а войско еще ничего не знает. Не хотелось Адам-хану слушать, он пропел:

Сон меня одолевает! Я боялся за тебя,
Но Мирмами — мой дядя, разве дядя обидит сестру?!

Через некоторое время ему сообщили, что Паяв-хан привел войско в несколько тысяч человек. Тогда Адам-хан сказал:

— Видишь! Если бы Мирмами продал Дурханый, какая нужда была бы в войске?

Тут же он встал и пошел седлать Маджлуна. Сказал коню:

Конь мой Маджлун!
Крепко тебя я взнуздаю.
Я надел кольчугу,
Растопчи голову врагу!

Надел он кольчугу, сел на коня и простился с Дурханый:

Я счастлив свиданием с тобой.
Сейчас время воевать, идут навстречу саблям.
Увидимся ли с тобою на этом свете?
Прошу у бога свидания с тобой хоть на том свете!

Дурханый ответила:

Если услышит бог молитву,
Адам-хан вернется домой живым.
Бог поможет тебе,
Отвернется он от врага твоего!

Только Адам-хан ушел, к Дурханый вошел Мирмами. Дурханый сказала ему:

Слышала я речи,
Сердце Дурхо расстроено.
Люди так говорят,
Будто Мирмами взял взятку.

Мирмами ответил:

Если прольется кровавой дождь,
Земля станет сией, как небо.
Я тебя не отдам, Дурханый!
Честью своей клянусь!

Сердце Дурхо успокоилось, а Мирмами говорит, что, мол, ничего не бойся, если хочешь, пойди к матери Гуджар-хана! Дурханый встала, вышла из комнаты — а там ждут двенадцать всадников! Мирмами указал на Дурханый: «Вот она, Дурханый». Всадники силой усадили ее на коня и увезли. Но Дурханый крикнула Мирмами:

Юсуфзаи — смелые люди.
Мирмами продал меня за золото.
Да будет несчастлив весь твой род!
Пусть погибнут все твои братья в застенках Акбара!

Когда Гуджар-хан пришел домой, он спросил у отца:

— Что это за люди усаживали женщину на коня?

— Это люди Паяв-хана. Я их не принял, и они уехали обратно, — ответил Мирмами.

Но раб Гуджар-хана рассказал ему, как Дурханий передали из рук в руки. Гуджар-хан выхватил саблю и бросился на Мирмами. Только все удары прошли мимо, и Мирмами убежал от него.

Адам-хан еще не доехал до войска Паява, как узнал, что Дурханий отдали в руки Паяву и тот ее увез. Он повернул обратно и решил сперва убить Мирмами, а потом вести в бой своих людей. Прискакал он, а Мирмами и след простыл. Только Гуджар-хан с саблей стоит посреди дома. Гуджар-хан рассказал, как Дурхо увезли, а Мирмами трусливо убежал от него.

— Иначе лежать бы его голове у твоих ног! — сказал Гуджар-хан.

— Молодец! Хвалю тебя! Хорошо! — говорит Адам-хан. Вернулись они к Хасану-хану. Тут обо всем узнали Било, Миро, Шамшаль-хан и Хасан-хан, Хумхаль-хан и Татар-хан и другие мутахейли. Все приготовились к бою. Адам-хан сел на Маджлуна, Било сел на своего Азара, а Миро на Парда. Втроем выехали они вперед. А Мирбаш, сын Адам-хана, и Гульджан, сын Шамшаль-хана, ехали по бокам, а следом все остальные. Женщины тоже одели мужскую одежду. Тутия, жена Адам-хана, и Майна, жена Мирбаша, ехали рядом с Адам-ханом, рядом с Било ехала его жена Лило. Ехали, ехали и вот настигли войско Паява.

Било крикнул:

Ой, мой конь Азар! Скачи быстрее ветра!
Двоих топчи копытами, третьего кусай, скачи по головам!

Выхватил он саблю и врезался в войско Паява. Адам-хан, увидев, что его друг Било весь в крови, крикнул ему:

Азар весь изранен,
Боятся сабель и пуль,
Обожди, друг Било,
Отдохни часок, Миро выйдет на бой!

Било уехал с поля — двадцать одна рана на нем, весь окровавлен.

Миро закусил усы, ринулся в бой. Адам-хан кричит ему:

Миро, друг проворный!
Опьянен ты гневом.
Вспомни о ранах Било,
Берегись врага!

Звенит сабля Миро. Тут и Мирбаш с Гульджаном в бой вступили. Адам-хан обратился к Мирбашу:

Мирбаш, сын мой! Вышел ты на бой, потерял терпение.
Держись рядом с молодцами, иначе потеряю тебя и бой!

Шамшаль-хан тоже рубился так, что любо глядеть! Вдруг Адам-хан увидел, что Гульджана окружили несколько человек. Он крикнул Шамшаль-хану:

Шамшаль-хан храбр, разит он врагов.
Иди, помогай Гульджану — его уж не видать!

Но Шамшаль-хан так бился, что ничего не слышал. Тогда Било, весь израненный, бросился с криком в гущу сражения и привел врагов в замешательство. Спас он Гульджана, и Адам-хан воздал ему хвалу. Потом сказал:

— Било, друг, скажи друзьям, что настала моя очередь.

— Ты в бой не ходи, — говорит Било, — если мы погибнем, беда невелика. А ты — наша голова. Голову отсечь — и туловищу нечего делать!

Но Адам-хан не согласился. Сел на Маджлуна и сказал ему:

Конь мой Маджлун! Я покля тебе молоком и шербетом.
Скачи в бой за кудри Дурхо, топчи головы врагов!

Адам-хан вступил в бой. Он крошил врагов, словно орехи колол, а Маджлун помогал ему копытами и зубами. Войско Па-ява потери несло от этого Маджлуна! Бросились они на Адам-хана и его коня, изранили Маджлуна, стал он слабеть. Адам-хан видит, близится вечер, Било весь изранен, конь его вышел из строя, врагов много, а друзей мало. Адам-хан прекратил бой. «Отдохнем до завтра, а там посмотрим», — решил он.

Отправились они домой. Приехали, стали лечить раны Било. Сказали ему:

— Когда ты выздоровеешь, тогда и пойдем войной на Паева.

Ну, братец, что долго рассказывать! Прошло несколько дней и Било говорит Адам-хану:

— Хан! Я совсем здоров. Давай отправляться в поход.

— Ты лучше сядь на коня, посмотрим, что получится,— сказал Адам-хан.

Сел Било на коня, проехал два круга, а на третьем застонал и попросил снять его с коня — раны его заново открылись. Недолго полежал он, а потом испустил дух.

Когда Било умер, Адам-хан озлился. На следующий день выехал он со своими воинами на бой, бился до позднего вечера. Многие друзья сложили головы, Адам-хан был много раз ранен, ослабел так, что едва добрался до своих, а вечером он умер. Миро завопил во весь голос:

Сердце мое истекает кровью, кровь льется в сад...

Иди, взгляни! Адам-хан стал прахом могильным!

Друзья, родственники долго оплакивали Адам-хана. Но сколько ни плачь, всему бывает конец. Обмыли Адам-хана, завернули в саван и зарыли его в степи, на берегу реки.

Паяв очень обрадовался, когда узнал об этом,— мол, теперь он может жить без забот.

Не буду долго рассказывать. Обо всем этом узнала одна служанка. Пошла она в дом Дурханий, а Дурханий и Нармый были в саду, рвали цветы, собирали букет для Адам-хана. Служанка вошла в сад и обратилась к Дурханий с печальной вестью.

Сегодня Тутия в большой печали,

Призывает бога, плачет, а юноши, подобно Адаму,

отправляются в нуть.

Дурханий ахнула:

— Кто это там говорит? — спросила она у Нармый.

— Это служанка,— ответила та.

Дурханий сказала служанке:

Я не слышу, я совсем оглохла, а в придачу еще и ослепла.

Подойди ближе, скажи. Ты поразила меня в самое сердце!

Служанка подошла ближе и запела:

Что ты делаешь, бедняжка Дурханий, зачем рвешь цветы?

Адам-хан покинул этот мир. Дурханий, что станет

с цветами воспоминаний?

Услышала эти слова Дурханый и так закричала, что цветы у нее сразу завяли в руках. Сквозь слезы она сказала:

Ох, долго я терпела!
Пришла ко мне разлука.
Если любовь моя была истинной,
Жди, любимый, я приду к тебе!

После этого она и Нармый вышли из сада и отправились домой. Дурханый обратилась к Паяву:

Если ты не виноват, Паяв, так и будет.
Сегодня отведи меня на могилу к храброму Адаму.
Ведь я сестра тебе,
А еще я — невеста твоя!

Паяв подумал, раз Адам-хан умер, лучше уж отвести ее туда, пусть сердце ее успокоится. Тут же вывел он верблюда, посадил на него Дурханый и Нармый и привез их к могиле Адам-хана. Когда он спустил их на землю, Дурханый подбежала к могиле Адам-хана, обняла ее и стала молить бога, чтобы он взял ее жизнь. Услышал бог молитву Дурханый: как лежала она на могиле, так и умерла. Нармый увидела, что Дурханый уже мертвая, воскликнула:

Я для Дурхо — служанка! Она — госпожа, я — служанка!
Если любовь наша верна, боже, соедини меня с нею!

Желание Нармый также было исполнено богом. Подошел Паяв и видит, что лежат по обе стороны могилы Дурханый и Нармый, обе бездыханные. Только тут он понял, какая любовь была у Дурханый и Адам-хана.

Дурханый похоронили в одной могиле с Адам-ханом. Мир остался один. Завещание Дурханый, чтобы после их смерти он уехал в Индию, иначе он ослепнет, он не выполнил. Поэтому и ослеп он на второй глаз.

Стал его водить за палку один батрак Лангари. Он и Лангари всем рассказывали историю Адам-хана и Дурханый. Но в конце концов и его бог прибрал — умер.

Мургый и Мирос

Расскажу я тебе одну историю, ничего в ней не выдуманно, все — правда.

В краю разаров* жил золотых дел мастер. Слава о нем шла повсюду, и люди звали его не иначе, как искусный умелец. Трех сыновей послал ему бог. Первому сыну дали имя Мирос, второму — Малик, третьему — Варис. Счастье им было во всем, и семья у них была дружная и крепкая. Отец часто сидел с детьми и домочадцами в дукане* за работой. Но только — где поселится счастье, туда и беда спешит.

Нежданно-негаданно отец умер, оставил детей сиротами. Двое были совсем малые, только Мирос подрос немного. Он в совершенстве изучил ювелирное дело и теперь уже в помощи не нуждался. Женился он на дочери дяди, свадьбу сыграл пышную, богатую, как полагается. Годы шли, и по милости бога у него родились два сына. Зажила семья еще богаче и лучше, словно над ними всегда сияло солнце. Все они были умные и умелые, друг друга любили. Но разве можно предвидеть повороты судьбы?

Как подумаю о вероломстве рока, сердце живьем сгорает от горя! Только вступил Мирос в счастливую пору жизни, как злодейка-судьба, накликающая беды и несчастья, понапрасну чернящая людей, опозорила имя Мироса и нарекла его вором. А в том селении и правда случилась кража, и люди сразу же схватили Мироса. «Ведь Мирос-то вор, — говорили они, — только он один и мог украсть прошлой ночью эту накидку». Один повел связанного Мироса в участок, а другой учинил разбой в его доме. Подобрали ложных свидетелей и на всем миру, перед народом опозорили беднягу и оклеветали.

С того времени Мирос замкнулся в себе, стал неразговорчивым. Даже с родными перестал встречаться. Однажды прислал он записку матери, а в записке пишет: «О матушка! Тяжело мне жить здесь, словно соловью в клетке. До того мне трудно, что решил я, матушка, уехать в Индию».

Получила мать записку, собрала детей и родичей, говорит им:

— Идите к Миросу, скажите ему, что не даю на то своего родительского благословения!

Передали они Миросу слова матери и от себя еще добавили:

— Не уезжай, Мирос, в далекие края. Ты уедешь, а враги и недруги здесь останутся. Уж коль беда придет в нашу семью, не помогут тогда ни алмазы, ни жемчуг Декана. Да и неопытны мы еще в ювелирном деле, совсем разоримся без тебя. Если же ты твердо решил нас покинуть, так поезжай на месяц, не больше. И пусть Аллах пошлет тебе много серебра и золота!

Собрал Мирос пожитки и наутро вышел из дому. Направился он в путь веселый, счастливый. Советы родных пришлись ему по душе. Шел он в село Наринджи, там неподалеку. Не знал еще Мирос, какие испытания ему предстоят, — а ведь такое не всякий может выдержать!

Короче говоря, оказался Мирос в Наринджи. Завидел он издала худжру *, вошел внутрь, и так он устал с дороги, что долго сидел молча, лишь иногда вокруг посмотрит. Своим благородным обликом Мирос выделялся из всех, кто был в худжре. Кто-то заговорил с ним:

— Куда, юноша, путь держишь? Откуда ты родом? Мы рады тебя здесь видеть!

— Ювелир я, — ответил Мирос, — но отчаялся в жизни, руки у меня опустились. Родился и вырос я в Шаре, это целый город, такой же большой, как Басра. Если поможете мне, останусь у вас работать, а нет — уйду отсюда, поищу другие места. А то в голове у меня пусто, да и в желудке не густо.

Подошел к нему один из селян и предложил:

— Оставайся у нас работать! Начинай дело, а мы тебе поможем.

— Прежде всего, — говорит Мирос, — мне нужна мастерская с горном.

Нашелся человек, предложил ему свою мастерскую, стал он там жить и работать. Появились у него друзья-товарищи, стали собираться в мастерской Мироса. Мастер он был искусный, скоро прославился на всю округу.

Бог велик — в одно мгновение может убрать с престола шаха и сделать его нищим, а бедняку послать достаток и богатство. Слышал я от знающих людей, что спесь и гордыня поражают тех, у кого не хватает ума. Так не будь же надменным, заносчивым! Слушай рассказ о Миросе да помалкивай!

Говорят, был у Мироса обычай — по вечерам ходить на прогулки. В Наринджи возле горы был источник, девушки собирались туда каждый день, красоту наводили. И вот однажды Ми-

рос во время обычной своей прогулки вдруг почувствовал усталость и поспешил к роднику, чтобы утолить жажду. Но силы его оставили; кое-как подошел он к источнику, сел на землю, пошевеливаться не может. Пришлось ему обратиться к девушкам, которые резвились рядом. Одна из них, по имени Мургый, наполнила кувшин студеной водой, поднесла Миросу и сказала лукаво:

— Выпей-ка этой воды, и пусть счастье сопутствует тебе!

А вода, будто волшебная,— с каждым глотком силы Мироса снова к нему возвращаются. Тут увидел он Мургый, которая стояла перед ним с кувшином,— словно из сказки явилась к нему Бадара или Гуландама *. Но только Мургый была еще прекрасней! Бог одарил ее красотой и совершенством. Не мог Мирос устоять перед чарами Мургый, так в нее влюбился, что превратился в безумца, подобно Маджнуну *.

Раненный в самое сердце любовью, Мирос отправился домой. Ноги не слушаются, голова, как качели, из стороны в сторону клонится. Как вошел к себе в комнату, упал без памяти.

У судьбы всегда в запасе оружие размолвки и ссоры. Стоит ей соединить два любящих сердца, увидеть счастливые лица, как она наносит удар разлуки.

Наутро, когда раздался первый призыв к молитве, чуть живой поднялся Мирос. Вызвал к себе он старуху, которая славилась в Наринджи своими плутнями, промышляла обманом. Говорит он ей:

— Ты должна, матушка, помочь мне в одном деле. Исполнишь все, что скажу,— обеспечу тебя на всю жизнь, каждый месяц буду тебе деньги слать. Есть здесь одна девушка по имени Мургый. Потерял я сердце из-за этой красавицы, похожей на цветок розы. У меня в груди — жгучая рана. Либо быть мне среди мертвецов, либо успокой меня, выполни мое поручение.

Встала старуха, слова не сказала и поспешила с поручением Мироса. Подошла она к дому, где жила Мургый, встретила девушку и говорит ей:

— Дитя! Когда я была в твоём возрасте, меня окружали друзья-мужчины. Они мне прислуживали, словно ждущие подаяния дервиши. И в твоей жизни пробил час — пришла пора девичества. Не теряй зря времени. Нет у тебя садовника, чтобы ухаживать за твоими чудесными дынями, понапрасну твоё сердце источает аромат кардамона и гвоздики. А ведь в тебе столько красоты и прелести! Встретила я одного юношу твоего

возраста. Довелось ему увидеть тебя, а сейчас он погибает от любви — будто мотылек в жарком пламени свечи. Если разрешишь, он придет к тебе, познакомиться с твоим красным палангом*.

Услыхала Мурый старухины речи, переменялась в лице и гневно крикнула:

— Убирайся прочь, а не то разукрашу тебя всю под цвет твоего черного платья!

Где только взяла старуха силы — мигом она очутилась на улице, словно барс, полетела к своему дому! Узнал Мирос о том, что произошло, и впал в беспамятство.

Ночь пришла, а Миросу все хуже. Глупая старуха увеличила его страдания. Словно подстреленный, лежит он, все его тело стонет и рыдает. На рассвете услышал он голос муллы, поднялся, хотел делом заняться, пошел в мастерскую, только все у него из рук валится. Он уж подумал: «Или поцелую сахарные уста Мурый, моей любимой, или покончу с жизнью!» Только продолжал там же сидеть, витать в мечтах. Вдруг видит — Мурый мимо идет. Сердце его забилося, он встал, подошел, поздоровался и обратился к любимой:

— Пусть дарует тебе господь все свои райские кущи, а ты внемли голосу моей души! Считаю меня самым преданным своим рабом — ведь дом моего сердца разрушен!

Мурый опять разгневалась, когда услышала такие речи, но и в ее душе зажегся огонь любви, хотя по виду она пылала от гнева.

— Брат мой, Мирос,— говорит она.— Не поминал бы ты лучше бога! Да как ты решился вести передо мной эти позорные, недостойные речи? Вот возьму сейчас острую саблю и разделаюсь с тобой! Если же попытаешься посягнуть на мою честь, знай, что найдешь гибель от кинжала! Ты, верно, возомнил себя соловьем, но где ж это видано, чтобы соловей похитил цветок нарцисса? Есть у меня три брата, все трое — смелые и отважные богатыри. Никто не может их одолеть, никого на свете они не боятся, даже самой полиции!

От этих суровых слов Мурый Мирос впал в отчаяние. Горестно воскликнул он:

— Имя бога я помянул от радости встречи с тобой! Столько несчастий принесла мне любовь, что я готов рвать свое тело зубами. Западной оказались твои черные кудри, о белолицая! Похитила ты мое сердце. Никто теперь не излечит раненую

душу, ни одна девушка! Я смиренный влюбленный, ничего не требую от тебя — ведь я твой преданный раб. Коли хочешь, убей меня, отруби мне голову!

После таких слов сжалилась Мургый над Миросом, простила ему дерзость.

— Могла бы я тебя покарать, да видно уж такова воля божья!

Поцеловала она Мироса сочными, как виноград, губами и затем сказала:

— Теперь мы с тобой неразлучны, теперь ты меня не покинешь — ведь столько страданий ты перенес! За муки тебя вознаградят наши свидания: будешь ко мне приходить, я к тебе буду заглядывать ночной порой, когда братья уснут.

Так и сблизились Мирос и Мургый. Но сплетня не дремлет, тут как тут. А рядом с нею — злой рок. Увидел влюбленных и не терпится ему нанести удар по любящим сердцам.

О встречах Мироса с Мургый стало известно всем в округе. Пошли повсюду разговоры, что парень влюбился в Мургый, в каждом доме болтают. Наконец, дошел слух и до брата Мургый, храброго Бабур-хана. Собрал он братьев и говорит:

— Эта девчонка и Мирос опозорили нас перед людьми.

Стало известно об этой истории в других селениях, прослышали обо всем и в Шаре. Жена Мироса, когда услышала, замертво упала. Потом вызвала к себе гонца и наказала ему:

— Слушай меня, поспеши к моим братьям, скажи им всем, что пуштунскую честь Мирос не просто запятнал, а совсем растоптал ее.

Отправился гонец на рассвете, когда пропел первый петух, а с восходом солнца он был уже в Кало-хане. Разыскал он там всех братьев, поведал им, что случилось. Услышали они эту новость, от горя себе места не находят. Встал перед ними с Кораном в руках дядя, Таус-хан, человек почтенный и уважаемый. Говорит:

— Дети мои, пойдем вместе к Миросу в Наринджи. Ведь никто не должен отступать перед тигром, если даже в мыслях отступишь, не миновать расплаты!

Пришли они в Наринджи. Однако Мирос стоит на своем:

— Я поклялся богу и отсюда не уйду. Здесь мое место!

Опечалился дядя, огорчились братья. Так и расстались они, словно чужие. Остался Мирос один дома, а в мыслях у него

опять Мурый. Только и думает, что злодейка-судьба их разлучила, мечтает о встрече с любимой.

Послушай, что было дальше! Помни, это история правдивая.

Возле Наринджи возвышалась скала, оттуда землю носили. Как-то направилась Мурый к той скале. Шла она кокетливо, с улыбкой — это девушки умеют! — а на голове несла пустую корзину для земли. Случайно оказался Мирос на той дороге, увидел вдали Мурый. Прибавил он шаг — и Мурый шаги ускорила, как куропатка порхает. У самой скалы поравнялись — Мирос молчит, запыхался от бега, а Мурый землю копает. Отдышался Мирос, промолвил с упреком:

— Дорогая Мурый, ты совсем как чужая. А ведь я ради тебя, любимая, готов все на свете сделать, только скажи! Знай, что сердце мое совсем разбито.

— Мирос, не отчаивайся, — сказала в ответ Мурый. — Я тебе обещала доверие и дружбу — верь мне, немного потерпи! Вот что я придумала: братья мои теперь рядом с лесом работают, я каждый день им обед ношу. В том лесу и будет место наших свиданий.

Сели они рядом, прижались друг к другу и не видали, что шел мимо мусорщик, а он-то их видел. Побежал он в селение, примчался в худжру и, поклявшись Аллахом, рассказал односельчанам, что видел Мурый в объятиях Миросы. Все в ярости повскакали с мест, схватили сабли, ножи, кинжалы. На улицу выбежали, каждый хочет убить Миросу собственноручно. Ведь опозорил он всех в Наринджи! Не миновать ему суровой кары. Но на этот раз бог их пощадил. Ушла домой Мурый, Мирос в свой дом возвратился задолго до того, как поднялся переполох.

Решил в ту же ночь Мирос навеститься к родным. Вот обрадовались в Шаре, когда увидели Миросу! А мать от волнения и счастья даже расплакалась, запричитала:

— Пусть проклято будет Наринджи, да сгинет само название! Спасибо, сынок, что пришел, спасибо, что домой заявился.

Мать довольна и счастлива — сын в доме! — и невдомек старой, как тяжело ему в разлуке с любимой.

Не дремли, пробудись, мой калам*, Расскажи о Миросе подробней! Слушай дальше. Две ночи он провел в Шаре, а показалось ему, будто целый год миновал! Когда подошла третья ночь, стал он собираться в дорогу. Подошел Мирос к брату Малику:

— Вставай, брат, ради бога! Пойдем на встречу с любимой,

не суди меня строго! Знай, что мы с Мургой условились и я уговора не нарушу. Назначили мы друг другу свидание в лесу около Наринджи. Пришла уж, верно, Мургой, ждет в нетерпении, а Мироса все нет!

Малик отвечал:

— Не пойду с тобой! Лучше и не проси меня.

Разозлился Мирос, снял с плеча ружье и промолвил:

— Себя убью, но прежде с тобой покончу!

Схватились два брата-богатыря — началась меж ними драка. Весь дом проснулся. Встала и мать, посмотрела сурово, но ни слова не проронила.

Тогда Мирос обратился к жене:

— Подойди ко мне, жена! Много на тебе драгоценных украшений, я рад за тебя! На шее твоей висит талисман, серьги сверкают, монеты звенят в ожерелье. Вот это и это дарю тебе, а это подари мне! Возьму с собой и, коли суждено мне умереть, заберу в могилу. Если же останусь в живых, клянусь снова вернуться домой, коли в тюрьму не попаду. Я все сказал, прощайте все!

Речь Мироса запала всем в душу, даже Малик согласился быть его попутчиком. Два дня погостил Мирос в родном доме, а на третий отправился в обитель смерти.

Оставим в пути Мироса, заглянем теперь к Мургой!

Едва занялась заря на востоке, только раздался призыв к молитве, проснулась Мургой. Ночь спала беспокойно, металась во сне, наутро встала в тревоге. Чует материнское сердце беду! Мать Мургой слышала ночью стоны и вздохи, вот она утром и спрашивает:

— Расскажи мне правду, доченька! Расскажи, что случилось, отчего у тебя на лице ни кровинки?

Отвечает Мургой:

— Ох, матушка! Сил нет дышать по ночам, будто в огне горю. Верно, придет скоро мой смертный час, настал мой черед!

Рассердилась мать:

— Что за речи о смерти! Уж лучше молчи, чем такое болтать!

Сняла Мургой муслиновую рубашку, вымыла руки и ноги. До чего же красива она была, будто светлая луна! Потом подвела сурьмой глаза, начистила зубы, накрашила губы. Надела нарядное платье, к нему украшения. Смотрит мать на нее, понять не может:

— Дочь моя, в чем дело? Сегодня не пятница, никто вроде свадьбы не справляет, суннат * никто не празднует. Чего это ты нарядилась? Сними-ка все, да поскорее! Последняя ты у меня дочка, до чего же непутевая! Ведь ты позоришь имя отца, коли без повода, без причины готова в будний день наряжаться да глаза сурьмить. Слушай, что тебе мать говорит!

Но Мурый возразила:

— Я пойду к мадахейлям *, там проведу ночь, а потом вернусь.

Пока мать и дочь препирались, солнце поднялось высоко. Заторопилась Мурый: нужно ведь обед сварить, отнести его братьям, их накормить. Не знала она, бедная, что готовит тот обед в последний раз! Вот уже время ей идти. Мурый говорит матери:

— Матушка, прости, только без доверия жить мне нельзя. А тебе моя судьба безразлична!

Сжалось у матери сердце от этих слов, но она сказала:

— То ли ты прощения просишь, то ли упрекаешь? Куда это годишься — идти на ночь глядя! Не ходи, прошу тебя, ведь ты же моя дочь!

Но Мурый стояла на своем:

— Такая, видно, моя судьба. Не могу я больше медлить, прощай, тороплюсь, ухожу!

Ушла Мурый, навсегда ушла. В отчий дом уж не ступит ее нога. Осталась старуха-мать одна, поникла, опустила плечи — тоска навалилась. Вот теперь-то дала она волю слезам. Плачет навзрыд, слезы ручьем текут. Позвала она соседку:

— Отзовись, сестра! Приди ты ко мне — беда случилась!

Прибежала соседка к матери, а та ей говорит:

— Дочь меня покинула, ушла Мурый, только и сказала «Прости!» Я не смогла ее удержать, а теперь места не нахожу — задета честь семьи. Отец и дед ее опозорены!

Остановилась мать, а соседка ей говорит:

— Пожалуй, надо тебе помалкивать! Ох, и бесстыдница твоя Мурый! Другой такой не найти, как ни ищи! Так что ты успокойся, поверь мне — потеря твоя невелика!

С тем соседка и ушла. Да, нет в жизни большего несчастья, нет большей напасти, чем красота, — кто не позавидует стройному стану да красивому лицу!

Мурый идет, несет обед братьям, а Мирос с Маликом уж вошли в лес. С каждым шагом они ближе друг к другу. Вот уви-

дела Мургый своих братьев, обед разложила, их пригласила, а сама под каким-то предлогом пошла через кустарник к лесу. Тут заметил ее младший брат:

— Куда ты идешь? Что по кустам шаришь? Вернись обратно!

Мургый отвечает:

— Иду я к мадахейлям, мать о том знает.

Брат успокоился, говорит:

— Так бы сразу и сказала! Ну, ладно, ступай!

Медленно-медленно пошла Мургый, боится себя выдать. Вскоре подошла она к Миросу и его брату Малику. Если встретятся двое влюбленных, им все нипочем — ни свет, ни тьма. Долго они сжимали в объятиях друг друга, спрашивали про житье-бытье. Потом поглядела Мургый на брата Мироса, опомнилась. Шепотом говорит:

— Нельзя нам быть здесь всем вместе, грех!

Повела Мургый Мироса в глубь леса. Малик за ними, чуть-чуть отстают. Наедине с любимым Мургый спрашивает:

— Нам угрожает опасность. Что нам делать, что предпринять? Куда нам уйти, куда скрыться?

Поразмыслил Мирос и говорит:

— Пойдем в Ягистан*, там есть местечко — Чингулай. Будем там с тобою жить, люди там свободны, никому не подвластны.

— Коротать жизнь среди мятежников-горцев? Нет, я не согласна, — говорит Мургый. — Лучше уж убей меня или даже повесь! Да и братья нас там настигнут. Ни за что не пойду в Ягистан! Давай-ка поселимся в Кало-хане. Это край спокойный, там законы чтут!

— Сыт я этой спокойною жизнью, — промолвил Мирос, — мне-то она известна. Чем так жить, уж лучше угодить в тюрьму!

Пока они меж собой пререкались, подошел Малик, усталый и злой. Видит, каждый из них думает о своем, из размолвки выросла ссора. Видно час разлуки для них настал!

А что дальше было — послушай! Шла в Наринджи девушка через лес и наткнулась на Мироса с Мургый. Прибежала домой и все рассказала отцу. А тот собрал соседей, с гневом все поведал им. Разозлились крестьяне, кричат:

— С Миросом пора кончать!

Поспешили они к лесу.

А Мирос тем временем сидел печальный в лесу. Вдруг слышит он шум, крики — это идут из селения крестьяне. Вот увидел они Мироса. Схватил он ружье и думает: «Пожалуй, человек двадцать уложу на месте, а там пусть судьба решает!»

В это время вышел вперед человек и обратился к нему:

— Мирос, выслушай меня! Сиди спокойно, не горячись! Я местный сторож, много про тебя слышал. Ты мне по душе, молодец, парень!

Подошел к нему ближе, обнял, усадил с собою рядом. Простодушный Мирос ничего не подозревает — так и попался наш голубок в силки обмана! Сторож беседу ведет, а сам во все глаза за Миросом смотрит. Улучил момент, схватил беззащитного, связал ему руки и говорит с усмешкой:

— Ну, ювелир, покажи-ка свое умение!

Зашумели люди кругом, прибежали — кусты трещат! Налетела туча, хлынул дождь с градом — никто не уходит, жаждут мести: «Сожжем на костре нечестивца!», «Кинжалами его изрубим!», «В землю живьем закопаем!», «Со скалы его сбросим!» Нашелся человек, поднял голос:

— Неужто вы законов не знаете? Надо вызвать братьев Мурый! А заодно пошлем и за полицейским!

Этот мудрый совет понравился людям. Послали они с наказом гонца, тот быстро добрался до Наринджи.

Прибежал гонец к Бабур-хану.

— Послушай меня, — говорит, — только у меня от стыда и язык-то не поворачивается. Да видно судьба такая. Сестра твоя по имени Мурый отправилась с Миросом в Ягистан.

Разгневался Бабур-хан, схватил ружье, другие братья взяли за сабли. Еще издали заметил он Мироса, закричал Бабур-хан громким голосом:

— Берегись, парень, берегись меня, самого Бабур-хана! Сколько раз говорили тебе добром — не хотел слушать. Теперь получишь по заслугам!

— Эй, Бабур-хан, — отвечает Мирос, — не жди, что я буду умолять тебя о милости!

Не успел он это сказать, раздался выстрел, точный и меткий. Закинул голову Мирос, повалился на землю.

Малик подбежал к брату, а тот уже недвижим. Тут и Малик замер от ужаса. Подошел к нему Бабур-хан:

— Тебя тоже прикончу и с тобой разделаюсь!

Малик гордо отвечает:

— Не жди от меня слов просьб, делай то, на что ты решился! Ведь хоть я кажусь живым, на самом деле я уже среди мертвых. Нечего нам разговаривать, не трать зря времени, спесивый ты человек! Знай, если останусь живым, расправлюсь с тобой, как ты расправился с моим братом!

Едва сказал это Малик, прозвучал выстрел Бабур-хана. Нет в живых и второго брата!

Два друга, два брата, Мирос и Малик, лежат убитые. Еще одна жертва осталась. Поглядела Мурый на братьев и поняла, что не минует ее расплата. Побежала она к дяде, в страхе ему зашептала:

— Дядюшка, милый, спаси меня! Ведь и так сердце от горя разрывается.

Хотел дядя остановить племянника, но Бабур-хан только прикрикнул:

— Перестань, не проси об этом! Не бывать тому, чтобы смеялись люди надо мною, надо мною, самим Бабур-ханом!

Вырвал он Мурый из рук дяди, за косы потащил ее на расправу. Грянул третий выстрел, все стихло. А потом слышат люди слабый голос Мурый:

— Дорогой брат, Бабур-хан! О сестре ты не жалея, ведь моя кровь от руки судьбы. Прошу тебя только выполнить три мои просьбы. Первая просьба — похорони меня рядом с нашим отцом. Просьба вторая, допусти мать со мною проститься, ведь я ее последняя дочь! Последняя просьба — не лишай меня красоты, оставь в покое, не делай того, что сделал ты с телами этих убитых!

Выговорила она эти слова и тут же испустила дух.

Но жестокий и бессердечный Бабур-хан не посчитался с мольбою сестры. В мертвое тело с силой всадил он кинжал!

11.

Факир *

Рассказывают, что однажды мошенник, переодетый факиром, пришел вместе с афридиями * в Тира и поселился там в одной мечети.

Люди стали приносить ему угощение, но он отказался:

— Я святой, мне пища не нужна.

Тогда люди принесли ему денег.

— О шах факиров, возьми эти деньги, осчастливь нас!

— Мне ни к чему деньги, — отвечает факир.

Тогда люди сказали:

— Видно, это очень мудрый святой! Пусть он покажет нам какое-нибудь чудо. Пусть сделает в этой горе родник!

Всем это понравилось, и они сказали факиру:

— Покажи нам свое величие и святость. Сделай родник в этой горе!

— Хорошо, — говорит факир. — Только вы соберитесь в пятницу и покажите мне то место, откуда должен бить родник.

Показали они факиру желаемое место. И вот в назначенный день собрался весь народ. А факир узнал место, откуда люди ждали воды, и заранее закопал там в землю бурдюк с водой.

Пришел он к назначенному месту и обратился к толпе:

— Люди, на этом месте по моей воле появится для вас родник. Но помните: как только увидите воду, сразу же бегите прочь отсюда, а через пять дней приходите — на этой горе будет много воды.

Факир проколол копьем бурдюк, из него потекла вода. Все подумали, что факир сотворил чудо и создал родник. Каждый человек дал факиру бахшиш *. А ночью тот факир собрал свои пожитки и ушел из тех мест.

Прошло пять дней, люди собрались к той горе и на том месте, откуда вытекал родник, увидели пустой бурдюк!

12.

Беспутная жена

Рассказывают, жил один мужик. У него был сын, а жены не было. Накопил он немного денег для женитьбы, а потом женился. Однако женщина ему попалась непутевая. Однажды муж ушел из дому, а к ней пришли четыре дружка и говорят:

— Завтра мы будем пахать такое-то поле, ты тоже приходи!

— Вы вот как сделайте, — сказала женщина, — зайдите в дуكان *, возьмите немного жареного зерна. Когда пойдете на поле, бросайте зерно на дорогу. Я и приду к вам на то поле — ведь мне будет видно это зерно на земле.

А этот разговор слышал сын ее мужа. Утром мальчик встал, собрал все зерно и разбросал его по дороге к своему полю.

Приготовила женщина много хорошей еды, взяла ее с собой и отправилась в путь. Идет, на разбросанное зерно смотрит. Шла, шла и наконец пришла к своему мужу.

— Ты зачем пришла? — спрашивает муж.

— Тебе обед принесла.

— Это хорошо, но больше этого не делай.

На обратном пути ей по дороге попалась святая гробница.

— О священный зиярат *! — сказала женщина. — У меня к тебе просьба. Услышь мою мольбу!

А в той могиле был похоронен ребенок, и вот послышался голос: «Твоя просьба услышана. Говори, чего ты хочешь?»

— У меня в доме есть ребенок. Сегодня он меня сильно обманул. Я хочу, чтобы он разом ослеп!

Из могилы донеслось: «Зарежь ту корову, что у тебя дома. Ребенок ослепнет, когда съест ее мясо».

Женщина очень обрадовалась. Когда муж пришел домой, она ему говорит:

— У нас один сын и тот заболел! Нужно зарезать нашу корову.

— Нет, лучше купим другую корову!

Но жена не соглашалась, настаивала на своем.

— Ладно, режь, — наконец ответил муж.

Зарезали они корову, стали ее мясом кормить ребенка. Когда мясо было съедено, женщина спросила у мальчика:

— Как ты себя чувствуешь?

— Я стал очень сильным, только вот с глазами плохо, — ответил сын. — Ничего не вижу!

Женщина была очень довольна. Своим друзьям она послала записку: «Приходите, мой сын ослеп, ничего не видит».

Четыре друга собрались у этой женщины. Посадила она их в яму, что была в сарае.

Взяла женщина котел, поставила его на огонь, а пасынку сказала:

— Поддерживай огонь, смотри, чтобы не погас. А я отлучусь ненадолго.

Женщина ушла, а пасынок вскипятил воду, взял котел и вылил кипяток в ту яму, где сидели дружки его мачехи. Все четверо сварились. Когда женщина вернулась, то нашла своих друзей мертвыми.

— Ничего не говори отцу! — стала женщина умолять сына.

— Ладно, не скажу, — согласился тот. Пошел он на базар, привел с собой работника.

— У нас в доме умер один человек, — сказал он, — возьми его и выброси в реку. Я дам тебе целый золотой.

Тот согласился. Вечером работник говорит мальчику:

— Ну, где твой мертвец? Тащи его сюда!

— Хорошо, сейчас. Только ты смотри, чтобы он назад не вернулся!

Работник взял мертвеца и выбросил его в реку. Вернулся обратно, просит обещанный золотой.

— Да ведь он вернулся назад! Иди, выбрось его на середине речки, — говорит мальчик.

Работник выбросил в реку и второго мертвеца. Вернулся, а мальчик кричит:

— Эй, бродяга, ты что делаешь? Мертвец опять вернулся!

В третий раз работник выбросил тело в реку, вернулся, а мальчик говорит ему:

— Ты опять шутить вздумал? Этот мертвец раньше тебя вернулся.

Работник очень разозлился.

— Не бывать тому, чтобы он опять вернулся, — и утопил последнего мертвеца. В это время пришел один индус купаться, а сам повторяет свое «Рам, Рам, Гуру, Гуру». Работник думал, что это вышел из воды мертвец, которого он только что утопил. Схватил он того индуса и бросил в речку, а сам пошел к мальчику. Только подошел к дому, как увидел муллу, который вышел из дома совершать намаз *. Работник подумал: «Э! Опять мертвец, шайтан его возьми! Опять он оказался впереди меня — то в одежде индуса, то в одежде муллы!»

Он схватил муллу и потащил его в реку. Но мулла изловчился и схватил работника за ноги — оба они свалились в реку и утонули!

А женщина и мальчик стали жить мирно, не зная забот.

Одержимый факир и шахская дочь

Было это в давние времена. Один факир, дерзкий и смелый, решил добиться, чтобы шах отказался от собственной дочери. Сам черный, как негр, волосы взлохмачены, одет в рубище, на шее качколь *, в руках — палка, явился он однажды во дворец, ловко миновал стражу и вскоре предстал перед шахом. Поздоровался с государем и прямо заявил:

— Отдай мне свою дочь!

Шах велел казнить дерзкого безумца. Но его мудрый везир тихо сказал:

— О справедливый владыка! Не гневи этим поступком бога: казнить факира — пустое дело, лучше уж одарить его!

Шах, однако, рассудил иначе.

— Послушай,— обратился он к факиру,— я согласен. Но вначале приведи сюда сотню верблюдов, один к одному связанных цепью, и на каждом верблюде чтобы был выюк с несметным богатством. Вот тогда моя дочка станет твоей!

Повторил факир слова шаха, положил на плечо палку и вышел из дворца. Отправился он в город, где жил знаменитый Хатим Таи *. Много дней и ночей провел он в дороге, прежде чем достиг далекой цели. Только вошел в город, видит — лежит верблюдица, тяжело дышит. Как и подобает благородному человеку, факир достал снадобья, принялся за врачевание...

Только к вечеру, усталый, измученный, добрел факир до ворот дома Хатима. Завел он причитания, зарыдал, заплакал:

— Когда же одарят меня сотней верблюдов? Кто подойдет сюда, обласкает несчастного?

Но никто ему не отозвался, лишь служанка вышла из дома и отколотила странника.

На следующее утро факир совсем приуныл, но снова отправился к дому Хатима. Теперь ему посчастливилось встретиться с хозяином дома. Хатим сразу же согласился подарить ему сотню верблюдов с драгоценной поклажей — рубинами, жемчугом, алмазами и прочими самоцветами.

Возвратился факир на родину с огромным караваном, пришел во дворец:

— Вот перед тобой несметные богатства и сокровища! — сказал он. Вскочили все с мест — и шах, и придворная знать, и че-

лядь. Смотрят — в ларцах, шкатулках, вьюках и сундуках видимо-невидимо драгоценностей — рубинов, жемчугов, алмазов.

— Кто тебя так щедро одарил? — спрашивает шах у факира.

А тот ему в ответ:

— Правду скажу — молодой мужчина.

— Так принеси мне его голову! — воскликнул шах.

И снова факир отправился в дальний путь.

Рассказал он Хатиму о шахском приказе хоть и с робостью, но ничего не утаил. Задумался Хатим и решил, наконец, обратиться за советом к матери. Вот что она ему сказала:

— Ты должен помочь факиму! Сейчас же иди с ним к шаху! Ведь если тебе отрубят голову, шах больше не сможет увернуться от выполнения своего обещания.

Так Хатим оказался во дворце грозного шаха.

— Зачем ты пожаловал сюда, презренный? — спросил у него шах. Но Хатим не испугался, полный любви к другу, ответил:

— Я готов пожертвовать собою, за счастье сочту сложить свою голову, чтобы ты отдал свою дочь факиму. Казни!

Увидел шах, что Хатим не колеблется, тверд в своем решении, и послал он в гарем за принцессой, приказал — чтобы одели ее в лучшие наряды.

— Хоть и бедняк этот факир, нищий бродяга, все же я отдам ему принцессу, как обещал. Мне подвластны многие страны, края и города — сделаю я его правителем, — сказал шах.

— Не нужно мне этого, — говорит факир, — ничего мне от тебя не нужно, ни стран, ни городов. Отдай мне только свою дочь!

Кончилась их беседа, факир подошел к принцессе, взял ее за руку и вывел из дворца. Затем он поцеловал девушку в лоб и обратился к ней с такими словами:

— Ну вот, стала ты теперь моей законной дочерью, а я — твоим отцом. Помни впредь об этом!

14.

Влюбленный принц

Принц Сейф уль-Мулук увидал однажды во сне прекрасную фею. И так он затосковал по ней, что, наконец, не выдержал и решил навсегда уйти из отчего дома, отправиться на розыски любимой, пойти за ней хоть в райские кущи.

Говорит он отцу:

— Выслушай меня, государь, и отпусти в дальний путь. Разлука наша неминуема. Знай, что сердце мое болит, как открытая рана — никакими лекарствами и снадобьями меня не спасти. Что со мною творится, сказать не могу, только я ни жив и ни мертв. В груди как огонь полыхает, жар так и пышет наружу. И все это из-за любви к прекрасной гурии. Опьянили меня ее глаза, сковали ее черные локоны. О, если бы в райских кущах найти мне ту, что поразила мое сердце! Прислушайся, отец, к моим страданиям!

Отец ему отвечает:

— Что это за речи, сын мой?! Ведь нет на свете тех райских кущ и никто не видал той прекрасной гурии! Что за беда, сынок, на тебя напала? Оставь лучше эти пустые разговоры и послушайся моего совета: много опасностей тебя подстерегает, никогда я не соглашусь отпустить родного сына на край света! Ты ведь свет очей моих, нет у меня на свете никого тебя дороже! Если все же меня ты покинешь, я руки на себя наложу, уйду навсегда из жизни!

А сын ему в ответ:

— Не нужно мне царства! Отпусти, отец, к возлюбленной! Уж видно такова моя судьба, даже родные края опостытели. Только образ любимой всегда перед моими глазами. Ее нежное дыхание коснулось моего сердца, обожгло его огнем любви. На любую жертву пойду я ради возлюбленной, ничего не пожалею!

Услышал шах такие слова и понял, что не совладать ему с сыном. Отпустил он принца к его гуриям.

Тот снарядил в поход двенадцать тысяч юношей стройных, сильных, один к одному, взял с собою артиллерию, собрал сладкоголосых певцов, погрузил все на корабли и отправился в далекое плавание. А с родных берегов еще долго доносились плач и крики. Со слезами на глазах на виду у всех, склонив голову, стояли отец и мать принца.

Между тем корабли приближались к Египту, а среди путников росло недовольство — ведь они разлучены были со своими родными и близкими. И вот вспыхнул мятеж! Да, многое пришлось испытать принцу Сейф уль-Мулуку на пути к его райским кущам!..

Сохрани нас господь от поездок, порождающих разлуку!

Рассказ о пророке Хизре, о женщине и о двух головах

Жили муж с женой и был у них друг. Однажды они втроем шли по дороге. Вдруг напали на них разбойники, убили обоих мужчин, отрубили им головы, захватили их добро и ушли. Женщина осталась одна.

Настал вечер и к тому месту подошел пророк Хизр. Посмотрел на женщину и сказал ей:

— Приставь головы этих людей к их туловищам, а я сотворю молитву, чтобы Аллах даровал им опять жизнь.

Женщина быстро вскочила, схватила головы и поставила их к туловищам убитых. Пророк Хизр сотворил молитву и по воле божьей эти двое мужчин ожили! Но женщина в спешке перепутала их головы: голову мужа поставила к туловищу друга, а голову друга к туловищу мужа.

Один мужчина говорит:

— Это моя жена!

— Нет, врешь, это моя жена! — говорит другой.

Чья же она жена в самом деле? Решай сам!

Пророк Ибрагим Халилудла

Расскажу тебе о тех временах, когда жил царь-кафир* по имени Нимрод. Собрал он как-то астрологов и спрашивает у них:

— Отвечайте, какая, от чьей руки суждена мне смерть?

— Ответ простой, — говорят астрологи. — В этом городе родится мальчик, от его руки ты и погибнешь!

Решил Нимрод поспорить с судьбой и приказал, чтобы в городе с той поры убивали каждого новорожденного. Никого из младенцев в живых не оставляли. Но судьбе было угодно сохранить жизнь будущему пророку Ибрагиму Халилудле. Мать Ибрагима, когда пришло ей время рожать, поспешила в пустыню и там, вдали от людских взоров, благополучно разрешилась от бремени. Нашла она укромное местечко, спрятала там сына, а потом, довольная своей хитростью, возвратилась домой и пове-

дала обо всем мужу. Стала она украдкой приходить к сыну, а судьба продолжала зорко оберегать его.

Мальчик рос. Не прошло и семи месяцев и семи дней с его рождения, как он встал на ножки. Мать удивилась, а еще через пятнадцать дней ребенок заговорил! И такие разумные повел разговоры! Однажды он говорит матери:

— Покажи мне своего бога! Хочу на него посмотреть!

Мать отвечает:

— Мой бог — твой отец! Он всегда со мной, заботится обо мне и наставляет меня.

— Ну хорошо, — говорит сын, — скажи тогда, кто бог моего отца?

— Великий царь Нимрод! — отвечает мать. — Ему поклоняется твой отец.

Но мальчик уже тогда был другом Аллаха — был крепок разумом и тверд душою. Снова спросил он:

— Тогда ответь мне — как зовут бога этого важного царя Нимрода?

Мать удивилась и испугалась, не знает, что отвечать сыну — ведь люди тогда не знали истинного бога!

И вот собрался мальчик, пришел в отцовский дом. Хочет он узнать, какой бог у царя Нимрода, но отец, как и мать, ничего не смог ему ответить.

— Молчи, неразумное дитя! Едва на ноги стал, несмышлёныш совсем, а враг уж сидит внутри тебя, — закричал отец и ударил сына по лицу.

Однажды довелось мальчику увидеть царя Нимрода. Спрашивает он мать:

— Кто это такой безобразный на вид, отчего такая толпа его окружает?

Мать испугалась, шепчет:

— Потихе, сынок, говори! Ведь это наш бог Нимрод, щедрый и справедливый, он славен на весь мир!

А к Нимроду тем временем собрались все кафиры, а были они идолопоклонники. Стали они говорить: «Завтра — праздник! Давайте сейчас устроим игрища!» На том и порешили и ушли вместе с Нимродом. Остался один Ибрагим. Вошел он в молельню, где стояли кумиры, разрушил идолов до основания, обратил их в прах и глину. К вечеру вернулись кафиры с игрищ, направились в кумирню, и обуял их ужас. Сам Нимрод чуть жизни не лишился! Вскоре притащили к нему Ибрагима.

Велел Нимрод разжечь огромную печь и бросил в огонь отважного юношу. Но пламя, укрошенное взглядом Аллаха, погасло, не коснулось тела Ибрагима.

Разгневался Нимрод и приказал собрать людей на городской площади, а площадь та протянулась на целых четыре мили. Привезли сухого сена, сложили под деревом, а на дереве подвесили Ибрагима, и все это подожгли. Запылало сено, затрещало дерево, столб огня и дыма поднялся.

Но по велению бога сам Джебраил из рая принес рубаху, надел ее на храбреца Ибрагима и спас его жизнь! А там была дочь царя-тирана. Посмотрела она на это раздирающее душу зрелище и не выдержала, воскликнула:

— Нет, не могу больше смотреть, пойду к нему, двоим легче погибать.

Подошла она к Ибрагиму, а тот говорит ей:

— Повторяй за мной слова молитвы!

Только она сказала молитву, как пламя вокруг нее сразу утихло. Стоят среди огненной бури целые и невредимые дочь Нимрода и великий пророк Ибрагим Халилุลла. Воистину настоящих мусульман бог спасет от любого огня!

17.

Славный юноша Гаус аль-Азам

Послушай рассказ об одном славном юноше. Сидел однажды Гаус аль-Азам за чтением Корана. Протянул он руки к богу, и услышал господь его молитвы, приблизил к себе и повелел ему быть владыкой среди духовных наставников.

Как-то устремил Гаус аль-Азам свой взгляд кверху и увидел двух голубков: один держит в клюве поднос, другой — чашу из серебра. На подносе лежат виноград и другие кабульские фрукты, а в чаше лед сверкает, — видно, с ледников под Кабулом, с тех ледников, что до горы Каф* доходят. Взглянул он на голубей властным взглядом, и они тотчас опустились к нему. А это были не птицы, а люди. Стали они беседовать.

— Откуда вы сами, куда путь держите, где ваша родина? — спросил у них Гаус аль-Азам. А они отвечают:

— Живем мы вон там, на самой горе Каф, и есть у нас свой пир — наставник. По его наказу мы каждый день с утра летим

в Кабул. Этими фруктами, этим вот льдом и зарабатываем мы на жизнь.

Закончил расспросы Гаус аль-Азам и отпустил голубей. Улетели голуби, взмыли вверх. Что было потом? Если сам знаешь — говори сам! Верно говоришь — прилетели голуби на гору Каф. А пир долго их дожидался, рассердился он и разозлился.

— Не гневайся, — говорят ему голуби, — ведь мы по твоим поручениям летали. Пролетали мы над селением и вдруг почувствовали в небе чей-то взгляд. Не могли мы не повиноваться ему, сложили крылья и устремились к земле. Приблизились, видим юношу, смотрит он пронизательно и властно. И поняли мы, как велик этот юноша: открыты ему великие таинства!

Услышал эти слова отшельник-пир и призадумался. Потом усмехнулся, встал и направился туда, где недавно пролетали птицы. Вскоре вошел он в жилище Гаус аль-Азама и обратился к нему с такой речью:

— Зачем ты сбил с пути моих муридов*? Если ты и впрямь обладаешь великим даром, попробуй-ка его на мне — вот тогда я тебе поверю! Возьми-ка и спрячь в руке, что захочешь — любую вещь с земли или с неба! Уж я-то сразу все узнаю — динар* у тебя в кулаке или просто пыль!

Осмотрелся юноша кругом, упал его взор на гору Каф, на гнездо голубиное, где лежали два яйца. Схватил он быстро одно яйцо, спрятал в кулак и говорит пиру:

— Вот рука, что в ней, отгадай, перазумный отшельник?

Посмотрел пир-отшельник сначала направо, потом налево, поднял глаза вверх, к небу, вниз глянул.

— Слушай, парень, что тебе я скажу: есть на той горе голубиное гнездо, взял ты оттуда яичко. А теперь разожми свой кулак, я погляжу!

Удивился юноша такому ответу, разгневался и отдал яйцо назад голубям. Видит, бежит ручей, там плавают две рыбки. Схватил он одну, сжал в кулаке.

— А ну, — говорит, — отвечай, неверный, что у меня в руке?

Посмотрел пир-отшельник сначала направо, потом налево, поднял глаза вверх, к небу, вниз глянул. Произнес он какое-то заклинание — предстал перед его взором ручей, и в ручье одна рыбка плавает. Вот он и говорит:

— Отвечу тебе сразу — в твоей руке рыба!

Расстроился юноша, выпустил рыбку в воду, поднялся и обратился с жалобой к богу:

— О великий Аллах! Что ж это такое — стоит мне взять что-нибудь в руку, а этот неверный отшельник посмотрит направо, потом налево и все узнает, что бы там ни лежало. Прошу тебя о малом, сохрани достоинство и честь слуги своего!

Вдруг коснулся ушей его благодный голос, подобный сладостной мелодии саза *. Это был глас неба:

— Мирское, земное никогда никому не показывай — это грех, так поступают кафиры *. Обратись к небесам, открыты пред тобою двери райского сада: возьми оттуда что желаешь!

Юноша воспрянул духом, сорвал в райских кущах прекрасный цветок, в руке спрятал и обратился к пиру:

— Вот моя рука, отгадай, что в ней, неразумный отшельник с горы Каф!

Посмотрел пир-отшельник сначала направо, потом налево, поднял глаза вверх, к небу, вниз глянул. И на этот раз пришлось ему признать:

— Суждено тебе, юноша, и в самом деле быть владыкой среди духовных наставников. Теперь всегда и всюду буду об этом твердить. Ведь малая частица не может противиться движению целого! Видно, бог наполнял тебе руки. Твое величие в том, что избрал ты такой путь, которым и нам идти следует!

Обрадовался юноша и говорит отшельнику:

— Стань отныне мусульманином! Предай забвению другие пути, посвети свою жизнь служению богу!

И тот внял убеждениям Гаус аль-Азама, великого из великих пиров, и принял мусульманскую веру.

18.

Благородный муж и вероломная жена

Пророк Иса *, друг самого бога, как-то проходил по кладбищу. Приблизился он к старой могиле и увидел отшельника, который жил там в полном одиночестве. Подошел к нему Иса и говорит:

— Хочу тебя спросить, друг, сколько времени ты живешь здесь и почему избрал такую обитель?

А тот отшельник по имени Факир отвечает:

— Ладно, пророк, расскажу тебе все по порядку. Еще при

жизни моей жены — ах, как я ее любил! — условились мы с нею: если я умру первым, она останется навсегда вдовой, а если жена умрет раньше меня — ах, как она любила мужа! — я не буду заводить другой семьи и навек поселюсь у ее могилы. Такой был у нас уговор. Время пришло, она умерла. И вот сижу я здесь, не знаю, как заглушить тоску. До чего же красива была жена! Стройная и белолицая, словно солнце сияла. Звали ее Махтаба. Губы у нее алые, а зубки — будто хрусталь.

Сказал ему Иса:

— О безумный глупец! Иди обратно домой! Что теперь тужить понапрасну? И какая дружба может быть с мертвецами!

Но Факир ответил:

— Мой дом здесь — ведь недаром я дал клятву! Как бы ни было тяжело, сколько бы ни пришлось здесь прожить, до самой смерти останусь я у этой могилы!

Иса говорит:

— Ты действительно влюблен в свою красавицу. Но жизнь ее кончилась, значит, и клятве конец, даже если бы была в ней нужда. Помолюсь-ка я лучше богу, милостью господа эта женщина оживет, и тогда отправляйтесь отсюда вдвоем, рука об руку, муж и жена!

Факир ему отвечает:

— О досточтимый пророк! Полжизни прожил я со своею женой, дай мне пожить еще! Упроси об этом бога!

Стал Иса молиться:

— Великий боже! Совсем потерял вкус к жизни раб твой Факир. Сидит в печали рядом с могилой, дни и ночи проводит в стенаниях. Помоги ему достигнуть желаемого!

Дошла молитва до бога и внял он просьбе — раскрылась могила и вышла оттуда живая жена Факира! Иса тотчас скрылся, и остались они вдвоем.

— Господи, как я тебе благодарна, что ты даровал мне жизнь, — сказала воскресшая женщина, а затем обратилась к мужу:

— Пойдем домой! Что нам делать на этом пустынном кладбище?

А Факир ей в ответ:

— О возлюбленная, давай немного посидим в тишине, побудем с тобой вдвоем! Открой предо мною объятия!

И затем уснул он безмятежным сном.

Случайно один принц ехал мимо на охоту. Еще издали за-

метил он прекрасную голубку. Подошел к ней и тихонько спросил:

— Скажи мне, красавица, кто ты такая, откуда и кто это спокойно спит, бесстыдно тебя обняв?

Она отвечает:

— Разбойник это, мой постоянный попутчик. Похитил он меня из родного дома, давно похитил, не помню уж когда это было.

А принц влюбился в нее с первого взгляда. Женщине он тоже понравился. Решили они обмануть Факира. Засмеялась женщина, вскочила на лошадь к принцу и, громко распевая песни, удалилась со своим дружкой. Проснулся Факир, ничего он понять не может. Но как увидел, что жены рядом нет, сон его как рукой сняло, заплакал от горя. Поднялся он на ноги и тут заметил вдали свою любимую верхом на коне. Побежал он за нею по горам и долинам. Догнал наконец и видит — о ужас! — его жена сидит рядом с принцем, болтает и хохочет. Воскликнул Факир:

— О пророк, видно, в насмешку устроил ты мне такую вот свадьбу! Кто ты — правоверный мусульманин или кафир*, злой обманщик?

Услыхал принц слова Факира и пришел в ярость:

— Эта женщина мне все рассказала. Ты не муж ей, а злодей, вор и мошенник!

Схватил он Факира, связал крепко цепями, привел в город и передал в руки котвалю*.

Все, что я тебе рассказал, правда истинная. Но послушай, что дальше было! Рассказал принц шаху, как он был на охоте и случайно встретил разбойника, который спал, подобно барсу, а рядом с ним была женщина, которую он украл из дома еще в детские годы. Он-де поймал этого грабителя и привел его в город. Шах вызвал котваля и ему говорит:

— Займись этим делом! Приведи сюда этого человека. Он, видно, и правда разбойник и вор, раз такое придумал!

Тотчас предстали перед шахом оба, мужчина и женщина. Шах спрашивает:

— Что меж вами приключилось, что за беда стряслась?

Женщина первой закричала:

— О наш мудрый защитник, шах! Похитил он меня из дома, а когда это было, я и сама не помню.

Воскликнул тогда Факир:

— Государь, ложь у нее на устах, это не женщина — шайтан! Я всем ради нее пожертвовал, с радостью взял в жены. Ведь она замужем за мной.

— Трудно вас понять, — говорит шах. — Но для того и есть шариат*. Судья рассудит вас обоих, нужно только свидетеля. Пусть он расскажет обо всем суду.

Обрадовался Факир:

— Есть такой свидетель — Иса! Завтра он придет и все станет ясно, как день.

Пошел Факир разыскивать Ису. А женщина и говорит шаху:

— Великий и мудрый правитель! Зачем ты выпустил бродягу на волю? Ведь все его слова ничего не стоят. Лучше казни его побыстрее!

Послал шах вслед за Факиром шпиона, наказал привести его немедленно да связать покрепче.

А Факир отправился на поиски Исы. Ищет он повсюду, бродит везде — нет нигде Исы! Очень расстроился Факир, а был он уже за городом, среди широкой степи. Прилег он под деревом и заснул. Явился ему во сне пророк Иса.

— Завтра вечером, — сказал он, — приду тебе на помощь, не тужи, возвращайся обратно, и пусть тебе сопутствует счастье!

Проснулся Факир наутро, а перед ним уж стоит соглядатай. Связал тот ему руки и привел к государю.

Разгневанный шах спрашивает Факира:

— Где же тот Иса? Отвечай, негодяй! Не погнушался ты ничем — ни ложью, ни лицемерием, ни обманом. Но пришел и твой смертный час!

— О владыка, — умоляет Факир, — выслушай меня, правду говорю: завтра к вечеру истину узнает весь мир. Да будет слава пророку Исе!

Но пророк не явился и на другой день. Бедняга Факир совсем опечалился, сидит убитый горем. Вызвал его шах к себе:

— Шайтан ты! Твой час уж настал, хотя ты и оттянул его немного. Ты злодей и обманщик, испытал все уловки...

И тут раздался трубный глас — это Иса появился, идет к шаху, а та женщина позеленела с досады. Шах говорит:

— О мудрый пророк! Тебя уважают в народе. Скажи нам, что знаешь ты об этой ссоре, поведай, кто прав, кто виноват!

И воскликнул Иса:

— О женщина, ты глупа и безрассудна! Дважды тебе была дарована жизнь под опекою этого мужчины. Но ты предпочла

кривой путь, даже сейчас, когда вернулась в этот мир, а ведь недавно ты была безжизненным трупом. Видно, и вода из арыка может вернуться в тот же арык! Отвечай теперь, каковы твои намерения?

— Забирай себе честность,— сказала женщина,— что в ней проку, что толку!

Только она промолвила эти слова, как сразу оказалась в яме глубокой, и засыпала ту яму земля. Теперь уж была она навеки похоронена! А Факир встал и ушел своей дорогой.

Удивился шах и испугался того, что видел. Снова спрашивает он:

— Объясни мне, Иса, что там было и что случилось?

Рассказал ему пророк всю историю, и шах задумался. Когда же очнулся он от мыслей, рядом с ним не было никого. Иса был далеко, и беседа их окончилась.

19.

Иносказание

Жил один шах, а сына у него не было. Однажды пришел к нему факир* и спрашивает:

— Чем ты опечален?

Шах поведал ему свое горе.

— Будет у тебя сын. Но ты не должен выпускать его из дому,— ответил факир.

И вот родился у шаха сын. Шах строго приказал держать сына во внутренних покоях, никуда оттуда не выпускать. Прошло время, ребенок подрос. Однажды через верхнее окно в покои проник солнечный зайчик. Мальчик подумал, что это цветок. Он хотел его взять в руки, но не смог.

В это время вошла служанка и сказала:

— О юноша! Если ты выйдешь отсюда, то увидишь много цветов. Что это за цветы, которых ты лишен!

Юноша пришел к отцу:

— Выпусти меня из этого дворца. Если не выпустишь, я убью себя!

Сперва отец не согласился, но в конце концов вынужден был отпустить сына. Вышел мальчик из дворца и пошел прямо на базар. А там в это время умер какой-то человек.

- Почему умер этот человек? — спрашивает мальчик.
- Он был болен, — ответили ему.
- А кто его сделал больным? — опять спросил мальчик.

Люди засмеялись:

- Бог сделал. Только бог посылает болезнь.
- А меня бог тоже может сделать больным? — спросил мальчик.

— Ты ведь тоже раб божий, — значит, и ты в его воле.

Услыхал мальчик такой ответ и в тот же час убежал в лес. Идет он и плачет. А в том лесу оказались факиры.

— Почему ты плачешь? — спросили они у мальчика. Мальчик рассказал им о себе, один из факиров и говорит:

— Иди сюда, садись и выслушай, что я тебе расскажу.

Мальчик сел, а факир начал рассказ.

— О юноша! Один человек отправился однажды на охоту. Вот пришел он к месту охоты, имя которому Мир. А там оказался кровожадный и свирепый слон. Увидел слон человека, погнался за ним. Человек пустился бежать. На пути ему попалась яма — он в нее и спрятался. Слон же, имя которому Смерть, остановился над ямой. Человек подумал: «Если я спущусь в эту яму, то спасусь от слона». Посмотрел он вниз и увидел на дне огромного дракона. А посреди ямы росло тонкое деревце, имя которому Жизнь. Человек ухватился за деревце и увидел медовые соты, которые называют Еда и Питье — то есть наше пропитание. Увидел мед человек и обрадовался — и страх его в сердце пропал. Стал он есть мед. А корни того деревца, за которое держался человек, подгрызали мыши — с одной стороны черная, а с другой стороны — белая. Мышей тех звали Ночь и День. А дракон на дне ямы носил имя Могила. Но человеку и горя мало! Он не обращал ни на что внимания и ел мед...

Как сказал поэт Абдуррахман: «Нельзя появиться снова на свет, коль раз уж на свет появился».

20.

Человек и счастье

Есть в этом мире счастье, оно дает человеку благоприятные возможности, но есть также ум, который эти возможности использует. Если нет их вместе, то по отдельности они мало зна-

чат. Судите сами. Жили два брата. Одному брату всегда сопутствовало счастье, у другого же не было ни счастья, ни ума.

Вот однажды он спрашивает счастливого брата:

— Где мое счастье?

— Твое счастье спит в таком-то лесу, — отвечает тот.

Пошел несчастливек искать свое счастье. По дороге повстречался ему тигр. Увидел он несчастливца и спрашивает:

— Ты куда идешь?

— В таком-то лесу живет мое счастье. Вот я и иду за ним.

— Спроси у него, почему я болен и чем могу вылечиться!

— Ладно, спрошу, — сказал несчастливек и пошел дальше.

Прошел еще немного и увидел больную лошадь. Когда он подошел к ней, та спросила его, куда он идет. Несчастливек рассказал ей о себе.

Еще дальше стояло дерево.

— О человек! — сказала дерево. — Далеко ли путь держишь?

Несчастливек и ему подробно рассказал о себе. Выслушало его дерево и взмолилось.

— Ты спроси обо мне. Почему я сохну на этом месте?

— Хорошо спрошу, — согласился несчастливек и пошел дальше. Наконец пришел он в тот лес, нашел свое счастье. Разбудил его и говорит со злобой:

— Я с голоду умираю, а ты здесь в лесу спишь!

А счастье в ответ:

— У тебя ума нет!

— О счастье мое! — обратился к нему человек. — Чем болен тигр и что нужно для его излечения?

— Скажи тигру, чтобы он съел глупого человека. В этом его спасение. А лошади скажи, чтобы она пашла себе хозяина. Он ее оседлает, и она опять будет здоровой и сильной. Дереву же передай, что под его корнями лежит клад семи падишахов. Если его вынуть, оно опять зазеленеет.

Выслушал человек все до конца и отправился в обратный путь. Подошел сначала к дереву, передал ему ответ. Дерево сказало:

— Если ты вынешь клад, то сделаешь доброе дело, да и сам станешь шахом семи стран.

— А на что мне клад? Теперь мое счастье проснулось, оно будет все для меня делать!

Потом человек пришел к лошади.

— Ну, какой ответ принес? — спрашивает лошадь.

— Найди себе хозяина, чтобы он ездил на тебе. Тогда силы вернутся к тебе.

— Ты и есть мой хозяин, бери меня.

— Нет, поищи себе другого, а я нашел свое счастье. Оно мне даст много лошадей!

Затем он пришел к тигру.

— Ну, каковы мои дела? — спросил тигр.

— Съешь глупого человека, тогда и выздоровеешь.

— А еще ты кому принес ответ? — спрашивает тигр.

— Я принес ответ лошади и дереву.

И человек рассказал, как все было. Тигр выслушал его и сказал:

— Вот ты и есть самый глупый человек!

Бросился тигр на него и загрыз.

У того человека не было ума, чтобы распознать благоприятные возможности. В таком случае и счастье не поможет!

21.

Лепешки за совет

Шел однажды человек по Британской Индии и думал: «Когда же я, наконец, увижу свою башню в Тира?» В это время повстречался ему какой-то факир*.

— Если ты дашь мне хлеба, я тебе дам умный совет, — сказал факир.

У человека было пять лепешек. Он отдал их факиру и сказал:

— Дай мне пять умных советов!

— Хорошо! — сказал факир. — Слушай первый совет. Прежде всего, узнай, как звать того человека, с которым собираешься быть попутчиком. Второй совет: когда придешь в какое-нибудь село, сядь на землю и сиди там до тех пор, пока тебе не предложат сесть на стул. Третий же совет таков: пока не попросят, не показывай того, что у тебя есть. Четвертый — никогда не спорь, так как спорить нехорошо. Пятый совет: не говори жене того, чего другим знать не надо, так как все, что она услышит от тебя, она передаст своему другу.

Вот, например, был один человек. Просил он у бога богатства: «О боже! Пошли мне денег, но только положи поверх

этого очага». Однажды он куда-то пошел и по дороге поранил ногу. Только он хотел взять горсть пыли присыпать ранку, как увидел горшок с деньгами. «Боже! — сказал человек. — Я ведь просил тебя положить сверх очага, а ты положил на улице. Нет, этих денег я не возьму. Если уж даешь, то положи их мне на очаг». Так и не взяв денег, оставил их на месте. Пришел домой и все рассказал жене. Жена тут же побежала к своему любовнику. «Мой муж на таком-то месте нашел горшок с деньгами и не взял их, — сказала она. — Иди возьми их себе». Любовнику эти слова понравились, он поспешил за деньгами. Пришел на то место, видит горшок. Открыл он крышку, а в горшке том полно змей! Любовник подумал, что женщина эта против него. Он закрыл горшок и отнес его к тому, кто первый нашел. Как раз над очагом было оконце. Он и высыпал содержимое горшка через это оконце прямо на очаг. Наутро тот человек встал, хотел совершить намаз* и увидел, что весь очаг его засыпан деньгами! Он поблагодарил бога и сказал: «Наконец ты насыпал деньги на мой очаг!»

— Вот, попутчик! — сказал факир, — знай, то, что ты скажешь своей жене, не останется тайной.

— Хорошо, — сказал тот, — так я и буду поступать.

На том они и расстались.

Прошел тот человек какое-то расстояние, опять увидел факира и позвал его:

— Эй, человек! Вай, человек!

Но факир будто не слышал. Тот начал кричать громче, тогда факир сказал:

— Глупец, говорил я тебе: узнай сперва имя того, с кем идешь. Почему же ты не спросил мое имя?

Через несколько дней тот человек, что дал лепешки за умные советы, пришел в одно пограничное село. Там жители устроили себе хорошее местечко, поставили много разных стульев. Вот он облюбовал себе стул и сел на него.

Спустя час пришел какой-то человек и дал ему затрещину:

— Ты зачем сел на этот стул?

Тот начал оправдываться и получил вторую затрещину. Он быстро вскочил со стула и вспомнил совет факира. «Эх, несчастный! — подумал он. — Тебе ведь за лепешку дали хороший совет. Если бы ты не сел на стул, то тебя бы не избили».

Через некоторое время там собралось много народу. Люди говорили, что у такого-то человека, мол, очень хорошее ружье.

Другие говорили, что у такого-то очень хороший пистолет. Услышал человек эти разговоры, вытащил свой пистолет и сказал:

— Вы хвалите тот хороший пистолет. Посмотрите, какой у меня!

Люди стали разглядывать. Вдруг один человек, который был старостой села, воскликнул:

— Этот пистолет мой! В таком-то году ко мне залезли воры, вместе с другими вещами они утащили и этот пистолет. Держите его! Он вор!

Тот человек растерялся. Как раз в это время пришел в село факир, который учил его уму-разуму. Он рассказал ему, в чем дело, а факир ответил:

— Говорил я тебе — молчи, пока не спросят! А ты меня не послушался. Теперь пусть они тебя хватают!

— Пусть меня накажет бог, — говорит глупец, — а ты помоги мне выпутаться из этой беды.

— Ладно, — сказал факир. — Скажи им, что из этого пистолета в степи убили твоего отца. Поэтому ты, мол, и носишь его из деревни в деревню, чтобы найти его хозяина и получить с него пеню за отца. А потом скажи: «Ты говоришь, что этот пистолет твой, значит ты убил моего отца!»

Выслушал человек факира, поблагодарил его, пошел к старосте и сказал ему так, как учил факир. Тот взмолился:

— Ради бога, молчи! Вот возьми семьсот золотых.

Глупый человек с большой радостью взял семьсот золотых и перешел через границу.

Спустя несколько дней после того, как он пришел к себе домой в Тира, он пошел в горы и увидел там арбуз. Пришел домой и говорит жене:

— Видал я на такой-то горе арбуз. Сейчас пойду поспорю с кем-нибудь: кто в это время первый принесет арбуз, он или я.

Жена говорит ему:

— А ты спорь с таким условием: кто выиграет, до чего первый дотронется, та вещь будет его.

Он согласился и пошел в худжру*. Там он поспорил: кто тотчас принесет арбуз, то, до чего он первый дотронется рукой, тот возьмет себе.

А жена его побежала к любовнику и научила его поспорить с мужем. Она сказала, где тот арбуз, и попросила, когда выиграет спор, дотронуться до нее.

Любовник выслушал ее слова, быстро отправился в горы и принес арбуз в худжру.

— Я спору с тобой,— сказал он тому человеку.

— Покажи арбуз,— сказал глупец.

Любовник быстро взял арбуз и показал его. Глупец узнал тот арбуз, что сам видел в горах. Пожалел он и раскаялся, а себе сказал: «Тебе за пять лепешек дали совет ничего не говорить жене. Если бы я не сказал жене, этот человек ничего не узнал бы. Сейчас, если не найду я того факира, этот человек дотронется до моей жены». Погруженный в эти мысли, он отправился искать факира, который учил его уму. Нашел он факира, рассказал, что с ним произошло.

— Ты опять не послушал меня! — сказал факир.

— Больше я так делать не буду,— взмолился глупец.

Наконец факир смиловался и сказал ему:

— Принеси лестницу, на ступеньки навяжи лоскуты шелка. Когда любовник твоей жены захочет войти и до нее дотронуться, то сперва его рука коснется шелка. Тогда ты ему и скажи, чтобы убирался ко всем чертям. Ты, мол, коснулся шелкового лоскута на ступени. Хватит! Больше ничего не трогай!

Глупец пошел к себе домой. Взял много шелковой материи и навязал ее на ступеньки лестницы. А жена его сидела в башне, чтобы ее было видно любовнику. Тот человек, который выиграл спор, подошел к лестнице, взялся за ступеньки, чтобы подняться. Только поднялся он на две ступеньки, глупец говорит ему:

— Эй, хватит! Ты сейчас весь шелк домой унесешь!

Схватил он любовника за ногу и без долгих разговоров стащил его вниз. Так он уберег для себя свою жену благодаря уму факира.

Амир Хамза сказал: «Или сам будь умным, или будь учеником умных!»

22.

Три брата и рубин

Рассказывают, что в давние времена жил один человек. У него было три сына. Этот человек закопал у себя в доме три горшка с деньгами. Поверх каждого горшка он положил еще

по рубину. После того как этот человек умер, младший сын его спрятал один рубин, так как он знал об этих горшках и знал, что на каждом из них лежит по рубину. Стали братья делить наследство, смотрят, а на одном горшке нет рубина! Старший брат сказал:

— Похоже, что этот рубин спрятал кто-то из братьев, только не знаю, кто.

— И я так думаю,— сказал средний.— Видно завелся среди нас, братьев, вор — ведь об этих горшках никто посторонний не знал.

Младший говорил то же. Ни сами они, ни жители окрестных сел не могли разрешить их дела. А в те времена жил один шах, у которого было две дочери. Говорили люди братьям, что дочери шаха очень умные. Пойдите к ним, они решат ваше дело.

Все трое отправились в путь. Прошли немало, увидели раскидистое дерево и сели отдохнуть.

— Под этим деревом сидела женщина,— сказал старший брат.

— Она была беременная,— добавил средний брат.

— Эта женщина убежала от своего мужа,— заметил третий. Высказались они так, встали и пошли по дороге.

— По этой дороге шел кривой верблюд,— сказал один из братьев.

— У этого верблюда нет одного зуба,— заметил второй брат.

— На этом верблюде с одной стороны был вьюк с маслом, а с другой — с медом,— добавил младший.

Братья прошли еще немного, вдруг слышат позади голос: «Стойте, погодите!»

Три брата остановились. Подбежал к ним мужчина и спрашивает:

— Добрые люди, не видели вы женщину?

— Она случайно не беременная? — спросил старший.

— Да, да,— ответил тот.

— Не была ли она чем-то огорчена? — спросил второй.

— Да, да! Она была очень расстроена,— ответил муж.

Все трое братьев сказали:

— Иди ищи свою жену, а мы ее не видели.

— Как это так? — закричал муж.— Вы точно описали ее приметы, а сейчас говорите, что ее не видели. Или вы должны

мне ответить по закону шариата *, или отдать мне одну из своих жен.

— Присоединяйся к нам, мы тоже идем на суд шариата,— ответили братья. Мужчина присоединился к братьям, пошли они вчетвером. Прошли немного, опять их кто-то окликает:

— Эй, молодцы, остановитесь!

Они остановились, подошел к ним мужчина и спрашивает, не видели ли они верблюда.

— Он был кривой? — спросил один.

— Да, да, кривой,— ответил хозяин.

— Не был ли у него сломан зуб? — спросил второй брат.

— Да, да! У него нет одного зуба,— сказал хозяин.

— С одной стороны верблюд был нагружен маслом, а с другой — медом? — спросил третий.

— Да, да! — сказал хозяин.

— Иди и ищи своего верблюда, а мы его не видели,— сказали братья.

Услышал такие слова хозяин верблюда и закричал:

— Вы украли моего верблюда! Вы воры! Или отдайте мне своего верблюда, или отвечайте по закону шариата!

— Пошли с нами, мы все хотим разрешить наши дела по закону шариата,— ответили все.

В конце концов пришли они к шаху и рассказали все о себе.

— Сперва рассказывайте о женщине,— сказал шах,— как вы о ней все узнали?

— Место, где сидит женщина, обычно измято больше. Поэтому я и узнал, что это была женщина,— сказал первый брат.

Второй брат сказал:

— Она опиралась рукой о землю, когда поднималась, поэтому я узнал, что она беременная.

— Когда женщина встала,— закончил третий брат,— то первый след ее был направлен в обратную сторону, поэтому я догадался, что она беглянка.

— Муж женщины! — сказал шах.— Эти люди — очень умные. Они своим умом распознали женщину. Ты же иди ищи свою жену.

И муж женщины ушел.

— Теперь расскажите,— попросил шах,— как вы узнали верблюда?

— Когда я увидел на дороге следы,— сказал первый брат,— то узнал, что здесь проходил верблюд. С одной стороны дороги

травы была съедена, а с другой нет. Я понял, что верблюд был слеп на один глаз.

— Я же обратил внимание на то, — сказал второй брат, — что там, где верблюд щипал траву, она кое-где оставалась целой. Поэтому я узнал, что у верблюда нет одного зуба.

Третий брат закончил:

— С одной стороны дороги летали мухи, а с другой пчелы. Значит, там, где летали мухи, было масло, а там, где летали пчелы, был мед.

— Ну вот, хозяин верблюда! — сказал шах. — Эти люди узнали все о твоём верблюде благодаря своему уму.

После этого хозяин верблюда отправился в путь по своим делам, а шах сказал трем братьям:

— Вы очень умны, чего вы ещё хотите?

— Мы, — отвечают братья, — хотим решить дело о рубине. Узнай, пожалуйста, кто из нас вор?

— У меня есть две дочери, — ответил шах. — Я спрошу у них, могут ли они решить это дело или нет. Я сам не могу.

Спросил шах у одной дочери:

— Дочь моя! Трое мужчин пришли разрешить дело по шахиату. Но они очень умны, что мне делать?

— Это дело я беру на себя, — ответила дочь. — Но сперва проверю, насколько они умны.

— Очень хорошо, проверь сто раз! — сказал шах.

— Я напишу письмо старшему брату, — сказала принцесса. Она написала: «О юноша! Ты мой гость, что ты желаешь?». Тот ответил: «Я хочу поесть хорошего плова».

Принцесса взяла хорошего барана и приготовила плов. Когда тот наелся плова, принцесса спросила у него:

— Хорош ли плов?

— Да, плов был очень вкусный.

— Был ли в нем какой недостаток? — спросила принцесса.

— Да, мне показалось, что ты накормила меня человеческим мясом.

— Ну, иди теперь отдохни, а я спрошу у пастуха, откуда тот баран.

Пришла принцесса к пастуху и спросила у него о том баране. Пастух ответил:

— Когда он появился на свет, его мать, овца, околела. В это время у моей жены умер грудной ребенок. Она взяла ягненка

и вскормила его грудью. Вот так этот барашек и вырос на человеческом молоке.

Принцесса удивилась и сказала:

— Мне не под силу разрешить дело этих людей, они очень умные.

Как вам уже известно, у шаха была вторая дочь. Она обратилась к отцу:

— О мудрый! Дозволь мне рассудить этих людей. Только назови меня мужским именем.

Шах согласился и дал своей дочери мужское имя. Принцесса позвала свою служанку и сказала:

— Пойди и отнеси тем людям еду и скажи им, что есть семь небес. Небо облачно, а звезд еще много.

Дала принцесса служанке семь хлебов, мясо и масло. Служанка съела сама два хлеба и мясо, а то, что осталось, отнесла братьям и сказала:

— Принцесса просила передать вам привет, а после сказать, что имеется семь небес, что небо покрыто облаками, но звезд много.

Они съели принесенное им и ответили:

— Передай привет принцессе, а затем скажи, что небес всего пять, небо чистое, а звезд нет.

Служанка пришла к принцессе и передала ответ братьев. Принцесса закричала:

— Как ты смела съесть два хлеба и мясо?

Как ни просила служанка прощения, ее сильно побили.

На следующий день все три брата пришли во дворец к шаху и принцессе.

Принцесса, которую выдавали за мужчину, сказала:

— Люди, слушайте меня, я расскажу вам одну историю.

И она начала:

— У одного везира была дочь. Однажды вышла она погулять в сад. Когда она вошла в сад, появился садовник и нарвал ей цветов. Дочь везира спросила: «Садовник, чего ты хочешь?». Садовник ответил: «Ничего мне не надо. Но есть у меня одна просьба». Дочь везира говорит: «Скажи — и твоя просьба будет исполнена». — «А просьба моя такова, — говорит садовник, — когда ты выйдешь замуж, то в первую брачную ночь приходи ко мне, осчастливь меня». — «Хорошо, — сказала дочь везира, — так и будет».

Когда дочь везира вышла замуж и сыграли свадьбу, она ска-

зала мужу о своем обещании садовнику: «Если ты добрый человек, то отпустишь меня к садовнику, и я выполню свое обещание». Муж ответил: «Хорошо, иди исполни обещанное».

Дочь везира пошла к садовнику. По дороге ей встретился тигр. «Я очень голоден,— сказал тигр.— Сам Аллах послал тебя мне в лапы». — «О тигр! — взмолилась дочь везира.— Умоляю, отпусти меня к садовнику. Когда я пойду обратно, тогда и съешь меня». — «Ладно,— сказал тигр,— иди, да только побыстрее».

Когда дочь везира пошла дальше, ей встретился разбойник. Увидел он ее и сказал: «Благодарю бога, что ты попала мне в руки. За тебя я получу много денег». — «Ты сделаешь доброе дело,— сказала дочь везира,— если отпустишь меня на часок к садовнику, а когда я вернусь, ты меня увезешь». — «Ладно! — согласился разбойник.— Только поспеши».

Пришла она к садовнику и сказала: «Эй, садовник! Вставай. Я пришла выполнить твою просьбу».

Садовник встал, поздоровался и сказал: «Я твой слуга». Было у садовника двадцать пять золотых — его сбережения. Он отдал их дочери везира и сказал: «Ты очень верная женщина, если пришла ко мне».

От садовника дочь везира пошла к разбойнику. А разбойник в это время спал. Она его разбудила: «Вставай, если ты хочешь увезти меня, а то будет поздно». Разбойник встал, поздоровался и сказал: «Я — твой слуга, так как ты не обманула меня и осталась верной своему слову». Все деньги, что у него были, он отдал ей. Она пошла дальше и пришла к тигру, который спал на том же месте. Дочь везира сказала: «Эй, тигр! Вставай! Вот я пришла, ешь меня». Тигр проснулся, приветствовал ее и сказал: «Молодец! Ты очень верная женщина...»

Рассказала дочь шаха этот хикаят * трем братьям и говорит им:

— Я думаю, что садовник поступил хорошо. А как вы думаете, кто из них лучше обошелся с дочерью везира?

— Я думаю,— ответил старший брат,— что лучше поступил муж, а не садовник.

Средний добавил:

— Хорошо поступил тигр. Зверь, а все-таки понял ее верность.

— Хорошо поступил разбойник, что отпустил ее,— заметил младший.

Принцесса услышала такие ответы и обратилась к отцу:

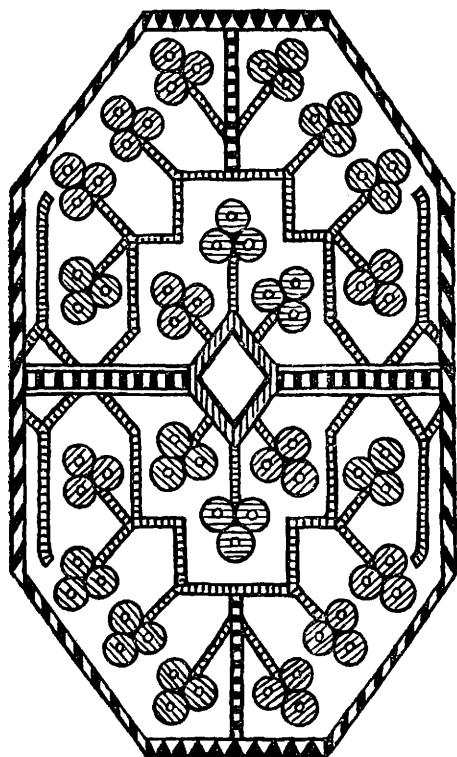
— Шах, первый брат думает о своей жене, так как его сочувствие на стороне мужа. Второй заботится о своем желудке, так как хвалит тигра. Третий же — вор, потому что хвалит вора.

— Кто из вас младший? — спросил шах.

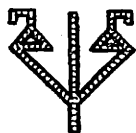
— Вот он, — ответили два брата.

Тогда шах обратился к младшему брату и сказал:

— Отдай рубин своим братьям, — и добавил: — А теперь идите. Ваше дело разрешено.

**БЫТОВЫЕ
СКАЗКИ
И ХИКАЯТЫ**

1.

Вор и мудрец

Жил на свете один мудрец. Он собирал разные старые тряпки и завертывал их в свою чалму. Снаружи его чалма казалась людям огромной, а на самом деле в ней ничего не было, кроме старого тряпья.

Однажды рано утром мудрец отправился в медресе*. По дороге столкнулся он с вором. Вор протянул руку и сдернул с мудреца чалму! Когда он отбежал на несколько шагов, мудрец крикнул ему вслед:

— Юноша! Потряси-ка эту чалму. Если возьмешь ее, после того как размотаешь, то забирай, не стесняйся, я дарю ее тебе.

Вор бежал со всех ног, но все-таки развернул чалму. Смотрит, а там внутри всего один гяз* материи, а остальное старое тряпье. Со зла он разорвал и этот гяз, а клочки выбросил. Вор сказал мудрецу:

— Пусть бог сделает тебя бедняком! Ведь ты оторвал меня от дела этим старым тряпьем. Не стыдно тебе, что сыграл ты со мной такую шутку?

— Хорошо ты говоришь,— ответил мудрец,— но пусть это послужит уроком тебе, чтобы ты понял, что все мирские дела состоят из оболочки и сущности. И тот, кто думает только о земном, так же попадает впросак, как ты.

Аяз * и жемчужина

Однажды падишах Махмуд Газневи* вышел в дарбар*, держа в руке жемчужину. Подал он ее одному из везиров и спросил:

— Сколько, по-твоему, стоит эта жемчужина?

— Повелитель, — ответил везир, — если я скажу — миллион, то и тогда цена этой жемчужины будет больше.

Тогда падишах приказал ему:

— Разбей ее!

— Если казна падишаха уменьшится хоть на одну пайсу*, мое сердце будет жестоко страдать. Да и как мне разбить эту жемчужину?

Падишах сказал:

— Ладно, ты — добрый человек.

И пожаловал ему прекрасный халат, а жемчужину взял.

Через некоторое время падишах устраивал еще один маджлис*. Теперь он отдал другому эмиру ту же жемчужину и сказал:

— Скажи-ка, какова цена этой жемчужины?

— Милостивый падишах, — ответил тот, — я думаю, она стоит полцарства.

— Тогда разбей ее, — сказал падишах.

— Да буду я жертвой за тебя! — сказал эмир. — Кто разобьет такую жемчужину, тот не понял ее огромной ценности. Где еще найдешь такую красоту, совершенство формы и чистоту? Да у меня рука не поднимется разбить ее! Дай бог, чтобы эта жемчужина всю жизнь находилась в сокровищнице падишаха.

Падишах и ему пожаловал халат, а жемчужину взял. И все, кому ни давал он жемчужину, отвечали ему одинаково. Наконец дошла очередь до Аяза*. Протянул ему жемчужину падишах и сказал:

— Скажи, какова цена этой жемчужине?

— Мой повелитель, — ответил Аяз, — это ведь известно. Цена этой жемчужины огромна. Что я могу еще сказать?

— Разбей ее, — сказал падишах.

Аяз взял два камня, на один положил жемчужину, а другим ударил по ней и раздробил жемчужину в пыль.

Когда он сделал это, эмиры и везиры набросились на него. «Что за глупец! — закричали все. — Какой невежда! Такой неуклюжий и дерзкий! Того, что сделал ты, никто не сделает!» А один даже сказал:

— Клянусь, похоже, будто это сделал какой-нибудь кафир*.

— Будто это сделано рукой врага! — воскликнул другой.

— Клянусь, только сумасшедший мог пойти на такое дело, — сказал третий.

Каждый высказался так, как ему подсказывала злоба.

Когда все замолчали и волнение немного улеглось, Аяз сказал им:

— О эмиры и сардары*, я признаю ваш ум, ученость и способности, согласен и с тем, что эту жемчужину не стоило разбивать. Однако я ведь не идолопоклонник какой-нибудь, чтобы питать любовь к камню и не признавать слов моего повелителя. И если сказать правду, то драгоценность разбили вы, ибо повеление падишаха в тысячу раз дороже жемчужины, а вы его отвергли.

Падишах во всем согласился с Аязом и разгневался на везиров и эмиров. Но Аяз молениями и просьбами добился им пощады. Падишах их простил, а Аязу оказал великую честь.

3.

Скупой

Рассказывают, что жил один богатый человек, но был он такой скупой, что по великой своей скупости даже мяса никогда не ел. А когда ему уж очень хотелось мяса, он прёсил через слугу у мясника голову козленка или ягненка. И этой головой утолял свой голод по мясу. Так и текла его жизнь.

Как-то один из знакомых сказал ему:

— А почему это ты и зимой и летом не ешь другого мяса, кроме головы?

— Потому что я очень люблю головы, — ответил богач.

— Не могу согласиться с этим, — возразил его знакомый. Видно, в ней есть какая-то особая польза, скажи мне, только скажи правду.

— Я никому об этом не говорил, — ответил богач, — но если ты поклянешься, что не откроешь секрета, то тебе скажу.

— Зачем мне рассказывать? — говорит тот.

— Истина заключается в том, — сказал богач, — что голова — великолепная вещь. Во-первых, цена ей известна, и слуги от нее тоже ничего не могут утаить. Во-вторых, когда варят какое-нибудь другое мясо, то от него можно тайком съесть какой-нибудь кусочек. А когда варят голову, ничего от нее украсть невозможно. Потому что глаз утащишь — заметно. Отрежешь что-нибудь в другом месте — тоже сразу поймут. Не найдется такого сладкоежки, чтобы сумел хоть малую толику отрезать от головы. А еще потому я ем голову, что у каждой ее части свой вкус: у языка один, а у глаз — другой; уши — это одно, а мозг — другое. Таким образом, от каждой ее части есть своя польза. Стоит голова дешевле, а выгоды от нее больше. Потому-то я всегда ем голову и не покупаю другого мяса.

— Клянусь, — ответил собеседник, — до сих пор не видал я человека жаднее тебя!

4.

Хитрый ученик и мнительный учитель

Человек обычно не верит словам другого без доказательств. А тот, кто верит, самому себе вред наносит, и над ним смеется весь мир.

Был один учитель с очень плохим характером. Он всегда колотил своих учеников. Стали они сговариваться друг с другом: «Совсем стало невмоготу. Давайте придумаем какое-нибудь средство, чтобы избавиться от этой беды». Среди них был один старший, и он сказал:

— Если вы согласитесь с тем, что я скажу, то мы кое-что придумаем.

— Как ты скажешь, так мы и сделаем, — ответили в один голос мальчишки.

— Тогда поступим так, — сказал он, — завтра придем на урок и каждый скажет учителю: «Здравствуй, учитель! Что ты так плохо выглядишь, нездоров или другая причина?». Больше ничего не говорите.

На следующий день ученики пошли в медресе, и каждый говорил учителю: «Доброго здоровья, учитель! Хорошо ли ты себя чувствуешь? Ты плохо выглядишь».

— Нет, ничего, я совершенно здоров, — отвечал учитель. Но в сердце его уже закралось сомнение. После всех пришел старший ученик. Он открыл перед учителем книгу, потом быстро убрал ее.

Учитель спрашивает:

— Мальчик, почему ты убрал книгу?

— Господин! — ответил ученик. — Каждый заботится о своем, нет ни в ком справедливости, нет и сочувствия. Ты так болен, что, когда я смотрю на твое изнуренное желтое лицо, сердце мое ноет от боли. Я же ни у кого другого не могу учиться. Вот когда ты поправишься, тогда и у меня будут уроки.

Учитель поднялся и в страшном гневе отправился домой. Крикнул жене: «Открой дверь!». Та с радостью вышла, открыла дверь, смотрит — стоит учитель, расстроенный, бледный.

— Здравствуй. Что так скоро вернулся из медресе? — спросила жена.

— Ты что, слепая? — кричит учитель. — Не видишь, что с мужем? Чужие люди и то мне сочувствуют. А ты такая злая, черствая, сидишь дома, никогда не спросишь о моем здоровье.

— Что тебе сказать? По-моему, ты вполне здоров, — отвечает жена.

— О недобрая женщина! — закричал учитель. — Не радуйся чужому горю!

— Постой, — говорит жена, — сейчас я принесу тебе зеркало, посмотри сам на свое лицо. Нет ничего! О чем ты беспокоишься?

— Провались ты и пропади пропадом твое зеркало, — сказал учитель. — Какова ты, такое у тебя и зеркало! Не надо зеркала, не буду я в него смотреться. Иди лучше, приготовь мне постель поскорее, я лягу.

Стоит жена, удивляется. А он снова рассердился и закричал:

— Не раздумывай долго, а приготовь мужу постель!

Жена приготовила постель и расстелила перед ней маленький коврик. Учитель улегся и сказал ученикам:

— Сегодня будем заниматься здесь, в моем доме.

Ученики сидели и учили свои уроки. Но все были удивлены и говорили: «Как было, так и осталось. Ничего не изменилось, мы так и не освободились из неволи. Нужна другая хитрость, иначе не избавиться от этой тюрьмы».

Тогда старший ученик сказал:

— Давайте сделаем так: начнем учить уроки громко-громко, кричать, что есть силы.

Подняли они крик, устроили шум страшный, а старший ученик сказал:

— Бесстыжие, что это вы так расшумелись? Разве не понимаете, что от такого шума у учителя болит голова?

— Он правду говорит,— сказал учитель,— идите и не шумите.

Ученики вздохнули свободно. С радостью убежали и долго бегали по дорогам и улицам.

Прошло несколько дней. Матери этих учеников сказали:

— Глупые! Сейчас вам время постигать науки, а вы его тратите зря.

— Разве мы виноваты, что учитель заболел? — говорят ученики. — С кем нам теперь заниматься?

— Ладно,— сказали матери,— завтра мы пойдем и узнаем о его здоровье. Выясним, правду вы говорите или лжете.

Назавтра матери учеников отправились к учителю. Пришли к нему в дом, смотрят — учитель лежит укрытый двумя-тремя одеялами, с ног до головы мокрый от пота и стонет, и охает. Они были поражены. Все сказали: «Поправляйся, учитель. Что за напасть! Мы ведь совсем не знали, что ты болен».

— Я и сам не знал,— ответил учитель,— у меня и в мыслях не было. Но в том-то и беда! Если бы с самого начала было известно, то легче было бы вылечить. А теперь уж что бог даст, только это дело трудное.

Матери учеников помолились, сказали: «Да пошлет тебе бог здоровья, учитель».

— Аминь,— ответил учитель,— да будет с вами бог.

Матери учеников ушли, а учитель остался в постели. Прошло еще несколько дней, и мальчишки проговорились, что учитель заболел из-за их хитрости и лжи. Матери учеников говорят друг другу: «Этот несчастный человек умрет, и мы будем виноваты. Подумайте, какое ему сейчас нужно лечение, чтобы он поправился». В сердцах учеников тоже пробудилась жалость.

Они сказали старшему ученику:

— Давай вылечим его.

— Давайте пойдем к нему по одному,— ответил тот.— Каждый, как придет, скажет: «Учитель, ты теперь здоров, все благополучно».

Так и сделали. Каждый ученик пошел к учителю и сказал: «Учитель, ты, верно, здоров или поправляешься?». После всех

малышей пришел старший ученик, посмотрел на учителя и сказал:

— Слава богу, учитель, сейчас у тебя здоровый вид, но тебе нужно немножко подвигаться. Ведь когда человек поправляется, нехорошо для него сидеть на одном месте. Сейчас нужно поднаться, выйти на улицу и погулять.

Учитель встал, и ученик вышел на улицу вместе с ним. Когда их кто-нибудь встречал, говорил: «Учитель, слава богу, встал на ноги». Другой говорил: «Слава богу, что поправился». И каждый, кто с ними встречался, поздравлял учителя. Учитель радовался, а ученик втайне посмеивался.

Потом уже не было никаких болезней, все было благополучно.

5.

Дружба дурака равносильна дружбе врага

Один падишах держал для охоты белого сокола, он очень его любил и берег. Однажды сокол улетел и опустился на дом одной старухи. Она тут же его поймала и стала разглядывать. Показалось ей, что клюв у сокола кривой, она и говорит:

— Ай, ай, бедняжка! Как же ты будешь клевать зерно с таким клювом?

Взяла она подходящий ножик и подрезала верхнюю часть клюва. Сравняла обе части, полюбовалась на свою работу:

— Вот и хорошо, теперь ты сможешь клевать зерно.

Потом старуха посмотрела на лапки сокола, они показались ей очень когтистыми.

— Ох, несчастный! — сказала она, — неужели никто в жизни не мог постричь тебе когти? Ты и на ногах-то еле держишься из-за этих больших когтей.

И старуха быстренько обрубилa ему когти. Она, бедняжка, любила его по-своему и старалась избавить от всех недостатков.

Узнал падишах, что его белый сокол улетел, и отдал приказ, что нашедшего сокола ожидает награда. Люди стали разыскивать сокола и нашли его в доме старухи. Благополучно доставили сокола к падишаху, рассказали, как любит его старуха, как заботится о нем и в каком положении оказался из-за этого сокол.

Посмотрел на своего сокола падишах и очень опечалился, ничего не сказал. Только велел выпустить его на волю и объявить, что так бывает со всяким, кто попадает в руки людей, не знающих ему цены.

Запомните, друзья,— лишь два лица у зла:
Либо это враг умно беду подстроил,
Либо глупый друг услугу оказал.

6.

**Силен тот, кто не угнетает слабого,
даже если наносится ущерб самому себе**

Однажды римский император послал вестника к падишаху Ануширвану. Тот прибыл ко двору падишаха, смотрит — стоит огромный дворец. На троне сидит падишах, а разные другие эмиры и везиры сидят около него в креслах. Вестник осмотрелся, и одна стена во дворце показалась ему кривой.

— Почему эта стена кривая? — спросил он у кого-то.

— Здесь был дом одной старухи, — ответил тот. — В те времена, когда падишах строил этот дворец, он просил старуху: «Продай мне этот дом». Но она не согласилась. И падишах никак не мог ее уговорить. Вот поэтому в этом дворце одна стена и осталась кривой.

— Эта кривизна куда лучше прямизны, которую достигают путем насилия, — сказал посланец. — В этом и заключается сущность справедливости. Не слышал я, чтобы что-нибудь подобное бывало в прежние времена. Думается, что и в будущем никто из падишахов не поступит так.

Услышал эти слова Ануширван, обрадовался, наградил его и отпустил с почетом и славой.

7.

Плохой аппетит

К бедной хижине одного шейха подошел путник. Когда пришло время обеда, шейх пошел в хижину, принес четыре лепешки и положил их перед путником. Сам же поспешил обратно, чтобы

принести ему чечевичную похлебку. Когда шейх вернулся с похлебкой, путник уже проглотил все лепешки. Шейх снова заторопился и принес еще четыре лепешки. Возвратившись, он увидел, что путник съел всю похлебку. Снова шейх пошел за похлебкой. Когда вернулся — не было лепешек. Так шейх раз десять ходил домой: только принесет одно, а путник тем временем уж расправится с другим.

Наконец шейх сказал:

— Да благословит тебя бог, юноша, куда ты идешь?

Путник назвал ему место и сказал, что идет к господину такому-то.

— Что за цель у тебя? Зачем ты идешь туда? — спросил снова шейх.

— Я слышал, — ответил путник, — что там есть великий лекарь, я иду показаться ему.

— А что у тебя за болезнь? — любопытствовал шейх. — Зачем тебе к врачу?

— Аппетит у меня очень плохой, — ответил путник. — Пойду к врачу, может даст мне какого-нибудь лекарства, чтобы у меня появился аппетит.

— Очень хорошо, — сказал шейх. — Да пошлет тебе бог удачу. Только, ради господина, исполни и мою просьбу.

— Что за просьба, господин? — спросил путник.

— Когда вылечишься, не ходи обратно этой дорогой, пойди другой!

8.

Начало и конец

Однажды знатный шейх сидел на берегу арыка и спокойно размышлял, отрешившись от всего земного. Как раз в это время над ним пролетал коршун и выпустил из когтей муравья. Увидел шейх муравья, и тот ему очень понравился. Принес его шейх домой, но потом подумал: «Не стоит, чтобы люди расстраивались, увидев в доме такого муравьишку-замухрышку». И он стал молиться, чтобы тот муравьишка превратился в девочку. И случилось так, как он хотел. Муравьишка превратился в красивую девочку.

Позвал шейх мурида *, отдал ему девочку и сказал:

— Расти ее и воспитывай, заботься о ней хорошенько. А когда она вырастет, тогда подумаем о ее судьбе.

Шло время. Девочка выросла, превратилась в прекрасную девушку. Красотою лица она могла поспорить с лучами солнца и ясным ликом луны, а ее черные локоны могли развеять все заботы и печали. Позвал ее к себе знатный шейх и говорит:

— О девушка! У тебя ведь нет родных. Только твоя воля, скажи, за кого ты хочешь выйти замуж.

— Найди мне такого мужа, — ответила девушка, — чтобы не было ему равных по силе и достоинствам.

— Никто мне не кажется таким великим и сильным, — сказал шейх, — разве только солнце, если это возможно.

— Очень хорошо. Пусть будет солнце.

Рано утром, как только взошло солнце, шейх поставил перед ним девушку и крикнул:

— Эй, солнце! Эта девушка хочет могущественного мужа. Мы решили, что самый могущественный из всех — ты. Что ты нам скажешь?

— Я укажу вам более сильного, чем я, — говорит в ответ солнце.

— Кто такой? — спросил шейх.

— Туча, — ответило солнце. — Даже небольшое облачко может закрыть мое лицо.

Пошел шейх к туче и рассказал ей обо всем. И ответила ему туча:

— Если уж говорить о силе, то ветер сильнее меня, налетит оп и гонит меня, куда захочет.

Поведал шейх ветру о своем деле:

— Какая у меня сила и мощь? — ответил ветер. — Уж если искать силы, то у горы. Она крепко стоит на одном месте, ноги ее прочно вросли в землю. Даже если нас соберется тысяча, и то мы не сможем сдвинуть ее с места.

Отправился шейх к горе. Рассказал ей обо всем и услышал в ответ:

— Скажу по справедливости, что если кто и обладает силой и могуществом, так это муравьи. Они изранили мое сердце, покрыли его трещинами. А я ничего не могу поделать — ни убить их, ни выгнать их.

Пошел шейх, нашел одного муравья и все ему объяснил.

— Я и сам давно уже подумываю о женитьбе. Но ведь мне

нужна девушка из моего племени. Что мне делать с этой невестой? — спросил муравей.

— Это очень легко, — ответила девушка. — Сейчас этот шейх помолится, и я тотчас стану такой же, как ты.

Шейх помолится, девушка снова превратилась в муравьишку и ушла вместе с мужем-муравьем.

Все возвращается к своему началу,
А человек — в землю.

9.

Справедливый хаким *

Сидели как-то два человека и обедали. У одного из них было пять лепешек, у другого — три. А в это время по дороге проходил юноша. Подошел он к ним, поздоровался. Они тоже его приветствовали и пригласили с ними пообедать. Он согласился, сел с ними. Когда обед кончился, прохожий оставил им восемь золотых и сказал:

— Возьмите, это плата за ваши лепешки.

Взяли они эти деньги и начался дележ. Хозяин пяти лепешек кричит:

— Пять руший мои, а три твои, потому что у меня было пять лепешек, а у тебя только три.

А тот, у кого было три лепешки, требует себе половину денег. Ссора их разгоралась все больше, никак они не соглашались друг с другом.

Тогда они пошли к одному справедливому хакиму и рассказали ему в чем дело. Хаким сказал хозяину трех лепешек:

— Тот юноша дал тебе три золотых по доброй воле, почему же ты их не берешь?

— Господин, я с этим не согласен, — ответил тот. — Я требую свою долю по праву.

— Ты требуешь свою долю? — сказал хаким. — Но твоя доля всего один золотой, а семь золотых принадлежат другому.

— Почему же, господин, мне причитается всего один золотой? — завопил тот человек. — Я и на три-то золотых не согласен, а ты мне всего один даешь!

— Вас было три человека, — ответил хаким, — а лепешек — восемь. И если каждую лепешку разделить на троих, то из них получится двадцать четыре части. И если вы съели поровну, то на каждого человека приходится по восемь частей. Из твоих трех лепешек получилось девять частей. Восемь съел ты сам, и остается всего одна. Из пяти лепешек другого человека получилось пятнадцать частей. Восемь съел он сам, а семь остались. Если тот путник съел восемь частей, то туда вошла одна часть от твоих лепешек и семь от его. Тогда твоя доля — один золотой, а его — семь. Подумай-ка сам, какой расчет получается.

— Правильно, — ответил тот человек, — теперь я понял и согласен с тобой.

10.

Три заповеди воробья

Летел как-то воробей и повстречался с силком.

— Что это ты тут лежишь в стороне от людей? — спрашивает воробей.

— А мне в укромном уголке спокойнее и безопаснее, — отвечает силком.

— А почему лежишь на земле? — опять спрашивает воробей.

— Я ведь слабое создание, а возвеличиваться подобает только богу.

— А почему ты такой худой? — продолжает спрашивать воробей.

— Потому что много молюсь.

— А зачем у тебя на шее надета веревка? — снова полюбопытствовал воробей.

— Одежда бедняка только из нее и состоит, — отвечает силком.

— А что ты делаешь с этой палкой? — не унимался воробей.

— Я на нее опираюсь.

— А для чего тебе это зерно? — опять допрашивает воробей.

— Это то, что осталось от моего обеда. Если встретится какой-нибудь голодный путник, я отдам ему это зерно, — ответил силком.

— Да разве есть кто-нибудь более нуждающийся, чем я? — вскричал воробей. — Дай мне это зерно.

— С удовольствием, — ответил синок, — подлетай и ешь. Лучше ты его съешь, чем кто-нибудь другой.

Воробей подлетел и только притронулся клювом к зернышку, как синок тут же затянулся петлей на его шее.

— О! Подлый обманщик! — закричал воробей. — Кто же так поступает, как ты?

Он еще продолжал кричать, когда подошел птицелов и забрал его. «Правду говорят умные люди, — рассуждал сам с собой воробей, — тот, кто проявляет трусость, остается в безопасности, а тот, кто поступает смело, потом жалеет об этом. Вот и придумывай теперь, как бы освободиться».

Некоторое время он так раздумывал, а потом обратился к птицелову:

— Выслушай меня, о человек! Надеюсь, мои слова будут тебе полезны. Выслушай, а потом делай со мною, что хочешь.

Очень удивился птицелов, когда услышал от воробья эти слова, а потом сказал:

— Ну, говори.

— Ты ведь и сам понимаешь, — начал воробей, — никто мною не насытится и никто не растолстеет от моего мяса. Если ты предпочитаешь еду, съешь меня! Если же ты ценишь мудрые слова, то оставь меня, и я дам тебе три совета. Один из них я скажу у тебя в руках, другой — на корне этого дерева, а третий — на вершине его.

— Ладно, — сказал птицелов, — говори.

— Первая заповедь такова: «Пока ты жив, не сожалей о содеянном».

«Вот удивительные слова говорит этот воробей», — подумал птицелов.

Воробей отлетел, сел на корень дерева и сказал:

— Вторая заповедь такова: «Пока не увидишь чего-нибудь своими глазами, не верь».

Сказал это воробей, снова взлетел, поднялся на вершину дерева и крикнул:

— О человек! У меня в зобу две жемчужины, каждая весом в двадцать золотников. Этих жемчужин хватило бы на всю жизнь и тебе, и твоим потомкам. Но видно не суждено тебе было их получить.

Тогда птицелов заплакал. Уж так он сожалел, горевал, ломал руки и наконец сказал:

— Ладно, это уже уплыло. Но скажи мне, какая же третья твоя заповедь?

— А какая польза тебе от первых двух, коли спрашиваешь еще и о третьей? — отвечает воробей. — Я же сказал тебе: «Никогда не сожалей о содеянном и, если не видишь чего-то, не верь». А когда я сказал, будто у меня в зобу две такие тяжелые жемчужины, ты поверил. Неужели ты не понимаешь, что я вместе со всеми своими перьями не потяну и десять золотников? А ты жалел и плакал. Так что нет нужды открывать тебе третью заповедь.

Сказал это воробей, потом взлетел и скрылся из виду, а птицелов остался в изумлении и растерянности.

11.

Нет ничего губительнее сплетни

Жил один человек, и торговал он рабами. Однажды пришел к нему юноша и спросил:

— Этот невольник продается?

— Да, продается, — ответил хозяин.

— Есть у него какие-нибудь пороки, недостатки или нет? — спросил юноша.

— Нет у него никаких недостатков, кроме одного. Если он тебе понравится и с этим недостатком, бери его. Если же нет, оставь.

— А в чем состоит его порок? — спросил юноша. — Объясни мне, чтобы я понял. Тогда, если это в моих силах, я уберегу себя от его порока.

— Он сплетник, — говорит хозяин. — Рассказывает такие небылицы, что люди только удивляются.

— Это пустяки, — сказал юноша. — Люди ведь не прислушиваются к его словам, не поступают, как он говорит. Беда невелика.

Сделка состоялась. Юноша заплатил деньги и купил невольника. Привел его домой и твердо решил про себя не верить словам раба.

Прошло несколько дней. Приходит раб и говорит своему хозяину:

— Послушай, твоя биби * задумала тебя погубить. Убьет тебя и выйдет замуж за другого.

— Как же ты узнал об этом? — спросил хозяин.

— Я-то узнал, — отвечает раб, — а если ты не веришь, пойди к ней, притворись спящим и узнаешь, правду я говорю или вру.

Потом раб пошел к жене хозяина и сказал:

— Послушай, биби, твой муж решил дать тебе развод и взять другую жену.

Услышала эти слова женщина и очень расстроилась.

— Чего ты отчаиваешься? — сказал раб. — Если хочешь, принеси мне два-три волоска из его бороды, я поколдую над ними, и хозяин еще больше тебя полюбит.

— Хорошо, — ответила она.

Наступила ночь. Муж пошел домой, лег на кровать, будто спит, а сам смотрит, что будет. Когда жене показалось, что он спит, она подошла к нему, чтобы отрезать волоски от его бороды. Только протянула она руку к его подбородку, муж подумал, что она хочет его убить, тотчас вскочил, схватил саблю и убил бедную женщину! Раб сейчас же бросился к двери, побежал и сказал братьям той женщины:

— Бегите скорее, вашу сестру убили без всякой вины.

Они схватили сабли, побежали стремглав и убили молодого мужа. Двое невинных людей погибли из-за сплетни раба!

12.

Верное средство

Жил был один очень толстый падишах. Тело его было так велико, достигало таких размеров, что нигде не помещалось. Собрал он врачей, чтобы кто-нибудь его вылечил и толщина его немного уменьшилась бы. Сколько его ни лечили, вес падишаха только увеличивался, и он все больше толстел. Наконец нашелся один сметливый лекарь. Взял он падишаха за руку и говорит:

— Если любезному падишаху будет угодно, я загляну в астрологические книги. Изучу все лекарства, которые только знает природа, и дам их падишаху.

— Очень хорошо, — сказал падишах, — иди, прочти все книги по астрологии. Когда тебе все станет ясно, дай мне лекарство.

Ушел врач, а наутро приходит и докладывает:

— Нет лекарства для милостивого падишаха.

— Как это так! — вскричал падишах. — Почему для меня нет лекарства?

— В книгах сказано, — отвечает врач, — что падишаху осталось жить сорок дней, а потом он умрет.

Падишах страшно разгневался и закричал:

— Если нет для меня лекарства, то бросьте в тюрьму этого лекаря. Буду жив, не умру, в назначенный срок казнь его.

Врача заключили в тюрьму, а падишах остался с мыслью о смерти. День и ночь он пребывал в отчаянье, а родственники и друзья оплакивали его. Когда прошло сорок дней, лицо у падишаха стало желтым, он похудел и стал легким и тонким, словно тростинка. Тогда он позвал врача и сказал:

— Теперь я казнь тебя. Зачем ты солгал мне?

— Только затем, — ответил врач, — что не было другого лекарства для твоего исцеления.

Падишах очень обрадовался и наградил врача по-царски.

13.

Урод и красавица

Рассказывают, что жил один человек уродливой внешности. У него была очень красивая жена, такая красивая, что не было в те времена женщины, равной ей. Однажды она сказала мужу:

— После Страшного суда мы оба, и ты и я, будем в раю.

— Это почему же? — спрашивает муж.

— А потому, — ответила женщина, — что я — твоя жена, а ты — мой муж.

— Ну и что из этого? Все между собой жены и мужья, да ведь не все в раю окажутся?

— Ты не понял, — ответила она. — Я же не говорю, что все жены и мужья попадут в рай. Я имею в виду только себя и тебя. Потому что я терплю твое уродство, а ты благодаришь бога за мою красоту. А в рай попадает тот, кто либо благодарит бога, либо терпит.

Не следует доверять словам врага, иначе не миновать беды

Ехал один человек на верблюде. По пути встретился ему лесной пожар. Среди деревьев, объятых пламенем, металась огромная змея и никак не могла найти путь к спасению. Когда змея увидела человека, она заплакала и сказала:

— Если ты вытащишь меня из огня, я сделаю тебе много добра.

Человек подумал и сказал про себя: «Змея, конечно, враг человека. Однако сегодня она попала в беду. Лучше будет, если я вытащу ее из огня». Протянул он на палке большую торбу, змея забралась в нее. Всадник вытащил из огня торбу вместе со змеей. Потом он развязал свою торбу, выпустил змею и сказал ей:

— Теперь иди, ты спасена от беды. Но после этого никого не обижай.

— Пока не укушу тебя и твоего верблюда, — говорит змея, — не могу отправиться в путь.

— Я ведь не сделал тебе ничего плохого! — вскричал человек. — Зачем же ты теперь так поступаешь со мною!

— Правда, ты поступил хорошо, но неуместно. Ведь мы и вы — давние враги, ты поступил со мною хорошо, значит, сделал для себя плохо.

— Делать за добро зло, — сказал всадник, — не допускается никакой религией.

— Я поступаю по вашим же обычаям, — возразила ему змея. — Ведь вы всегда за добро делаете зло.

— Ты ничем не сможешь доказать это, — сказал человек. — Если ты приведешь свидетелей в подтверждение своих слов, я обязательно соглашусь, чтобы ты меня ужалила.

Змея посмотрела вокруг и увидела буйволицу. Оба, и человек и змея, подошли к ней, и змея сказала:

— О буйволица! Какова награда за добро?

— По обычаю людей, — ответила буйволица, — платой за добро является зло. Судите сами: когда-то я была молодой, жила в доме у одного человека и давала ему молоко. Но я состарилась, молоко мое высохло, сила иссякла, он и думать обо мне не захо-

тел и прогнал меня. Погуляла я на воле несколько дней и нагуляла немного мяса. А вчера он привел мясника и продал меня ему. Сегодня придет мясник и поведет меня на бойню.

— Вот ты и проиграл,— сказала змея.— Готовься, я тебя сейчас укушу.

— Нет, нужны два свидетеля,— возразил всадник.— Если найдешь еще одного свидетеля, тогда я соглашусь с тобой.

Змея опять посмотрела вокруг и увидела дерево.

— Пойдем-ка к этому дереву,— сказала она. Когда они подошли, змея спросила:

— О дерево! Какова плата за добро?

— По законам людей платой за добро является зло,— ответило дерево.— Вот стою я здесь. А они приходят измученные зноем, усталые, отдыхают в моей тени. А потом, когда отдохнут, посмотрят на меня и говорят: «Эта ветка очень хороша на ручку для лопаты, а та ветка подходит для ручки топора, а из этого куска выйдут замечательные доски, а отсюда можно сделать косяки либо ось». Обязательно отрубят от меня много ветвей и унесут с собой.

— Теперь ты окончательно проиграл,— сказала змея.— Подойди ко мне, я тебя укушу.

Человек остолбенел от изумления, не знает, что делать. Вдруг показалась лиса. Она слышала весь этот разговор и говорит всаднику:

— Юноша! А какое доброе дело ты сделал для этой змеи? За что она хочет отплатить тебе злом?

Всадник рассказал ей все как было: и о пожаре, и о змее, и о торбе.

— Ни за что не поверю,— сказала лиса,— чтобы эта змея поместилась в такую торбу, потому что она большущая, а торба маленькая.

— Смотри,— воскликнула змея,— как я помещаюсь в ней!

И она влезла в торбу. Лиса и говорит всаднику:

— Скорее завязывай свою торбу, чтобы змея не выскочила оттуда.

Всадник завязал торбу и бил ею об землю, пока не убил змею насмерть. Так и избавился от нее.

15.

Алчность всегда доводит до беды, терпеливость же оставляет в безопасности

Один охотник бродил по степи и увидел лису, шкурка которой показалась ему очень пушистой и красивой. Он и подумал: «Если поймаю эту лису и сдеру с нее шкурку, можно будет продать ее за хорошую цену». С этой корыстной мыслью пошел он за лисой и узнал, где ее нора. Потом вырыл около норы яму, сверху набросал травы и поверх травы положил какую-то падаль для приманки. А сам спрятался неподалеку.

Лиса вылезла из норы и услышала запах падали. Сначала она было побежала в ту сторону, но потом сказала себе: «До меня доносится запах падали, но кажется мне, что это не к добру. Умные осторожно подходят к опасному месту».

Подумала так, отказалась от соблазна и беззаботно пошла в другую сторону.

В это время с вершины гор спустился голодный леопард. Он почуял запах падали. Пошел на запах и внезапно упал в яму. Охотник, который слышал шум падения леопарда, подумал, что это попала в яму пушистая лиса. Он быстро подбежал и прыгнул в яму. Увидел его леопард и сказал себе: «Кто мне запретит съесть его?» — и разорвал охотника пополам.

Так охотник из-за жадности попал в ловушку и поплатился жизнью, а лиса благодаря своему терпению избежала беды.

16.

Нет худа без добра

Жил среди арабов мудрый и справедливый человек, советов которого все всегда слушались. Однажды там, где он жил, за одну ночь сдохли все собаки. Наутро люди пришли к мудрому человеку и рассказали о смерти собак.

— Ничего, все будет хорошо, — ответил тот.

На другую ночь в этой деревне сдохли все голосистые петухи. Снова утром люди пришли к справедливому человеку и сообщили об этом. И снова он ответил:

— Это к лучшему.

— Удивительно,— возразили люди,— собаки нас охраняли, петухи пели, и всем было ясно, что наступает утро. Что же хорошего, что они сдохли?

— В таинственных делах только бог хорошо разбирается,— ответил мудрец.— А мы не настолько учены, чтобы понять это.

На третью ночь стали люди в деревне зажигать огонь, а он не загорается. И люди взмолились: «Да смилуется бог! Что за беда приключилась? Понять не можем».

В это время неприятельское войско напало на ту страну. Они разоряли, грабили и сжигали захваченные селения. Когда войско подошло к этому селу, стали солдаты совещаться между собой: «Ни света не видно, ни собаки не лают, ни петухи не кричат. Наверное, и людей здесь нет. Пустое село, пустые дома. Что нам тут делать?». С этим и ушли обратно. А село осталось в целости и сохранности.

Оказалось, что мудрец правду говорил: «Нет худа без добра».

17.

Скряга всегда несет двойной убыток

Сидел однажды скряга и ел лепешки с медом. Проходил по улице человек и окликнул его. Пришлось скряге позвать его, а самому спешно спрятать лепешки. Только он хотел убрать и мед, как появился гость. Так он и не успел спрятать мед. «Ничего, думает скряга,— не станет он есть один мед». А сам говорит гостю:

— Да ты ешь мед, коли любишь.

— Ладно,— отвечает гость,— мед вещь хорошая. Как его не любить?

И принялся уплетать мед, расхваливая его необыкновенный вкус.

— Да,— говорит скряга,— вкус у него действительно хорош. Только ты не ешь слишком много, а то сердце заболит.

— Правильно,— отвечает гость,— заболит сердце. Только чье? Твое?

18.

Справедливый судья

У одного жадного человека пропал кошелек, в котором было сто ашрафи *. Как он ни искал, как ни старался, ни горевал,—ничего не нашел. Тогда он объявил: «Тому, кто найдет мой кошелек и вернет мне деньги, я дам в благодарность десять ашрафи».

Нашел этот кошелек один хороший человек и отдал его скупцу.

— Давай мне те десять ашрафи, которые ты обещал,— говорит он ему.

— В этом кошельке было сто десять ашрафи,— ответил скупой,— а сейчас здесь только сто. Десять ашрафи остались у тебя. Ты уже получил свою долю! Чего же ты еще от меня хочешь?

Пошел тот человек к судье и рассказал ему все. Призвал судья скупца и спрашивает:

— Почему не отдаешь его долю?

— Да он сам уже взял ее из этого кошелька,— отвечает тот.— Что я ему дам?

Судья взял кошелек, осмотрел его и завязал точно так же, как тот был завязан раньше. Потом и говорит скупцу:

— Если в твоём кошельке было сто десять ашрафи, а здесь только сто, то ясно, что кошелек не твой. Иди-ка поищи сам свой кошелек, а этот отдай человеку, который его нашел. Когда придет хозяин кошелька, он ему и вернет.

19.

Бык, осел и петух

Однажды к пророку Сулейману пришел один человек и попросил:

— Помолись за меня, чтобы я стал понимать язык птиц.

— Будешь ты понимать язык птиц,— ответил пророк.— Только если кому-нибудь откроешь эту тайну, умрешь в одночасье.

— Конечно,— сказал человек,— никому не скажу.

— Иди,— сказал Сулейман,— будешь теперь понимать язык всех животных.

Человек пошел домой. Наступила ночь, а на дворе у него были бык, осел и петух. Осел и спрашивает у быка:

— Скажи-ка, молодец, как прошел у тебя день?

— Тяжелый денек выдался,— отвечает бык.

— Если хочешь,— говорит осел,— научу я тебя одной хитрости, которая избавит тебя от многих трудов.

— Конечно, научи! — отвечает бык.— Принимаю все, что ты скажешь.

— Не ешь ночью травы — вот мой совет,— говорит осел.

— Ладно,— сказал бык. И ничего не стал есть ночью.

А человек слышал их разговор. Утром он и говорит:

— Бык нездоров, запрягайте осла. Сегодня он пойдет вместо быка.

Ушел осел и целый день работал. Вечером вернулся на свое место, а бык спрашивает:

— Скажи, молодец, как ты сегодня провел день? Кажется, ты и не работал вовсе.

— Сначала-то мне было так же трудно, как вчера тебе,— отвечает осел.— Но потом стало легче. Они стали обдумывать, как тебя прирезать, а я воспользовался этим и избавился от работы.

— А за что же меня резать? — взревел бык.

— Больше ничего не знаю,— ответил осел,— но они говорили между собою: «Этот бык не ест. Давай его прирежем, пока не сдох».

— Что же мне теперь делать, чтобы спастись? — вскричал бык.

— Ешь траву,— отвечает осел,— другого выхода у тебя нет.

Когда бык нагнулся над травой и начал есть, человек громко рассмеялся. Он смеялся над их беседой, а жена посмотрела на него и спросила:

— Что это ты смеешься?

— Да так просто,— ответил он.

— Нет, ты мне расскажи, над чем смеешься! Может быть только две причины: либо ты сошел с ума, либо тебе понравилась другая женщина.

Как человек ни убеждал, ни уговаривал жену, она твердила:

«Расскажи, иначе я тебя брошу». Она никак не отставала от него, и тот человек сказал:

— Ладно. Подожди только, пока я составлю завещание, а потом уж объясню тебе все.

Он начал писать завещание, а бык и осел перестали с горя есть и пить. Только петух беззаботно прыгал и радостно распевал.

— Хозяин наш скоро умрет, а ты радуешься,— сказали петуху бык и осел.

— Почему это он скоро умрет? — спросил петух.

— А потому что жена довела,— отвечают те.

— Подумаешь, у меня двадцать жен, я и то с ними справляюсь. А у него одна, и он с одной не может справиться.

— А что же ему делать? — спросили они.

— Пусть возьмет палку потяжелее,— ответил петух,— и стукнет ее как следует. Либо он убьет ее, либо она сама тут же отстанет и попросит прощения.

Услышал эти слова человек, встал, взял палку и ударил жену раза два. Она стала просить прощения и больше не приставала к нему.

Так человек избежал смерти.

20.

Ничего не доводи до крайности

Один хаким* рассказывал, что в характере любого животного он предпочитает какую-нибудь одну черту.

— Какую черту ты считаешь самой лучшей у собаки? — спросил его кто-то.

— Любовь и преданность хозяину,— ответил он.

— А в характере свиньи что тебе нравится?

— То, что она рано отправляется по своим делам.

— А что в нраве вороны лучше всего? — снова спросили его.

— То, что она всего боится,— сказал он в ответ.

— Скажи, а в характере кошки какое качество тебя привлекает?

— То, что она сильно плачет, когда задает вопросы!

Жадность

Жил на свете очень богатый человек. Но такой он был жадный, что даже самому себе жалел хлеба. Однажды кто-то позвал его в гости. Он пошел. Хозяин дома подал множество разных блюд, и гость принялся за еду. Сначала он попробовал мяса и съел его очень много, потому что оно было острое, вкусно приготовленное и очень ему понравилось. Потом подали какое-то мягкое блюдо, которое не нужно было жевать. Его он тоже съел. Потом наступила очередь яиц, каурмы, лапши. Что ни стояло на столе, всему он отдал должное.

После обеда хозяин подал разные фрукты: абрикосы, дыни, виноград, груши. Посмотрел на них жадный богач, будто человек, который несколько дней не обедал, да и вообще в глаза не видывал подобных вещей. В конце концов он съел и все фрукты.

После того как набил он живот горячим и холодным, нужно было воды попить. Когда дошла очередь до воды, ему едва успевали наливать бокалы. Он выпил столько, что живот у него раздулся, как шиная *, и он не мог двинуться с места. Из последних сил, с большим трудом дотащился он все-таки до своего дома, а сам едва дышит. Потом ему стало еще хуже, казалось, что приблизилась смерть. Все говорили: «Сейчас наступит его смертный час, он того гляди умрет».

В это время кто-то привел к нему лекаря. Врач посмотрел на него и сказал:

— Как видно, ты объелся.

— Да, — ответил богач, — я был в гостях и там пообедал.

— Чудовище, — говорит врач, — дом-то чужой, но живот ведь твой собственный.

— Конечно, ты правду говоришь. Но ведь никто у меня еду не отнимал. А разве могу я сам отказаться от готового и вкусного обеда!

— Ладно, — сказал врач, — что было, то прошло. Теперь нужно такое лекарство, которое извлечет из тебя излишки пищи.

— Э, нет, такого лекарства я не хочу! Вот если найдешь лекарство, которое улучшает пищеварение, давай! А если нет, уж ладно, на сытый желудок помирать легче. А другого вреда мне не будет. Ты свободен, иди себе.

Выбирай друзей с умом

Сражался медведь с драконом и уже совсем выбился из сил, как вдруг появился возле них какой-то юноша. Увидел он дракона и медведя и подумал: «Дракон очень свирепый. Помогу-ка я медведю, вдвоем мы легко справимся с драконом». А медведь, как увидал юношу, разразился жалобным ревом.

Юноша обнажил саблю, бросился на дракона, убил его и спас медведя от смерти. Медведь решил, что должен служить юноше, ибо тот сделал ему добро. И вот куда ни пойдет юноша, медведь всюду его сопровождает.

Однажды юноше захотелось спать. Только он хотел прилечь и вздремнуть, как к нему подошел какой-то человек и спрашивает:

— Что это за медведь сидит около тебя?

Юноша рассказал ему про дракона, про то, как медведь подружился с ним и всюду за ним ходит.

— Ты поступаешь неразумно,— сказал человек.— Что это за дружба такая! Отпусти его на волю, избавься от него как-нибудь.

— Ты, верно, завидуешь мне, потому и говоришь так,— возразил юноша.— Ты только посмотри: зверь, а как меня любит!

— А я с этим не спорю. Я только говорю, что он — существо глупое. И его любовь может обернуться для тебя горем. Иди ты лучше со мной. Мы ведь одной породы, а я буду тебе служить.

— Иди, занимайся своими делами,— проворчал юноша.

— Мое дело — избавить тебя от беды. Ты должен отпустить медведя и пойти со мной. Даже если я окажусь ни на что негодным бездельником, все равно я лучше медведя. Предупреждаю тебя, не будет проку от дружбы с ним.

Юноша ответил:

— Надоели мне твои заботы, оставь меня, дай мне поспать.

— Коли собираешься спать, то ложись рядом с человеком, а не с медведем,— опять говорит тот человек.

Но юноша повернулся к нему спиной, укрылся и спрятал лицо. Мужчине стало его жаль. Взял он его за плечо и сказал:

— Вставай, счастливцев! Я ведь тебе добра желаю!

— Иди, ступай, не надо мне добра,— отвечает юноша.

Короче говоря, чего только ни делал мужчина, юноша не захотел пойти с ним. Наконец тот сказал:

— Видно ты ничего не понял. Погубишь ты себя.

Мужчина ушел, а юноша уснул. Медведь сидит рядом, караулит его. Вдруг прилетела муха и уселась на лицо юноши. Медведь взмахнул лапой, согнал ее, а муха опять прилетела. Он опять ее согнал. Несколько раз медведь сгонял муху, но она прилетала вновь. Наконец он разозлился. Встал с места, принес мельничный жернов, и когда муха опять уселась на лицо юноши, медведь давай колотить ее камнем, пока не раздробил юноше всю голову.

Так закончилась дружба юноши с медведем.

23.

Не берись не за свое дело

Один человек пришел к ювелиру и попросил:

— Дай мне свои точные весы взвесить мелкие крупинки золота.

— А у меня сито кто-то взял,— ответил ювелир.

— Я тебе про одно говорю, а ты про другое!

— И веника у меня в лавке нет,— говорит ювелир.

— Известно, что ты не глухой, хорошо слышишь,— разозлился проситель,— что же ты, когда я прошу у тебя одну вещь, говоришь мне о другой?!

Тогда ювелир сказал:

— Я слышу, что ты просишь весы, но вижу я, что у тебя дрожат руки и ты рассыплешь золото. Потом придется тебе просить у меня веник, чтобы собрать крупинки золота, а затем потребуешь и сито, чтобы просеять его. Я потому только и упомянул про сито и веник, что вижу: не подходишь ты для этой работы и тебе обязательно понадобятся эти вещи, а их у меня нет.

24.

Чему быть, того не миновать

Жил один крестьянин. Выдался как-то урожайный год, крестьянин собрал много зерна. Продал он его за триста ашрафи*, а деньги спрятал, берег их и не тратил ни на какие нужды.

Однажды достал он деньги, положил на ладонь, стал пересчитывать, как вдруг его с улицы окликнул какой-то друг. Крестьянин услышал голос друга, поспешно сунул деньги в кошелек, кошелек бросил в кувшин для воды, а сам вышел к другу.

Выходя из дома, он приказал жене скорей приготовить обед. Та собралась варить, смотрит — воды нет. Встала она у ворот и думает: может, пойдет кто-нибудь, принесет мне воды. В это время по улице шел мясник, покупал быков. Случайно оказался он у ворот дома. Женщина попросила его сходить с кувшином за водой. Мясник взял кувшин и отправился. Идет он по дороге и слышит, в кувшине что-то позвякивает. Заглянул в кувшин, видит — кошелек. Мясник очень обрадовался и подумал: «Буду я по-прежнему заниматься своим ремеслом, а эти деньги поберегу на черный день». Бросил он кувшин, а сам ушел. На свои деньги купил жирного быка.

Идет и думает: «Куда бы мне спрятать эти деньги?». Думал, думал и решил запихнуть кошелек в рот быку, а потом, когда зарежет быка, достать его. Остановил он быка, с большим трудом впихнул ему в рот кошелек и погнал быка дальше. По дороге ему повстречался сын. Мясник приказал сыну гнать быка домой, а сам отправился по другим делам.

Крестьянин все это время болтал со своим другом. Увидал, что сын мясника гонит быка, и решил: возьму-ка я этого быка да зарежу его. Взял он быка у сына мясника и привел его домой. Немного погодя вспомнил крестьянин про деньги.

— Я здесь в кувшин бросил деньги, где они? — спросил он у жены.

— Одно тебе скажу, — ответила жена, — что проходил здесь какой-то мужчина. Я попросила его сходить за водой и дала ему кувшин, но он ни сам не пришел, ни кувшина не принес.

Крестьянин понял, что тот человек взял деньги. Погоревал он, погоревал, но потом успокоился, стал резать быка. Когда он его зарезал, разделал тушу и распорол кишки, то в кишках опять нашел кошелек!

Радости его не было конца. После этого случая он всегда носил деньги с собой, привязывал кошелек к поясу.

Однажды крестьянин пошел куда-то и решил совершить у ручья омовение. Окончил омовение, оделся, а кошелек забыл у ручья.

Только он ушел, как на это место пришел пастух со стадом. Увидал пастух кошелек на берегу ручья, схватил его скорее,

отошел в сторону, пересчитал деньги и очень обрадовался. Вначале он было решил больше не пасти стадо, но потом поразмыслил и решил, что работать нужно, иначе люди догадаются, что он нашел. Спрятал пастух кошелек и погнал стадо дальше.

Крестьянин же вспомнил о деньгах и поспешно возвратился к ручью. Туда, куда бегают, ничего не находит. Пришел он домой и все рассказал жене. Погоревали они, но потом решили, что жалеть не о чем: чему быть, того не миновать, но впредь решили ничего не копить и все, что заработают, тратить.

А пастух все пасет стадо. Неожиданно появились всадники. Перегугался пастух, бросил деньги в колодец, подумал, что из колодца-то он их потом преспокойно достанет, и угнал свое стадо в другое место.

А крестьянин пришел к тому колодцу. Стал он воду пить, нагнулся, а чалма свалилась в колодец! Полез он за ней и опять нашел кошелек с деньгами. Поблагодарил крестьянин бога и отправился домой. Пришел, пересчитал деньги — триста ашрафи. Стал крестьянин тратить их без всякого расчета.

Через несколько дней пришел пастух к нему в гости. Принялись они за еду, а пастух все рассказывает печальные истории да тяжело вздыхает.

— Что с тобой? — говорит крестьянин. — Почему ты такой невеселый?

Пастух рассказал ему о кошельке, всадниках и колодце.

Выслушал крестьянин рассказ пастуха, поспешил к жене и говорит ей:

— Мы-то думали, что деньги наши, а они оказывается чужие. Что истратили, то истратили, а остальное давай: я отнесу их хозяину.

Женщина взяла деньги — оставалось там сто ашрафи — и отдала их пастуху.

Пастух взял деньги и пошел домой. Дома он выдолбил в палке отверстие, положил в него деньги, носил всегда эту палку с собой как посох. Однажды шел пастух по берегу реки и уронил палку. Вода тотчас же унесла ее.

В это время крестьянин сидел на берегу реки и совершал омовение. Увидел он палку, выловил ее и принес домой.

Как-то хотел крестьянин разрубить палку топором. Ударил, а из нее посыпались монеты. Посмотрел — сто штук!

Спустя некоторое время крестьянин опять встретил пастуха. Идет пастух бледный и печальный.

— В чем дело? — спросил крестьянин. Тот рассказал ему о посохе, деньгах и реке.

— А где ты нашел эти деньги? — спросил крестьянин.

Пастух сказал, что нашел их на берегу ручья. Тогда крестьянин сказал:

— Ведь деньги у ручья были мои, и из колодца я их вытаскивал, и палку я выловил. Получается, что мои деньги полностью вернулись ко мне. Я очень рад, а ты не печалься!

25.

Когда твои враги меж собой не ладят, можешь спать спокойно

Один очень уважаемый и скромный шейх построил свой дом вдали от жилищ других людей и денно и ночно молился. Он совсем отошел от мирских дел.

И вот один из муридов* подарил ему стельную корову. Такая это была корова, что у людей только слюнки текли от желания испить молока; кислым молоком от нее можно было напоить в жару целое войско, масло же из ее молока обладало целебными свойствами. Она была такая толстая, что глаз радовался. Но нашлись и завистники. Когда появилась корова в доме шейха, один вор решил ее украсть и ночью отправился за добычей. По дороге встретился ему черт, принявший образ человека. Вор спросил черта:

— Кто ты, куда идешь?

— Я черт, — ответил тот, — но в человеческом облике. А иду я в дом шейха, чтобы убить его, потому что многие люди благодаря ему избегли ада.

Потом черт спросил вора, кто он и куда путь держит. Вор говорит:

— И я иду туда же. У шейха есть корова, я хочу ее украсть.

— Хорошо, — сказал черт, — пойдем вместе.

Пошли они вдвоем. Пришли в дом шейха, а тот крепко спал. Вор подумал: «Если черт пойдет первым и бросится на шейха, тот может проснуться, и я останусь ни с чем — ведь все обитатели дома сбегутся на шум».

А черт думал так: «Если вор поведет корову, обязательно откроет ворота. А когда ворота открывают, они обязательно

скрипят. Услышит шейх скрип, проснется, и я не смогу ничего сделать». И он сказал вору:

— Подожди, сначала я убью шейха, а потом ты уведешь корову.

— Нет,— возразил вор,— ты подожди! Я уведу корову, тогда и убьешь шейха.

Короче говоря, начали они пререкаться, ни один не хотел уступить другому, и они подрались. Когда они сцепились, вору пришлось туго, выбился он из сил и закричал:

— Господин шейх! Иди сюда, черт пришел убить тебя!

А черт завопил:

— Иди скорей, этот вор пришел за твоей коровой!

От их крика шейх проснулся, позвал на помощь. Сбежались все домочадцы.

Черт и вор бросились бежать, а шейх избежал смерти.

26.

Слушай хорошие советы

Подружились лягушка и мышь. Они подолгу сидели у воды и беседовали. Любовь их друг к другу росла с каждым днем. И вот однажды мышь сказала лягушке:

— Я прихожу к тебе, а ты торчишь под водой. Кричу я, кричу, а ты и не слышишь. Я не вижу тебя сутками.

Лягушка ответила:

— Это верно, но чем реже видишься, тем больше растет любовь.

— Так-то оно так,— возразила мышь,— но нужно, чтобы любовь росла, когда мало любишь. А если любовь и так велика, куда ей еще расти? Я ведь часами тебя дожидаясь — я кричу, а ты не слышишь, а сама я прийти к тебе не могу. Или сделай так, чтобы у нас был посыльный, и мы будем посылать через него весточки, или придумай какой-нибудь сигнал, чтобы нам встретиться.

Лягушка сказала:

— Давай поступим так. Найдем нитку, один конец привяжем к твоей лапке, а другой — к моей. И когда тебе захочется меня видеть, ты потянешь за конец нитки, и я буду знать, что

ты пришла. А когда мне захочется повидать тебя, то я дерну за ниточку. Вот так мы и будем встречаться.

Тут какая-то другая лягушка сказала им:

— Эта ваша выдумка плоха для вас обеих. Ведь одна не сможет уйти далеко по своим делам, а другая не сможет плыть, куда ей хочется.

— Ты просто завидуешь нашей дружбе, поэтому так и говоришь,— сказали хором лягушка и мышь.

— Ладно, делайте как хотите,— сказала та лягушка,— но я говорю вам: может случиться, что кто-нибудь запутается в этой нитке и потянет ее, а каждая из вас подумает, что это пришла подруга, и вы обе погибнете.

— Оставь, не приставай к нам!

— Тот, кто не слушает советов других, всегда раскаивается,— сказала лягушка.— Это не приносит ему пользы. Вы ни о чем не думаете. Эх, мышь, если ты побежишь от врага, ты ведь запутаешься и не сможешь удрать. А если враг настигнет тебя, ты потянешь за собой и лягушку. Так же и ты, лягушка. Из-за одного погибнет и другой.

— Очень хорошо, мы умрем вместе,— ответили подружки.

Однажды появился откуда-то коршун и бросился на мышь. Мышь хотела было удрать, но запуталась и попала в когти коршуна. Он поднял ее в воздух, а на нитке лягушка висит! Прилетел коршун в какую-то деревню. Жители ее очень удивились: как это коршуну удалось вытащить лягушку из воды? Но лягушка сказала:

— Коршун здесь ни при чем, но тот, кто не слушает советов, всегда попадает в беду!

27.

Не делай зла: за него заплатишься

Рассказывают, что какой-то падишах решил построить себе роскошный дворец.

Призвал он к себе мастеров и сказал им:

— Я хочу построить дворец. Выберите место, но чтобы не было в нем никаких недостатков.

Потом он призвал плотников и приказал им:

— Ступайте в горы, заготовьте лес для моего дворца.

Те отправились в горы и принялись за работу: кто срубал деревья топором, кто распиливал их на доски, кто тесал балки и бревна, кто орудовал рубанком. Каждый был занят своим делом.

Потом падишах призвал к себе землекопов и строительных рабочих. Те тоже занялись делом: кто рыл землю лопатами и кирками, кто носил воду и месил глину, кто делал кирпичи, кто таскал камни для приготовления извести. Короче говоря, делали все, что нужно, для постройки дворца.

Когда собрались уже возводить дворец, увидели, что рядом с ним стоит домишко, в котором живут сироты без отца. Пошли к матери сирот, попросили ее продать дом падишаху. Но она ответила, что не может продать имущество малых сирот. Как ее ни уговаривали, не продала она дома.

Однажды эта женщина по каким-то делам отлучилась из дома, а когда она вернулась, падишах уже разрушил ее дом. Кровати, циновки, одеяла, подушки, посуда — все пожитки выбросили на улицу. Увидела это женщина и сказала:

— Всемогуший боже, меня не было дома, но ты присутствовал!

В тот же миг земля поглотила падишаха, все его имущество и всех его приближенных.

Ибо, как сказал Абдулхамид *, «Разрушение дома тирана — непреложный закон вселенной».

28.

Будь милосерден

Рассказывают, что пришел к одному врачу больной и сказал:

— Я болен. Дай мне какое-нибудь лекарство. Тебе за это воздастся.

Врач взял его за руку, пощупал пульс и убедился, что человек действительно болен. Тогда он попросил больного показать язык. Больной показал язык, и врачу стало совершенно ясно, что тот болен очень серьезно.

— А что ты ощущаешь во рту? — спросил врач.

— Иногда горечь, иногда сладость, а иногда вообще не ощущаю вкуса. Бывает по-разному.

— Ну, а как живот?

— Живот у меня вздулся. Зерно не переваривает, внутри жжет, изо рта горечь идет.

— А чего тебе хочется? — спросил врач.

— Ни на что меня не тянет, ничего мне не хочется.

Врач понял, что человек тяжело болен и уже не поправится, но он не должен знать об этом. И если у него нет надежды на выздоровление, то пусть хоть немного потешит себя на этом свете.

И он сказал больному:

— Юноша, вот твоё лекарство: ешь, ходи, куда хочешь, делай, что хочешь, и не расстраивайся.

Услыхал это больной, обрадовался, поблагодарил врача и сказал:

— Мне хочется побродить по берегу арыка.

Пришел он к арыку. Смотрит, на берегу сидит шейх, совершает омовение. Посмотрел на него юноша и подумал: «Уж очень у него затылок подходящий. Дам я ему хорошую затрепину, вот здорово будет!» Припомнил он и врача, и его совет — делать все, что захочется.

Подошел юноша к шейху и ударил его. Тот обернулся, посмотрел на юношу и сказал:

— Не дерись, несчастный! За что ты меня бьешь?

Хотел было ударить юношу по лицу, чтобы тот больше никогда так не делал, но подумал, что тот болен; как бы не умер от побоев — наживешь себе беду. Тогда шейх схватил юношу за руку и потащил его к судье. Сказал:

— Господин судья, этот человек ударил меня по затылку. Накажи его. Или посади его верхом на осла, вычерни ему лицо и поводи по площади, или придумай еще какое-нибудь наказание.

Судья говорит:

— Не сердись, шейх. Есть такая поговорка «Сделай потолок, а меня пригласи его расписать»¹. Ты посмотри, какой спрос с этого бедного, больного человека? Если можешь, сделай ему что-нибудь хорошее, потому что человечность и величие души в том и состоят, чтобы платить добром за зло.

— У меня с собой всего шесть золотых, больше нет, — сказал шейх.

Судья решил:

¹ Т. е. «не суйся не в свое дело».

— Отдай ему три золотых, а три оставь себе.

Пока они разговаривали, юноша поглядел на затылок судьи и ему пришла в голову мысль. Он подошел к судье, а тот подумал, что юноша что-то хочет шепнуть ему, но юноша ударил его по затылку и сказал:

— Отдайте мне все шесть золотых и отпустите меня. Я болен и не могу стоять так долго.

Судья рассердился. Наступила очередь шейха увещевать:

— Странная у тебя справедливость: мне приказываешь, а когда то же самое произошло с тобой, ты нахмурился и рассердился. Дай ему свои три золотых. Пусть он порадуется.

Судья сказал:

— А я очень рад, что он ударил меня.

— Твои глаза говорят другое,— возразил шейх.— А что у тебя на сердце, мне неизвестно.

Судья сказал:

— Считай глаза облаком, а сердце садом. Когда облако плачет, оно освежает сад.

— Господин судья, бог велик. Он может и огонь превратить в цветник, но ведь человек может радоваться и без слез. Почему ты настаиваешь, что без слез сердце не может радоваться?

— Шейх,— сказал судья,— разве ты не знаешь, что если не будет бездельников, то и дельного человека никто не заметит; если не будет камня, то никто не сможет найти жемчужину; если не будет воинов, то никто и не вспомнит о сабле; а если не будет невежества, то не нужны будут наука и мудрость. И если сейчас мы не простим этого юношу, то чем же мы будем отличаться от простых людей?

Замолчал шейх и дал больному три рупии. То же самое сделал судья. И сказали они ему на прощание:

— Да хранит тебя Аллах и пошлет он тебе скорейшее выздоровление.

Больной ушел умиротворенный.

29.

О талантах

У падишаха Махмуда Газневи * была привычка бродить вечерами, переодевшись в одежду бедняка. И вот однажды, когда он по своему обыкновению отправился гулять, он неожиданно

попал в шайку воров. Воры окликнули его и спросили, кто он таков.

— Я — ваш товарищ, — ответил падишах.

Воры предложили ему сесть и сказали, что каждый из них рассказывает о своих талантах, а потом они пойдут воровать.

Один сказал:

— Я очень хорошо понимаю язык собак, мне известно о чем они лают.

Другой сказал:

— А у меня талант узнавать людей. Если я ночью издали увижу какого-нибудь человека, то днем безошибочно его узнаю.

— А я очень силен, — сказал третий. — Если я найду в стене расщелину, то без труда разломаю и всю стену.

Четвертый сказал:

— Мой талант — нюх. Где бы ни зарыли золото, я найду его по запаху.

Следующий вор сказал, что он мастер набрасывать петли. И даже если стена очень гладкая и ровная, то он все равно закрепит петлю.

Когда все воры рассказали о своих талантах, они обратились к падишаху:

— Ну, а у тебя есть какой-нибудь талант или ты только можешь носить тяжести?

Падишах ответил:

— У меня много разных талантов, а главный таков: если где-нибудь много узников, приговоренных к смерти, и палач уже занес над ними свой меч, то стоит мне шевельнуть одним волоском на бороде, как всех их освободят.

Воры сказали:

— Да хранит тебя Аллах! Пусть осуществится наше желание: ты самый главный из нас, командуя нами.

Потом они отправились на добычу. Приблизились к дому, залаяли собаки. Тот, кто понимал их язык, сказал:

— Они говорят, что среди нас — падишах.

— Глупец, — возразили остальные воры, — разве ты не знаешь, что для нас падишах — этот юноша. Потому что только того следует считать падишахом, кто способен освободить заключенных, а этот юноша может это сделать. Зачем нам другой падишах?

Вор, обладавший острым обонянием, сказал:

— Здесь есть сокровища, я чувствую запах золота и драгоценностей.

Тот вор, который умел набрасывать петли, забросил веревку, и все взобрались по ней на стену.

Силач сделал подкоп под комнату, где хранились сокровища, и все вошли в нее.

Воры взяли столько богатств, сколько могли унести. Вышли из дома и где-то за городом зарыли все сокровища, чтобы потом их выкопать и поделить между собой. Затем все разошлись по своим домам. Падишах узнал, где каждый из воров живет, запомнил их имена, а потом какой-то хитростью ушел от них.

Пришел он во дворец, тотчас позвал начальника охраны и послал его за ворами. Их доставили во дворец. Утром падишах уселся на трон, а воров поставили перед ним.

Вор, который хорошо узнавал людей, сразу узнал в падишахе своего вчерашнего приятеля и сказал об этом другим ворами. Те хором взмолились: «Милосердный государь, пусть не будет у тебя горя! Выслушай нас, если можешь, а потом делай, что хочешь».

— Говорите все, — приказал падишах, — чтобы у вас не осталось никаких неисполненных желаний.

Воры сказали:

— Нам известны все таланты, которые имеются у наших товарищей, но не все они еще проявились. У одного талант — узнавать людей, а у другого — способность освобождать заключенных. Первый показал свой талант, а вот когда проявится талант освобождать людей, мы не знаем.

Когда падишах услышал это, ему стало стыдно и он не нашелся что возразить! Тогда он приказал ворах принести все сокровища. И дал им столько всякого добра, что они могли жить безбедно и без воровства.

30.

Об одном хитреце

Один из бухарских правителей был очень щедрым. Разным людям он назначал для подаяний свой день: день для больных, день для вдов, для сеидов свой день, для ученых и мулл — особый день, день для сирот, день для бедных странников.

И давал он им столько денег, что хватало до конца жизни. Но у царя было такое правило: никто не должен был ничего просить. И если случалось, что кто-либо по недомыслию, ошибке или невежеству просил что-нибудь, он в этот день ничего не получал.

За всю свою жизнь только раз царь сделал исключение из этого правила: дал очень много просившему человеку. А дело было так.

Пришел к нему какой-то человек. Он хорошо знал, что царь ничего не даст, если у него попросишь, но все же сказал:

— Милостивый царь, я очень нуждаюсь. Не можешь ли ты мне дать что-нибудь.

Царь ответил:

— Я думаю, что нет более нетерпеливого и нахального человека, чем ты.

— А я убежден,— возразил человек,— что в наше время нет никого более нетерпеливого и нахального, чем ты, потому что ты завладел большим богатством и захватил большую власть в мире.

Царь рассмеялся и дал тому человеку все, что он просил.

Другому человеку пришлось притвориться мертвым, чтобы получить кое-что от царя.

Случилось это так: пришел тот человек к царю и стал его просить о чем-то.

Царь ответил, что ничего не даст, и хотя человек долго умолял царя, он так и ушел от него ни с чем.

На следующий день царь занимался учеными, но тому человеку опять ничего не дал. Тогда он обмотал ноги какими-то рваными тряпками и присоединился к больным,— но опять ничего не получил.

Завязал он глаза и пришел вместе со слепыми, но у него опять ничего не вышло. После этого он закрыл лицо и пришел к царю вместе со стариками и вдовами, но и это не помогло!

Когда этот человек выбился из сил, ничего не добившись, он пришел к другу и сказал ему:

— Я постараюсь не дышать, а ты уложи меня на кровать, а кровать поставь на дороге, по которой ходит царь. Когда царь придет, скажи ему, что этот человек умер, а у него нет савана. И все, что получишь от царя, поделим пополам.

Так они и поступили. Пришел царь и спросил:

— Почему этот покойник лежит здесь?

— Я твой раб, царь, да пусть твои беды падут на меня, у него нет савана.

Царь дал ему много денег и сказал:

— Вот возьми, купи ему саван и все необходимое для погребения, а остальные деньги раздай как милостыню на сороковой день после его кончины.

В этот момент «покойник» поднял голову и сказал:

— Ты, царь, решил мне ничего не давать, а я поклялся, что не отстану от тебя и обязательно что-нибудь получу.

Царь рассмеялся и спросил:

— Что же ты получил, притворившись мертвым?

31.

О нахальном верблюде

Верблюд, бык и ягненок шли по дороге и вдруг увидели охапку травы. Ягненок сказал:

— Нам нужно посоветоваться: ведь нас трое, а травы мало. Если мы поделим траву, то каждому достанется очень мало, только нутро раздражим. А если отдать траву кому-нибудь одному, то ему будет что пожевать и чем наполнить желудок. Если вы не возражаете, пусть съест траву тот, кто старше всех, потому что старшим следует оказывать уважение.

Затем ягненок сказал:

— Старший же тот, кто помнит свой возраст. Наш род ведет свое начало со времен царя Ибрагима, значит, эта трава — моя.

— Нет,— возразил бык,— ты еще молод. Я происхожу от тех быков, которых впряг в ярмо Адам — первый человек, и ясно, что самый старший — я. Эту траву следует отдать мне.

В это время верблюд перестал кричать, набил рот травой и сказал:

— Нет никакой необходимости устанавливать мой возраст и выяснять родословную. Всем видно, что я большой, а значит, и лет мне много. Был бы здесь кто-нибудь, подобный мне, он бы мог соперничать со мной и считать годы,— и с этими словами верблюд съел всю траву.

У кого в руках есть сила,
Нет нужды считать!

Ястреб и куропатка

Жила у подножия горы куропатка, счастливо жила, весело смеялась.

Однажды пролетал ястреб. Когда он увидел, как красиво ходит куропатка, и услышал ее смех, он сразу же влюбился в нее и подумал: «В этом мире у каждого должен быть друг. Недаром ведь люди говорят, что „тот, кто не имеет друга, — несчастен“. Эта куропатка и собой красива, и голос у нее приятный, радует сердца людей». Поразмыслив так, ястреб медленно направился к куропатке.

Увидела куропатка ястреба, в страхе бросилась бежать и укрылась в какой-то горной пещере. Ястреб спустился и уселся у входа в пещеру. Сказал:

— Эй, куропатка, я не знал об этом твоём таланте. И только сегодня я понял, сколько у тебя достоинств. Я прошу тебя, не бойся и порхай себе беззаботно, дружи со мной.

Куропатка ответила ему:

— О могущественный, оставь меня в покое и найди другую куропатку, чтобы съесть ее. И только тогда, когда вода соединится с огнем, а тень с солнцем, мы подружимся с тобой.

Тогда ястреб сказал:

— Эх, куропатка, поразмысли-ка ты хорошенько, почему я с такой любовью и так учтиво с тобой разговариваю? Когти мои еще не притупились, клюв мой не ослабел, и я еще могу добывать себе пищу. Нет никакой иной причины, кроме моей любви к тебе. А тебе от дружбы со мной большая выгода. Во-первых, ты избавишься от когтей других ястребов, во-вторых, я подниму тебя в свое гнездо, и ты будешь жить выше всех других куропаток, и, в-третьих, любую куропатку, которую ты захочешь, я приведу к тебе, и она будет развлекать тебя.

Куропатка сказала:

— Ты — царь птиц, а мы — бедняки. Если я решусь на дружбу с тобой, а потом у меня вырвется какое-нибудь неосторожное слово, ты рассердишься, и мне будет плохо.

— Разве ты не слышала, — возразил ей на это ястреб, — что глаза друга не замечают недостатков любимой? И если я претендую на твою любовь, как же буду я игнорировать твои недостатки?

Короче говоря, долго-долго говорил ястреб с куропаткой, и наконец у куропатки больше не осталось никаких возражений. Вышла она из пещеры, ястреб взял ее с собой и поднял в свое гнездо. И стали они там жить радостно и дружно.

Когда прошло песколько дней и куропатка привыкла к ястребу, она стала говорить ему дерзости, даже смеялась над ним.

Ястреб все это слушал и хотя не показывал вида, но в сердце его постепенно накапливалась злоба.

Однажды ястреб сильно проголодался, но никуда не полетел: весь день провел в гнезде. Когда наступил вечер и зоб у ястреба совершенно опустел, ему очень захотелось есть и его разобрало зло. И вот та злоба, которая накапливалась в его сердце, вдруг прорвалась наружу.

Куропатка увидала признаки гнева, догадалась, что конец близок, тяжело вздохнула и сказала:

— Как жаль, что я не подумала тогда хорошенько, а сейчас мне уже трудно получить свободу.

А ястреб тем временем пытался придумать какую-нибудь хитрость, чтобы уничтожить куропатку. Наконец он сказал:

— Эй, куропатка, как хорошо, что мне жарко, а ты сидишь в тени.

— Что ты говоришь, милостивый! — возразила куропатка. — Ведь сейчас ночь. Как же может быть тебе жарко? И как это я сижу в тени?

— Ого! — сказал ястреб, — ты меня назвала лгуном да еще и перечишь! Подожди, я тебя сейчас проучу!

Ястреб схватил куропатку в когти, смял, переломал ей все кости и съел ее.

Как сказал Абдурахман*: «Если ты не можешь тягаться в силе с силачом, то не садись храбро с ним рядом».

33.

Как надо делить добычу

Однажды собрались вместе тигр, волк и лиса и пошли на охоту. Добыли они дикуую козу, джейрана и зайца и притащили все к жилищу тигра.

Волк и лиса падеялись, что тигр возьмет себе все, что ему захочется, а остальное поделит на доли и даст каждому, что ему причитается. Но тигр догадался, чего они хотят, и сказал про себя: «Вы-то думаете так, а я иначе. Посмотрим, что теперь будет!»

Однако каждый из зверей держал свои мысли в тайне.

Когда все улеглись, тигр повернулся к волку и сказал ему:

— Ты мой помощник, подели этих трех животных!

Волк сказал:

— Ты — большой, и эта дикая коза большая, поэтому она — твоя. Я — средних размеров, и этот джейран средний. Пусть он будет моим. А заяц маленький, и лиса маленькая. Пусть он достанется лисе.

— Странно, — сказал тигр, — ты прежде всего думаешь о себе, а не обо мне, и говоришь «я такой-то» и «это мое», а кто ты такой? Что ты о себе мнишь, кем себя воображаешь? И что ты помышляешь обо мне, несчастный? Подойди ко мне с этой стороны!

Когда волк подошел к тигру, тот поднял лапу, бросился на волка и убил беднягу одним ударом. Потом он повернулся к лисе и приказал ей:

— Подели добычу ты!

Лиса сказала:

— Эта дикая коза очень хороша на завтрак царю зверей, а джейрана следует приберечь на обед, чтобы у царя улучшилось настроение, а заяц пригодится царю на ужин.

Тигр спросил:

— Скажи мне правду, у кого ты научилась так умело делить?

Лиса ответила:

— Милосердный, да падут все твои беды на меня! Человек — тот, кто заботится о других. Когда я увидела, что стало с волком, то подумала, что не следует говорить о себе.

Тигр сказал:

— Раз ты так поступила, то я тоже должен поступить по справедливости, поэтому возьми всех трех зверей себе, я себе добычу еще что-нибудь. Впредь я буду делать все, что ты скажешь.

Услыхала это лиса и подумала: «Как хорошо, что он приказал мне делить добычу после волка! А не то погибла бы я точно так же, как волк».

Алчность не имеет границ

Рассказывал шейх Саади*: я видел одного богатого купца, его товары были навьючены на сто пятьдесят верблюдов и ему служили сорок рабов. Однажды в караван-сараяе он позвал меня в свою комнату и всю ночь болтал без умолку.

Он говорил:

— Такой-то мой склад находится в Туркестане, а такой-то мой груз хранится в Индии, а это — документ на владение такой-то землей, а вот тот человек отвечает за такое-то имущество.

А еще он говорил, что собирался поехать в Александрию, потому что, как говорят, там очень хороший климат.

Потом он говорил:

— Нет, не поеду я туда, потому что у людей бывает на море морская болезнь.

— Эх, Саади,— сказал он немного погодя,— я собираюсь совершить одно путешествие. Если оно будет успешным, то весь остаток жизни я смогу сидеть дома и совсем не буду работать.

— А что это за путешествие? — поинтересовался я.— Расскажи мне о нем, я послушаю.

Он сказал:

— Привезу из Парижа серу и отвезу ее в Китай. Там она ценится очень дорого. А из Китая я вывезу китайский фарфор и переправлю его в Рим. Там тоже хорошо заработаю. Из Рима же отвезу в Индию шелковые ткани. Говорят, что это очень прибыльное дело. Из Индии вывезу в Алеппо сталь, а из Алеппо в Йемен — стекло, а из Цейлона привезу в Париж покрывала. Ну, а потом брошу торговать.

Когда купец утомился и у него уже не было больше сил болтать, он обратился ко мне и попросил:

— Не расскажешь ли ты, Саади, что-нибудь из того, что ты видел и слышал?

— Что же я могу рассказать тебе? — сказал я.— Ты говорил так много и так долго, что для меня не осталось времени.

У страха глаза велики

Жил в лесу тигр, и была у него подружка обезьяна. Однажды тигру по какому-то делу нужно было уйти из дома. Он сказал обезьяне:

— Побудь здесь до моего возвращения и никого сюда не пускай!

Тигр ушел. Вдруг пришел лис с лисой и лисятами. Осмотрелись они по сторонам, походили туда-сюда. Очень им это место понравилось, и они остались здесь. Обезьяна вышла и говорит:

— Вы зачем остались здесь? Это место принадлежит тигру, и когда он придет, вам будет плохо.

— Замолчи, глупая, — сказал лис, — это место принадлежит моему отцу, он оставил его мне в наследство. А если это и не так, какое тебе до этого дело?

Услышала это обезьяна, замолчала и подумала: «И впрямь, что мне до него? Что ищет, то и получит».

— Давай уйдем отсюда, — говорит лиса, — тигр ведь сильный, как бы не нажить нам беды.

— Эй, жена, сиди спокойно! Когда придет тигр, тогда и будет видно, что нужно делать.

В это время возвратился тигр. Обезьяна поспешно бросилась к нему и все ему рассказала. Выслушал тигр обезьяну и подумал: «Это должно быть не лис, а еще кто-нибудь. Какой же лис осмелится поселиться в моем доме?»

Обезьяна ему клялась и божилась, что это лис, что она сама с ним разговаривала, что не такая уж она глупая, чтобы не отличить лиса от других зверей.

— Ты говоришь разумно, — сказал тигр, — только я поверить не могу, как это лис может вести себя таким образом.

А лис сказал своей жене:

— Когда тигр подойдет, заставь детей плакать и скажи, что они хотят свежей тигрятины.

Как только тигр подошел, лиса заставила лисят плакать.

— Почему малыши плачут? — спрашивает лис.

— Они хотят тигрятины, — ответила лиса.

— Я только вчера убил большого тигра. Разве мясо уже кончилось?

— Нет, мясо еще есть, но они хотят свежего: они не любят несвежего мяса.

— Подождите немного,— сказал лис,— сейчас придет большой тигр. Я его убью, и у вас опять будет свежее мясо.

Как услышал это тигр, бросился бежать и так перепугался, что долго не мог прийти в себя.

Обезьяна прибежала к нему, сказала:

— Разве ты не понимаешь, что он тебя обманывает? Пойдем, не бойся!

Когда лиса увидала, что они идут, она опять заставила лисят плакать, но лис сказал ей:

— Сейчас же заставь их замолчать! Обезьяна, мой большой друг, обещала обязательно сегодня привести тигра.

Услышал тигр слова лиса, ударил обезьяну и в страхе убежал так далеко, что его больше никогда не видали в этих местах. А лис остался жить да поживать!

36.

Умного человека можно обмануть один раз, а глупого — двадцать

В одном лесу жил тигр. Когда он стал совсем старым и немощным и не мог ходить, он сказал одной бедной и несчастной лисе:

— Эй, лиса, ты столько лет кормилась моими объедками и видела от меня немало милостей. А теперь ты сама видишь, что я одряхлел и не могу больше охотиться. Ты должна пойти и привести ко мне хитростью быка, осла или еще кого-нибудь. Я убью его, и мы будем сыты.

— Хорошо, иду,— ответила лиса.— Кого смогу, того и приведу.

И она ушла. Повстречала она осла, издали приветствовала его и сказала:

— Почему ты бродишь по такому месту, где нет ни воды, ни травы, одни только голые камни и больше ничего нет?

— А я доволен своей судьбой,— сказал осел.— Бог знает, какие неприятности могут быть, когда есть блага. Мой отец, например, рассказывал мне такую историю. «У одного лавочника — торговца сладостями — был осел, тощий и со сбитой

спиной. А у этого лавочника был друг — главный царский колюх. И вот однажды он спросил лавочника: „Почему твой осел такой худой?“

Тот ответил: „Он недоедает, других причин нет“. Ковюх посоветовал ему: „Приведи этого осла в нашу конюшню, пусть побудет там. Поправится настолько, насколько тебе захочется“. Хозяин осла тотчас отвел его в конюшню и оставил там. Увидел осел, как живется лошадям в царской конюшне: тихо, спокойно, их и чистят, и корм вовремя дают — ячмень, овес, солому, траву. Расплакался он и стал жаловаться: „О боже праведный, я ведь тоже твое создание, как они, а как им живется и как мне!“ Осел еще причитал и плакал, когда послышался приказ: „Седлайте коней! В таком-то месте предвидится бой!“

В одно мгновение кони были готовы и отправились на поле битвы. Когда наступил вечер и кони вернулись с боя, они все валялись с ног. Пришли кузнецы. Конюхи, связали лошадям ноги, а кузнецы клещами рвали мясо, обрезали его ножами и ножницами и вытаскивали из ран осколки снарядов.

Когда осел увидал это, он подумал: „Слава богу, я здоров и не надо мне никаких благ“.

С тех пор как я услышал эту историю своего отца, я всегда герпеливо переносу все!

Лиса сказала ослу:

— С тобой приключилась такая же история, как с одним человеком. Шел тот человек по дороге и увидел безногую лису, которая лежала и не могла сдвинуться с места. Человек заинтересовался, как же эта лиса добывает себе еду? Спрятался он и подумал: «Посижу-ка я сегодня здесь, посмотрю, как она живет».

Прошло немного времени, пришел тигр с охоты, принес добычу. Все, что мог съесть, съел, а остальное бросил лисе.

Увидал это человек и подумал: «Человек может добыть хлеб насущный любым способом, зачем же я себя утруждаю?» Пошел он и уселся в пещере какой-то горы. Просидел он там голодный несколько дней, а потом подумал, что сейчас он еще здоров, а дальше совсем ослабеет, и что нужно ему позаботиться самому о себе.

Когда он собирался уходить, ему послышался какой-то таинственный голос: «Аллах дал тебе руки и ноги. Будь тигром и зарабатывай, чтобы кто-то еще кормился около тебя, но не удобляйся лисе и не ожидай обедков от других».

Осел сказал:

— Об этом я слышал другой рассказ, отличный от рассказанного тобой. Вкратце содержание его таково. Один человек прочитал хадис *, что человек может иметь хлеб насущный в любом месте, и решил, проверю-ка я, верно это или нет. Пошел он и улегся в степи, недалеко от горы и жилья.

А какой-то караван сбился с дороги и набрел на человека. Увидали погонщики человека и подумали, что это какой-то путешественник. Бедняга заблудился и вот-вот умрет с голоду. Решили они дать ему хлеба или риса — авось встанет, оживет. Когда ему принесли еду, он стиснул зубы. Чего только погонщики ни делали, он не открывал рта. Они поняли, что он так слаб, что не может даже рта открыть. Тогда старший из них сказал: «Давайте-ка вытащим у него несколько зубов. Ведь если он умрет, будет плохо, а если он лишится нескольких зубов, — ничего страшного».

Все согласились с ним. Тотчас же вытащили у лежащего несколько зубов, набросали в похлебку хлеба и стали понемногу вливать ему в рот.

Человек подумал: «Поистине, судьба везде настигнет человека. Почему я лежу? Потерял зубы, отвлекая других людей от их дел», — и он тотчас вскочил.

Лиса сказала ослу:

— Глупый, ну что ты без конца рассказываешь сказки? Перебрал все, начиная с сороконожки и кончая драконом. Ты должен думать о себе. Где ты, а где те люди?

И начали они пререкаться. Наконец лиса сказала:

— Глупец, ты сам себе враг, утомляешь себя спором вместо того, чтобы пройти со мной несколько шагов. А ведь в том месте такая высокая трава, что доходит до пояса, а кое-где даже верблюд может в ней спрятаться, и повсюду течет холодная, прозрачная, пресная вода. Животное, которое попадет туда, так поправляется, что его узнать нельзя, и счастлив тот, кто окажется там.

Глупый осел, плохо разбираясь в житейских делах, выслушал слова лисы, хотя и пытался возражать, но все же поверил ей: упоминание о вкусной еде и прекрасном месте возбудили в нем желание.

— Идем скорее, посмотрим то место, которое ты так расхваливаешь, — сказал он лисе.

И они пошли — лиса впереди, осел за ней.

Пришли в лес. Тигр издали увидел осла и так как он был очень голоден, то, не дав осла подойти поближе, не вытерпел и кинулся на него.

Как только осел увидел тигра, он бросился бежать, не разбирая дороги: он мчался по холмам и ямам, по горам и долам, и удрал.

Лиса разозлилась на тигра и стала его ругать:

— Я привела осла с таким трудом, а ты не мог потерпеть немного и подпустить его к себе поближе!

— Да,— согласился тигр,— я сделал большую глупость, и какую бы хитрость мы ни придумали, он больше сюда же пойдет.

— Ладно,— сказала лиса,— я опять приведу этого осла, но ты только не спеш. Пусть он подойдет к тебе поближе, тогда и бросайся на него.

— Я все понял,— сказал тигр,— но не думаю, чтобы он опять пришел.

— Ну, это уж мое дело,— сказала лиса и ушла.

Когда она пришла к осла, тот стал ее упрекать:

— Жестокая, злодейка, в какую беду ты меня ввергла! Слава Аллаху, что я еще ушел. Когда я увидел тигра, то забыл про свою алчность и уже совсем было распрощался с жизнью.

Лиса ответила:

— Я совершила ошибку, не предупредила тебя, что кто-то ради шутки сделал чучело тигра. И если придет кто-нибудь несведомленный, он может подумать, что это настоящий тигр. Я это совершенно упустила из виду.

— Замолчи, хитрюга, злодейка! Мне пришлось пережить такое, что будь на моем месте молодой человек, он превратился бы в старика. И потом я видел своими глазами, что это тигр, а ты мне твердишь, что это чучело.

— Что я могу поделать,— сказала лиса,— коль у тебя нет ума? Разве можно так плохо думать о своих друзьях? Если ты поразмыслишь, то сам поймешь, что это был не тигр. Ведь если бы это был тигр, разве я повела бы тебя туда?

Осел приводил различные доводы, но у лисы на все был готов ответ. Наконец у осла не осталось никаких возражений, да и проголодался он изрядно, и лиса всякими хитростями и уловками опять повела его к тигру.

Тигр притаился и выжидал, когда осел подойдет поближе. Когда осел приблизился и тигр убедился, что осел уже не смо-

жет убежать, он бросился на него, схватил и переломил ему хребет. Потом сказал лисе:

— Побудь здесь, а я отлучусь на минутку попить воды.

Ушел тигр, а лиса тотчас принялась за осла: распорола ему брюхо, вытащила сердце, съела, вытерла рот и уселась как ни в чем не бывало.

Когда тигр вернулся, ему захотелось отведать сердца осла, а потом уже съесть все остальное. Поискал он, но сердца не нашел и сказал лисе:

— Лиса, а у этого осла сердца-то нет!

— Конечно, господин,— ответила лиса,— у него нет сердца.

— Что за чудо,— удивился тигр,— осел здесь, а сердца нет?!

— Ничего удивительного, что у него нет сердца. Было бы сердце, не пришел бы он сюда. У него не было сердца, вот он и явился к тебе, а ты его разорвал.

— Ты права,— сказал ей на это тигр.

37.

Злой человек не желает добра даже себе

Оказались трое мужчин попутчиками. Каждый стал спрашивать, куда идут другие и почему покинули свой дом.

Один рассказал, что решил покинуть свою страну, так как в их роду очень много красивых юношей и он не может видеть их красивую одежду, кольца, чалмы, туфли. Другой ответил, что он покидает дом по той же причине.

Третий сказал:

— Вы оба разгадали мое горе. У нас у всех одна причина.

Когда выяснилось, что положение их одинаково, они пошли вместе. Шли они по дороге и нашли кошелек. Решили: давайте поделим его содержимое и вернемся домой. Но никто из них не хотел, чтобы остальные получили свою долю. Они никак не могли разделить деньги, но не могли и расстаться с кошельком и уйти. Так и сидели они день и ночь без сна и еды, не замечая ничего вокруг.

Вдруг оказался в том месте падишах той страны со своими эмирами и везирами. Увидал людей и спросил, кто они и что здесь делают. Они рассказали ему все: как они сюда пришли,

как нашли кошелек, а сейчас ждут, что кто-нибудь придет и разрешит их спор.

Падишах сказал:

— Пусть каждый откроет мне меру своей злобы, и когда я узнаю все, я приму решение.

Один из сидящих сказал:

— Я хочу, чтобы никто из-за меня не радовался, чтобы я никогда никому не сделал никакого добра.

— Ты очень хороший человек, — сказал второй, — ты совсем не злой. Вот я — очень злой: если кто-нибудь сделает другому добро, то я долго печалюсь и расстраиваюсь.

Третий сказал:

— Вы оба — благородные люди, хотя в ваших сердцах и есть злость. А я вот настолько зол, что думаю, хоть бы мне никто никогда не делал добра, пусть бы добро и милость навсегда исчезли с лица земли!

Услыхал падишах эти слова, разинул рот от удивления и задумался. Долго он думал и наконец приказал первого человека изгнать из страны и отобрать у него все имущество — раз он не делает добра другим, то и ему не нужно делать добро.

Второго он приказал убить, так как тот очень страдает, когда кто-то делает добро другому. Поэтому лучше убить его, чем обречать на страдание.

Третьего он приказал заковать в цепи и бросить на солнце, чтобы тот умер в мучениях.

Все трое получили по заслугам за свое зло!

Приказ падишаха был тотчас выполнен.

38.

Три жулика

Один жулик отправился из Хорасана в Индию в надежде, что там ему удастся обмануть кого-нибудь, а двое других жуликов шли из Индии в Хорасан. Случилось так, что все они оказались в доме продавца сладостей. Хорасанец спросил:

— Куда вы путь держите?

Те ответили, что идут в Хорасан, чтобы обмануть кого-нибудь и добыть чего-нибудь.

— Очень хорошо делаете, — одобрил хорасанец.

— А ты куда идешь?

— Я с той же целью иду в Индию.

Жулики из Индии предложили выяснить, кто из них самый ловкий мошенник, и тот, кто выйдет победителем, получит с остальных по пятьсот золотых, а все остальные будут ему повиноваться.

Уселись они втроем и условились, что каждый расскажет какую-нибудь небылицу. Кто скажет, что это — ложь, тот проиграет.

— Начинайте вы, — сказал хорасанец.

И вот один из индийских жуликов начал свой рассказ:

— Мой отец был очень богат, добра у него было — не счесть. У него было несколько сот тысяч буйволиц. Каждая из них давала кувшины молока. Мой отец устроил в степи бассейн, выбелил его известью и квасил в нем молоко. Как только оно скисало, он пускал в бассейн несколько тысяч буйволиц. Они купались в молоке, сновали туда-сюда, барахтались и сбивали масло. Тогда отец выводил буйволиц из бассейна, спускал в бассейн плот, ставил на него большие глиняные кувшины и собирал масло деревянными лопатами. Соберет масло, откроет затычку и выпускает пахтанье из бассейна прямо в степь. А потом сливочное масло перетопит — сотни чанов топленого масла получается.

Хорасанец сказал:

— Да, конечно, раз были такие буйволицы, они действительно давали такое молоко, а из него, разумеется сбивали сливочное масло. И потом, конечно, получали много топленого масла.

Другой жулик рассказал:

— Мой отец тоже был очень богат. У него было несколько десятков миллионов кур. И когда наступала весна, он пускал к ним несколько сот тысяч петухов. Когда куры начинали нестись, вырастали целые горы яиц. Отец брал грабли и ворошил яйца. Пройдет дней двадцать, выводятся цыплята. Отец выпускал их в степь, а через некоторое время продавал и выручал за них большие деньги.

Хорасанец сказал:

— Да, и это верно. Если есть десятки миллионов кур, то, конечно, образуются горы яиц, а если яйца лежат грудями, их ворошат граблями. Ну, а если появляются цыплята, то, безус-

ловно, их продают за большие деньги. В ваших рассказах нет ничего удивительного.

Короче говоря, хорасанец заявил, что оба рассказа правдивы, что оба жулика рассказали сущую правду.

Затем начал рассказывать хорасанец:

— Мой отец был очень хороший человек. Нас было много братьев, но один из нас был шелудивый. Как-то голова у него стала кровоточить, и мы присыпали ему голову землей. В земле оказалось зернышко проса. Оно тотчас проросло. Росток рос, рос, а мы подсыпали к корешку землю. Когда он заколосился и созрел, зерна осыпались и появились другие ростки. Постепенно образовалось целое поле. Прошло некоторое время, и наступила засуха. И в какой бы стороне ни шли дожди, мы водили туда своего брата. Потом, когда просо созрело, мы наняли батраков, подняли их на голову брата, и они несколько месяцев убирали урожай. Потом мы подняли ему на голову быков, и батраки с их помощью начали молотьбу. Собрали очень много проса. Потом приходили люди и брали его в долг. Ваши отцы тоже приходили. Каждый из них взял проса на пятьсот золотых. Вот я и пришел к вам, может, получу деньги.

Жулики были поражены: что делать? Если скажем, что он лжет, то проиграем по пятьсот золотых, а если скажем, что это правда, то он все равно получит столько же.

В конце концов они отдали хорасанцу тысячу золотых, избавились от него и вернулись обратно. А хорасанец тоже пошел домой.

39.

Кольцо на память

Один человек был близким другом скупого. Однажды он пришел к нему и говорит:

— Я уезжаю в дальние странствия. Друг, дай мне свое кольцо. Всякий раз, как посмотрю на него, буду вспоминать тебя.

— Коли захочешь меня вспомнить, пустая рука будет лучше всего, — ответил скупой. — Как увидишь пустой палец, то и вспомнишь, вот, мол, просил у него кольцо, а он не дал!

40.

Умный факир *

Однажды эмир стрелял из лука. Были с ним и другие стрелки, но никто не попал в цель. В это время подошел факир и попросил милостыню. Эмир дал ему свой лук и стрелы и приказал стрелять. Тот взял лук и стрелы, прицелился и — на все божья воля! — поразил цель. Эмир очень обрадовался, дал ему сто золотых и сказал:

— Ну, а теперь иди!

— Я просил у тебя милостыню, — говорит факир, — а ты ничего мне не дал.

Эмира огорчили эти слова, он сказал:

— Я же только что дал тебе сто золотых, а ты говоришь, что ничего не получил.

— О повелитель мира! — сказал факир. — Сто золотых я получил за то, что попал в цель. Милостыню же мне никто не подал.

Эмир рассмеялся и дал ему еще денег.

41.

Умный судья

Один раб убежал от хозяина. Спустя несколько дней хозяин встретил его в другом городе. Он поймал раба и говорит:

— Ты почему убежал?

Раб тут же схватил его за полу и кричит:

— Ты мой раб! Ты утащил у меня деньги!

Наконец они оба пошли к кази * и попросили рассудить их по совести.

Кази поставил обоих около окна и велел им высунуть наружу головы. Когда они это сделали, кази приказал палачу:

— Руби голову рабу!

Раб, как услышал это, спрятал голову, а хозяин остался стоять на месте. После этого кази приказал наказать раба.

42.

Дрожь помогла

У одного поэта вышла какая-то оплошность с падишахом, и тот приказал казнить поэта у него на глазах.

Поэта охватила дрожь. Один из придворных стал стыдить его:

— Какая трусость! Где же мужество? Разве мужчинам пристало бояться?

— Эх, придворный! — ответил поэт. — Если ты мужчина, то стань на мое место, а я уйду.

Падишаху так понравились слова поэта, что он рассмеялся и простил его.

43.

Родственник

Один бедняк пришел к богачу и говорит ему:

— Мы оба дети одного отца — Адама и одной матери — Евы, поэтому мы с тобою — братья. Ты очень богатый, а я бедный. Давай поделись со мной!

Богатый выслушал его слова и дал ему кусок мяса.

— Господин! — сказал бедняк. — А почему ты не даешь мне третью часть имущества?

— Скажи и на том спасибо, — ответил богач. — Если другие братья узнают, то тебе и этого не достанется.

44.

А кто художник?

Один человек дружил с тигром. Вот шли они как-то вместе и увидели картину, на которой был изображен человек, повергший на землю тигра.

— Смотри, — сказал человек, — как человек побеждает тигра.

Тигр ответил:

— Картину ведь тоже человек нарисовал. Вот если бы ее рисовал тигр, было бы наоборот.

45.

Ощутимый ответ

Один человек задал факиру три вопроса:

— Во-первых, почему все говорят, что бог везде? Я же нигде его не видал. Покажи, где он! Во-вторых, почему человека наказывают, когда он провинится? Ведь все, что ни делается, от бога. Без веления бога человек бессилен. В-третьих, как же бог может наказывать сатану в огне ада, когда тот сам вышел из огня. Огонь на огонь не действует.

Факир взял ком земли и бросил его в голову человеку. Тот пошел и пожаловался судье. Судья позвал факира и спросил:

— Ты зачем бросил ком земли в голову этому человеку и не ответил на его вопросы?

— Тот ком земли был ему ответом, — сказал факир. — Он говорит, что у него болит голова: пусть он мне покажет место, где болит, тогда я покажу ему, где находится бог. И еще, почему он жалуется на меня? Ведь все, что происходит, от бога. Вот я и бил по велению бога, а не по своей воле. В-третьих, ведь он произошел из земли, а ком — тоже из земли. Разве землю землей можно ушибить?

От таких слов человеку стало стыдно, судья же был доволен ответом.

— Да будет слава твоим родителям! — сказал он факиру.

46.

Спор

Однажды падишах сидел на скамейке в дворцовом саду и увидел у стены человека, который поднимал в руке птицу. Падишах крикнул ему:

— Ты зачем показываешь мне эту птицу?

— Прошу прощения, я поспорил от твоего имени с одним человеком, выиграл эту птицу и принес ее тебе.

Падишах был доволен и отослал птицу на кухню.

Через два дня тот человек привел барашка и сказал:

— Этого я также выиграл на твое имя.

Падишах и барашка взял.

В третий раз он привел с собою какого-то человека. Падишах увидел его с пустыми руками и говорит:

— Сегодня ты ничего не принес?

— О повелитель! С этим человеком я держал спор на твое имя и проиграл две тысячи золотых. Вот он и пришел за деньгами.

Падишах улыбнулся, отдал деньги и сказал:

— Ты уж больше ни с кем не спорь от моего имени. Впредь я у тебя ничего не возьму и тебе ничего не дам.

47.

Умный везир

У одного падишаха был умный везир. Бросил он свою службу и стал усердно молиться богу. Падишах спросил своих советников:

— Вот уже несколько дней как нет везира. Что с ним?

— О наш повелитель! — ответили те. — Он бросил шахскую службу и стал служить богу.

Услыхал это падишах, сам пошел к везиру и спросил его:

— Что я сделал плохого, что ты оставил свою службу у меня?

— По пяти причинам я ушел от тебя, — сказал везир. — Во-первых, когда ты сидишь, я стою. Теперь же мой повелитель бог разрешает мне сидеть, когда я молюсь ему. Во-вторых, когда ты ел, то я смотрел на тебя. Сейчас же мой повелитель сам не ест, а посылает пищу мне. В-третьих, когда ты спал, то я не спал, оберегал тебя. Сейчас мой бог не спит, а я сплю. Он меня оберегает. В-четвертых, я всегда боялся, что если ты умрешь, то от моих врагов и недоброжелателей мне будет худо. Теперь же у меня такой владыка, который не умирает, да и врагов у меня не стало. В-пятых, я боялся, что, провинись я, ты бы меня не простил. Сейчас же мой бог такой добрый, что если даже я сто раз в день грешу, он мне все прощает.

Мудрый судья

Один человек оставил свои деньги меняле и уехал путешествовать. Когда он вернулся и потребовал назад свои деньги, то меняла стал отпираться и утверждать, что тот никаких денег ему не давал. Тогда человек пошел к судье и все ему рассказал. Судья приказал пока ничего никому не говорить и обещал разобратся в этом деле.

Через несколько дней судья позвал к себе менялу и сказал ему:

— Я один, а дел у меня много. Я даже разобрать их все не могу. Вот я и подумал, надо мне сделать тебя своим помощником. Ты ведь человек благочестивый и хорошо справишься с этим делом.

Меняла очень обрадовался и согласился.

Тогда судья призвал того человека и велел ему сейчас же пойти к меняле и потребовать у него свои деньги. Пришел человек к меняле, а тот, едва его увидел, закричал:

— Добро пожаловать, юноша! Очень хорошо, что ты пришел. Деньги-то твои, и правда, у меня в доме, но я совсем забыл о них, только вчера вспомнил.

Отдал меняла деньги и пошел к судье, думал, что тот возьмет его в помощники. Но судья увидел его и сказал:

— Я сегодня был при дворе падишаха и слышал, что он собирается поручить тебе большое дело. Ожидай, что ты получишь высокую должность. А я уж пайду себе какого-нибудь другого помощника.

Неблагодарный конь

Говорят, что один человек очень любил и берег своего коня. Днем и ночью он ухаживал за ним, утром и вечером купал, давал ему отдохнуть, кормил ячменной ардавой* и каждый день водил на берег арыка на зеленую травку. Там, где было много травы, он вбивал колышек, привязывал коня на длинную веревку и оставлял пасти на этом лугу. Конь то щипал траву, то

катался по ней, то скакал, задрал хвост, а хозяин глядел на него и радовался.

И вот однажды, когда хозяин вывел своего коня и спешился, конь вдруг встал на дыбы, задрал морду и ускакал. Всю сбрую — седло, уздечку и все, что на нем было, он уволок за собой. Целый день хозяин гонялся за ним, но ведь конь — это конь, человеку его не догнать. Наконец хозяин устал, а конь скрылся из глаз.

Когда наступил вечер, бедняга-хозяин усталый вернулся домой и без сил повалился на постель. Пришло время задавать корм — конь почувствовал голод. Он пытался дотянуться мордой до травы, но никак не мог этого сделать: ему мешала подпруга. Когда он хотел лечь, то одно стремя попадало ему под бок, а второе врезалось в другой. Даже отдохнуть он не мог, так всю ночь и простоял, словно часовый. На утро следующего дня конь все кружился на том же лугу. Вдруг ему попался арык, и он вошел в него. Арык был очень глубокий и многоводный, и вся сбруя коня вымокла в воде. Когда он с большим трудом выбрался из арыка, уже припекало солнце. Кожаная сбруя высохла, сильно сдавила ему бока. Куда он ни пойдет, сбруя за все цепляется, рвется, беспокоит его, натирает брюхо. Спина у коня болит, холка сбита — словом, все трудности, о которых он только слышал, выпали теперь на его долю. Голодный и обессиленный, он упал на землю.

Откуда ни возьмись появилась свинья. Пожалела она коня и спрашивает, как дошел он до такой жизни? Конь сказал, что он страдает из-за сбруи, вот если она немножко ослабит сбрую, то ему будет легче, а ей воздастся за доброе дело.

— Какой же проступок ты совершил, что сейчас так за него расплачиваешься? — спрашивает свинья.

— Я не знаю за собой никакой вины, из-за которой заслужил бы такие страдания, — отвечает конь.

— Нет, так не бывает, — возразила свинья. — Или ты лжешь, или ты глупец и не знаешь, что такое вина. Если ты лжешь, я не хочу тебе помогать. Мучайся, пока не умрешь. Я не хочу дружить с тобой. Ведь недаром люди говорят, что негоже дружить с человеком, имеющим плохой характер, — так и твой характер испортится. А если ты не понимаешь, что такое вина, так тебе и надо. Даже если ты избавишься от этой беды, то из-за своего невежества попадешь в еще большую.

Конь опять взмолился:

— Освободи меня.

Но свинья сказала:

— Скажи правду, тогда я тебя освобожу.

Начал конь рассказывать все по порядку.

— Теперь я вижу, что ты не глупец, — сказала свинья. — Ты совершил шесть проступков: оставил своего хозяина, забыл все доброе, что он сделал для тебя, заставил хозяина бегать за тобой, утащил за собой всю сбрую, понадеялся, что проживешь один, и не пытался исправить свою ошибку и вернуться к хозяину.

Конь понял свою вину и признал, что заслужил вдвое больше мучений.

— Ты сознался в своих проступках и признал свою вину. Вот за это я тебе помогу, — сказала свинья, обрезала ремни и освободила коня.

50.

Мечта раба

В прежние времена жил один человек. Однажды он пошел на базар купить раба. Пришел в лавку, видит стоит мальчик-раб. Человек говорит:

— Мальчик, ты хочешь, чтобы я купил тебя?

— Я раб, у меня нет воли.

— А как тебя зовут?

— Как тебе нравится, так и зови меня.

— А что ты будешь делать?

— Что хочешь, то и поручай мне.

— А какую одежду ты будешь носить?

— Какую дашь, такую и буду носить.

— А что будешь есть?

— Что дашь, то и буду есть.

Человек подумал, что это прекрасный раб, купил его и увел с собой. Раб попросил хозяина выслушать его и сказал, что днем он будет хорошо работать, ну а ночами пусть хозяин на него не рассчитывает. Хозяин согласился, и вскоре они пришли домой.

Раб делал все, что говорил хозяин, а когда наступала ночь, он уходил и пропадал где-то до утра. Короче говоря, вот так они и жили. Как-то хозяин задумал узнать, куда же раб ходит по

ночам? И вот однажды ночью он пошел вслед за ним. Видит: в старой разрушенной гробнице горит свет. Когда он подошел ближе, то разглядел светильник с горящей свечой и своего раба, который стоял и молился.

Помолившись, мальчик стал жаловаться богу:

— О могущественный! Ты знаешь о явных и тайных делах, ты помогаешь всем живущим исполнять их желания, так помоги же и ищущим смерти в выполнении их желания. Я бесмогущ, так исполни же и мое желание!

Услышав это, хозяин не вытерпел, упал к ногам мальчика и протянул к нему руки. Мальчик поднял глаза и сказал:

— Моя тайна раскрыта. Милостивый боже, меня не радует больше эта жизнь.

Хозяин подхватил его на руки, заглянул ему в лицо, но мальчик был уже мертв.

51.

О добре и зле

Жил на свете человек, и была у него привычка приходить ко двору падишаха и кричать: «Хорошим людям делай добро, а к плохим беда сама придет!» Другой человек рассердился на это и решил сделать так, чтобы тому запретили появляться при дворе. Он пришел к падишаху и сказал, что этот человек все время кричит: «У падишаха изо рта пахнет».

Падишах очень разгневался и спросил, как его можно опознать. Тогда доносчик предложил падишаху пригласить его к себе, а когда он приблизится, то его сразу можно будет узнать по тому, что он прикрывает рот рукой. Падишах согласился и обещал все выяснить. А доносчик тем временем пригласил этого человека к себе в гости и, когда угощал его, подложил ему в пищу лук. Гость откусывал, пришел ко двору, остановился на своем месте и начал кричать: «Делайте добро хорошим людям, а плохим довольно тех плохих дел, которые они сами делают».

Падишах подозвал его к себе и сказал, что для него есть дело. Когда этот человек приблизился к падишаху, то прикрыл рот рукой, чтобы от него не пахло луком. Падишах и поверил, что доносчик говорил ему правду. Тотчас же написал он письмо своему наместнику и передал с этим человеком. А в том письме

было написано: «Как только появится этот человек, убейте его, сдерите кожу, сделайте чучело и пришлите мне».

Обычно падишах вручал бумагу только тем, кого хотел паградить. Тот человек отправился в путь, а доносчик — за ним. Попросил доносчик передать ему эту бумагу, тот и отдал. Доносчик принес бумагу прямо наместнику. Тот прочитал, позвал палача и приказал ему убить доносчика и содрать с него кожу.

— Почему ты так поступаешь? — спросил доносчик.

А наместник ответил:

— Падишах приказал убить того человека, который доставит эту бумагу.

Доносчик закричал:

— Подожди! Эта бумага предназначена для другого человека. Я сейчас его приведу!

Но наместник сказал:

— В письме падишаха не говорится, что надо подождать.

Тут пришел палач, отрубил доносчику голову, содрал кожу, набил ее соломой и послал падишаху.

Наутро тот человек по своему обыкновению появился при дворе и закричал: «Человек должен хорошо поступать с хорошими людьми, а плохим людям пусть плохо не делает, они и так плохи!» Падишах удивился и спросил:

— А что ты сделал с той бумагой?

— Тот человек попросил у меня эту бумагу, я ему и отдал.

— Ты говорил, что у меня изо рта пахнет?

— Никогда я этого не говорил.

— Почему же в тот день, когда ты приблизился ко мне, ты прикрывал рот рукой?

— Да тот человек дал мне лук, а я подумал, как бы запах лука не дошел до падишаха.

— Верно ты говоришь, что плохие люди сами найдут себе наказание за свои плохие дела. Вот тот человек и поплатился за свое зло! А ты ступай и кричи так и дальше.

52.

Добрый совет

Один человек собирался в путешествие и спросил у хакима *:

— С кем мне дружить и кого остерегаться в пути?

Хаким ответил:

— Остерегайся людей, которые не признают благотворительности, злятся без причины, не задумываются о смертном часе, лжецов, тщеславных, бесстыдных и подозрительных, а дружи с теми, которые признают добро, в беде не покидают друга, у которых слово не расходится с делом, которые не страдают высокомерием, которые действуют по разуму, а не по злобе, которые щедры, обходительны и добродетельны.

Этот человек воспользовался советами хакима и вернулся домой очень довольным, ибо избежал многих неприятностей.

53.

Петух и сокол

Дружил петух с соколом, и в течение долгого времени жили они вместе. Вот однажды сокол и говорит:

— Эй, петух, вся твоя порода неверная и неблагодарная.

Петух отвечает:

— Почему это ты считаешь, что мы неверные и неблагодарные?

— Да вижу я,— говорит сокол,— что хозяева поят вас водой из плошки, кормят кукурузой, пшеницей и ячменем. А вы, несмотря на это, как никто другой стараетесь от них удрать! А мы вот не такие! Если кто-нибудь из нас попадает в руки к человеку, будь то сокол, или ястреб-перепелятник, или ястреб-бвук, обученный ястреб или дикий, то люди сначала завязывают ему глаза, не дают пить и есть, держат в темноте, и все это для того, чтобы помучить его! А потом, когда ему откроют глаза, то понемногу дают мясо, чтобы он не боялся людей. Затем привязывают его на длинную веревку и пускают на петуха или куропатку, на кулика или ворону, на утку, на перепелку или на воробья, которые тоже привязаны на веревку, и у них подрезаны крылья. Проголодавшийся сокол с большой охотой набрасывается на эту птичку, но тут хозяин отнимает его добычу.

Когда сокола совсем приручат, то снимают с него веревку и пускают на птиц, и таким образом с его помощью охотятся. Иногда сокол залетает так далеко, что совершенно скрывается с глаз. Но, несмотря на все мучения, сокол всегда возвращается к своему хозяину и никуда не улетает. Вот какие мы преданные и благодарные!

Петух, когда услышал это, так расхохотался, что даже повалился на спину:

— Почему ты смеешься? — спросил сокол. — Разве я в чем-нибудь ошибся или солгал?

Петух ответил:

— Меня рассмешила твоя глупость.

— А в чем дело? — спросил сокол.

Петух ответил:

— Если бы каждый день одного из вас ловили и резали, отрубали голову, потрошили, жарили на огне или варили в глиняном горшке, то скажи правду, разве не улетали бы вы в небо?

— Конечно, ты прав. Я об этом не подумал. Теперь я все понял, — сказал сокол.

54.

Хитроумный раб

В книгах пишут, что мудрец Лукман когда-то был рабом — черным, некрасивым, но очень умным. Однажды хозяин привел его на базар продавать. Там оказался какой-то землевладелец. Он купил его у хозяина и повел к себе. Наступила ночь, хозяин уснул, а раб нашел подходящее место и помолился богу. Когда прошла третья часть ночи, он пришел и сказал хозяину:

— Господин, вставай, если хочешь попасть в рай и избежать ада.

Хозяин ответил:

— Дай мне поспать. Бог милостив.

Раб ушел, а когда истекла вторая треть ночи, он опять появился и сказал:

— Вставай, господин, чтобы приготовиться к будущей жизни.

Тот пробормотал:

— Замолчи, меня сон одолевает. Господь простит.

Лукман ушел на свое место, а когда настало утро, то снова пришел и сказал:

— Милостивый господин, люди, звери и птицы — все хвалят бога. Если ты хочешь себе добра, то время заняться молитвой.

— Оставь ты меня в покое хоть минутку, — воскликнул хозяин.

Лукман ушел и стал совершать утренний намаз *. Когда он помолился, встал и хозяин, приготовил ему плуг, лемех, гужи, насыпал в короб десять сиров * ячменя, вывел быков для пахоты и сказал:

— В таком-то месте спроси у кого-нибудь, где наше поле, тебе каждый покажет. Посей зерно, пробороной землю, а я, немного погодя, приду к тебе. А если я не приду, то ты закончи работу и возвращайся домой.

Лукман вышел из дома, зашел к соседу, поменял у него ячмень на просо, пришел на поле и вспахал его. К вечеру он пробороновал поле, а хозяин так и не пришел. Вспахав все поле и посеяв семена, Лукман пошел домой.

Через некоторое время хозяин позвал Лукмана пойти посмотреть всходы. Пришли на поле. Хозяин смотрел, смотрел и видит, что ячменя нет.

— Лукман, это не ячмень, а что-то другое, — сказал он.

Лукман ответил:

— Да, господин. Это просо. Я ведь не сеял ячмень.

— Как? Я давал тебе ячмень, а ты посеял просо!

— Ладно, господин, не печалься. Бог милостив, он даст ячмень.

— Ты прав, Лукман, бог милостив. Но ведь ты сеял просо, как же получится ячмень?

— А точно так же, как ты, господин, беззаботно спишь, а хочешь стать праведником!

55.

Хитрая зайчиха

В одном лесу поселился тигр, и все звери того леса очень страдали от этого соседства. И вот однажды посоветовались они, отправились к тигру и сказали:

— Каждый день мы добровольно будем платить тебе дань, а ты принимай ее и больше не беспокой нас.

— Хорошо вы говорите, только я вам не верю. За всю жизнь я никогда не видел ни от кого добра. Наоборот, каждый старался причинить мне зло.

— Надо надеяться на лучшее. Ведь как ни старайся, а от судьбы не уйдешь!

— Надежда вещь хорошая, но и усердие — дело неплохое. Ведь люди-то не сидят сложа руки.

— Это оттого, что у человека мало веры и он редко надеется на бога.

— Это действительно так. Когда человек выходит из дома, то он спускается постепенно по ступенькам и никогда не бросается вниз. Ясно, что разум и глаза даны человеку не зря, все это дано богом недаром: глазами — глядят, руками — берут, ушами — слушают, ногами — ходят, ртом — едят. Не только каждая часть тела, но и каждая живая тварь имеет свое назначение. И если бы усердие не было хорошим делом, то его и не было бы. Но когда человек и усердие прилагает, и на бога надеется, то это еще лучше...

Звери сейчас же зашумели и засмеялись.

— А не слышал ты, как в одном селе началась холера и какой-то человек, чтобы избежать смерти, укрылся в пещере. Там на него свалился камень, и он умер. Видишь, старания его ему не помогли!

— Вы говорите неубедительно. Разве вы не помните, что когда бог спас Ноя, он приказал ему построить корабль, хотя мог спасти его и без этого. Он поступил так, чтобы его дети поняли, что усердие — вещь хорошая.

— Мы согласны, что усердие — вещь хорошая, но и надежда ведь тоже усердие. Почему же тебе не нравится такого рода усердие и рвение?

Короче говоря, звери одержали победу: тигру нечего было возразить, и он согласился. После этого газели, шакалы, зайцы и лисы стали бросать жребий и посылать тигру очередную жертву. А тигр решил, что он всегда будет получать пищу без труда, значит, незачем себя утруждать. Когда подходила чья-нибудь очередь, тот шел к тигру, а остальные бегали по лесу.

И вот, когда подошла очередь зайчихи, она сказала своим соплеменникам:

— До каких же пор мы будем страдать под этим гнетом?

— Не говори так. До сих пор, когда приходила чья-нибудь очередь, никто не уклонялся от своей участи. Это нечестно. Мы ведь сами обещали тигру присылать дань, а теперь отказываемся.

— Если вы меня послушаетесь, то я избавлю вас всех от этой напасти.

— Э, глупая! Что ты придумала? Погляди-ка ты на себя,

постыдись своих ушей. Подумай, ведь тебя и назвать-то можно только зайчихой.

— Разумом и знаниями бог награждает человека, но и маленький зверек может совершить такое дело, которое удивит больших. Вы видите, как мала пчела, но какой красивый дом она строит.

— Мы беспокоимся не потому, что ты избавишь нас от этой беды, а потому, что не считаем это дело возможным. Как бы из этого не получилось чего-нибудь плохого! Но если ты уже что-нибудь придумала, скажи нам, чтобы мы посоветовались. Ведь единство и совет друзей — хорошее дело.

— Нехорошо оповещать всех и обо всем. Ведь даже зеркало, у которого ясная поверхность, затуманивается, когда возле него разговаривают и дышат на него. И вообще следует скрывать все подробности о себе, время отъезда и путь, по которому собираешься идти.

— Совет и обсуждение — это тоже благо, а ты такой туман паводишь, что остальным ничего не понять.

— Это действительно так, но кто может быть уверен в том, что результаты нашего совета не будут переданы врагу?

Короче говоря, она оставила свои замыслы о том, как проучить тигра, при себе. Когда наступило время идти, она сразу не пошла, а немножко задержалась. Тигр пришел в ярость и подумал, что он совершил большую глупость, когда поверил этим бездельникам, и поклялся никогда больше им не верить. Злой-презлой смотрел он на дорогу: не идет ли кто?

А зайчиха еле-еле плелась по дороге, а про себя размышляла. Когда она стала видна тигру, то помчалась во весь дух. Тигр нахмурился и с недовольным видом сказал:

— Эй, негодница, почему ты так задержалась? Не думаешь ли ты, что я могу одним зайцем насытиться дважды? И ты еще заставляешь меня ждать. Если бы я вам не обещал, то ел бы, что хотел, а теперь вот согласился на ваши уговоры и все глаза проглядел на дорогу. А вы мне прислали такой маленький кусочек мяса.

— Милостивый, если ты пожелаешь выслушать, то я расскажу, в чем дело. А если ты не позволишь мне говорить, то я ничего не скажу.

— Замолчи, глупая! Что ты за зверь такой и чего стоит твоё извинение?

— Милостивый, ты — властелин, и, если ты выслушаешь та-

кое маленькое, слабое создание, как я, и узнаешь, какие трудности встретились у меня на пути, ты от этого не пострадаешь, а у меня будет спокойно на душе.

— Конечно, я выслушаю тебя, если твоя речь будет разумной, и приму ее к сведению.

— Да падут на меня твои горести! Ранним утром я и моя подружка отправились к тебе. Едучи на пути попался другой тигр. Мы вначале подумали, что это ты, но когда он бросился на нас, мы поняли, что это другой тигр. Убедившись в этом, я крикнула ему: «Берегись, не трогай нас! Мы предназначены для своего властелина». Он разозлился на меня и зарычал: «Замолчи! Как ты смеешь при мне говорить о ком-то другом? Я сейчас разорву тебя на куски и вашего властелина тоже». Я стала умолять его: «Отпусти меня, чтобы я сама доложила обо всем своему властелину». «Я тебя отпущу только в том случае, если ты оставишь свою подружку», — сказал он. И так как ничего другого не оставалось, я оставила подружку и прибежала сюда, подумав, что если не двух, то хоть одну меня ты съешь. Но не надейся больше получить еще кого-нибудь, потому что дорога из-за этого тигра закрыта. И если ты хочешь выполнить свои обязанности, то сейчас же пойдешь и освободи дорогу.

Тигр вскочил и свирепо зарычал:

— Где он? В каком месте? Покажи-ка мне его. Если он действительно там, то я с ним расправлюсь, а если нет, то я знаю, что сделать с тобой, чтобы другим было неповадно лгать.

Короче говоря, тигр и зайчиха отправились. Когда они подошли к колодцу, зайчиха остановилась. Тигр спросил:

— Почему ты остановилась?

— Милостивый, видишь, как я пожелтела от страха?

— В чем же дело?

— В этом колодце и сидит тот тигр, а моя подружка рядом с ним.

— Покажи мне его!

— Мне страшно. Но если ты возьмешь меня под мышку, то я не буду бояться.

Тигр схватил зайчиху под мышку и нагнулся к колодцу. Он увидел свое отражение в воде и подумал, что это другой тигр. Тотчас отшвырнул он зайчиху и прыгнул в колодец, а обратно подняться не смог! Колодец был глубокий, и он утонул, а зайчиха сообщила своим соплеменникам эту радостную весть. Все хвалили ее и поздравляли.

Купец и попугай

Один купец собирался отправиться в Индию. Он собрал всех домохозяев и спросил у каждого, что ему привезти из Индии. И каждый говорил ему о той вещи, которую ему хотелось получить. У этого купца жил попугай в клетке, он и у него спросил:

— А тебе что привезти? Я еду в Индию, это ведь твоя родина. Скажи, чего тебе хочется?

Попугай сказал:

— Сделай такую милость, пойди в лес, там на ветвях сидят попугаи. Сначала передай им от меня привет, а потом скажи, что один попугай живет в неволе. Какая же это дружба? Я сижу в клетке, а они беззаботно летают. А их ответ, пожалуйста, передай мне.

Купец охотно согласился выполнить его просьбу. Затем он собрал свое имущество и отправился в Индию. Когда он пришел в лес, увидел там попугаев, то вспомнил о своем обещании.

— Эй, попугаи! Один ваш собрат томится в клетке у меня дома. Он просил передать вам привет и сказать, что он томится в неволе, а вы тут беззаботно летаете, — сказал купец.

Услыхал его слова старший из попугаев, задрожал, забился, упал на землю и умер. Увидев это, купец сильно опечалился и раскаялся в своих словах. Он ругал себя, думая, что бедный попугай погиб ни за что. Наверно, эти попугаи были родственниками, дружили и очень любили друг друга, вот потому-то бедный попугай, узнав о страданиях друга, умер. Постоял купец в раздумье и печальный пошел домой.

Закончил он свои дела в Индии и отправился на родину. Дома его радостно встретили, а он раздал каждому по подарку: кому — лунги *, кому — кусок ткани на рубашку, кому — на штаны, кому — на платок, кому — на чалму, кому — пояс, девочкам — туфли, а старым женщинам — серьги и платки.

Попугай спросил его:

— Ты выполнил просьбу каждого, что ты мне скажешь?

— Я раскаиваюсь, что выполнил твою просьбу. Как же рассказать тебе о твоих братьях?

— Ничего, говори, что же тут рассказывать?

— Тебе же будет лучше, если я не скажу.

— Ты ведь сам по доброте своей предложил исполнить мою

просьбу, а сейчас не хочешь говорить. Не хочешь — не надо. Я не могу тебя заставить.

Купец понял, что попугай очень огорчен, и сказал:

— Дело было так. Я шел по лесу, увидел попугаев, передал им твой привет и поведал о твоей печали. Когда я кончил говорить, один попугай неожиданно умер. Я очень раскаялся, опечалился и подумал, что лучше бы я не говорил об этом.

Его попугай услышал это, тоже задрожал, забился, затрясся, упал и умер. Купец заплакал и запричитал. Вытащил его из клетки и положил на землю, а попугай сейчас же взлетел и уселся высоко, высоко. Купец удивился и спросил:

— Эй, попугай! Что было, то было! Но объясни мне, как все это получилось?

— Ведь тот попугай прислал мне весточку, но ты ее не понял. Он показал мне, что нужно притвориться мертвым и тогда я освобожусь, а живым мне из клетки не выйти. Я понял, в чем мое спасение,— вот так я и освободился. А за то, что ты кормил меня,— спасибо. Прости меня, теперь ведь я свободен!

— Я тебя прощаю. Да хранит тебя бог!

И попугай улетел.

57.

Дерево жизни

Один ученый-богослов рассказал падишаху, что в Индии растет дерево: кто съест его плод, никогда не состарится и не умрет. Падишах заинтересовался и задумал найти то дерево, но не спросил, где оно растет и какое оно. Он отправил в Индию своего человека, дал ему много добра и сказал:

— Трать это богатство, я тебе еще пришло. Но когда вернешься, обязательно принеси мне плод с этого дерева.

Посланец отправился в Индию и повсюду расспрашивал людей о дереве, от плодов которого человек будет вечно жить и никогда не состарится. Кто над ним смеялся, кто подшучивал, кто считал сумасшедшим, а кто отвечал, что не знает. Но раз он ищет такое дерево, значит, где-то оно есть. Кое-кто говорил, что в одном лесу растет очень большое дерево, такое высокое, что вершины не видать, а плоды не достать. Если это правда, то нет сомнения, что это то самое дерево.

Так каждый подшучивал над ним, а он бродил по лесам и горам, по пустыням и степям. Короче говоря, ходил он, ходил, расспрашивал, расспрашивал, но ничего не узнал и уже собирался отправиться на родину. Опечаленный, он думал, как ему теперь оправдаться перед падишахом.

Однажды ночью он услышал, что в одном селе живет один хороший человек — мудрый богослов. Посыльный подумал: «Пойду-ка я к нему. Пусть помолится за меня». Пришел к ученому-богослову и попросил:

— Господин, помолись за меня, чтобы я благополучно добрался домой.

Богослов помолился за него и спросил:

— А куда ты ходил?

И посыльный рассказал ему обо всем.

Услышал это мудрец и сказал:

— Вы не поняли, о чем говорил тот ученый. То дерево не что иное, как наука: кто вкусит ее плод, тот будет жить вечно. А его слова о вечной жизни надо понимать так: кто съест плод, будет признавать бога, будет знать, где добро, где зло, будет творить добро и избегать зла, будет сочинять книги и оставит после себя учеников. А когда душа его покинет тело — тоже не беда: там будет жить его дух, а здесь — имя. И вознаграждение ему будет такое же, как и живому человеку, делающему добро.

— Мы ведь тоже кое-что смыслим, мы не невежды! Если бы он имел в виду науку, то мы бы поняли, что он говорит о пауке, но он перед всем народом упоминал о дереве, и каждый понимает, что наука — это одно, а дерево — другое.

— Ты опять ничего не уразумел. Тебе, видно, нужен пример, чтобы ты понял. Каждый человек кому-то отец, кому-то сын, кому-то внук, кому-то дед, кому-то племянник, кому-то дядя, кому-то двоюродный брат, чей-то знакомый, чей-то враг и чей-то друг. И все это один и тот же человек. Можно ли его назвать одним из этих слов?

— Конечно, можно.

— Науку тоже можно назвать двумя словами. Хочешь — называй ее наукой, а хочешь — деревом жизни. Оба слова обозначают одно и то же.

Услышал это посланец, успокоился и отправился домой. Когда он пришел в свой город, падишах встретил его с надеждой и спросил, нашел ли он то дерево? Посыльный рассказал ему обо всех трудностях, как он бродил по лесам и горам, как над

ним смеялись люди. Падишах опечалился и сказал, что все его старания были напрасны: ведь он не выполнил свою задачу.

Затем посланный подробно пересказал ему слова ученого-богослова. Падишах обрадовался и щедро наградил того человека, а сам всю оставшуюся жизнь провел в заботе о науке и ученых. Падишах объявил: пусть знает каждый, что учиться следует и молодому, и старому.

58.

Купец и караванщик

Один купец передал караванщику несколько тюков шелка и попросил доставить его в Стамбул, а сам пошел за караваном. Прошел полпути, заболел и не смог догнать караван.

Когда купец отстал и не явился в назначенный срок за своим грузом, караванщик подумал, что купец умер, и стал распродавать шелк и верблюдов. Спустя некоторое время прибыл купец и начал расспрашивать о караванщике, нашел его и сказал:

— Принеси шелк, а если его уже нет, то скажи, что ты сделал с моим имуществом?

— Я тебя не знаю и не видал твоего имущества!

— Да разве я не заплатил тебе за доставку шелка?

— Ты ошибся. Ищи среди караванщиков, при чем тут я?

После долгих споров дело дошло до судьи. Судья спросил купца:

— Какой у тебя к нему иск?

— Я заплатил ему за доставку шелка в Стамбул, а сейчас, когда я у него требую шелк, он мне его не отдает.

— Ты можешь что-нибудь на это ответить?

— Что я могу ответить? Я и караванщиком-то не был.

— Купец, у тебя есть свидетели?

— Господин, в таких случаях ведь никто не берет свидетелей.

— Ступайте, глупцы! Что вы попусту болтаете!

Когда они пошли, судья закричал:

— Эй, караванщик, подожди, у меня к тебе дело есть.

Караванщик быстро обернулся, и судья понял, что он в самом деле караванщик. Он вернул его обратно и возвратил имущество купцу. А за то, что караванщик говорил неправду, строго его наказал.

ПРИМЕЧАНИЯ К ПЕРЕВОДУ

Абдулхамид — Абдулхамид Моманд — выдающийся афганский поэт (ум. около 1732 г.), известный философскими и лирическими стихами.
Абдуррахман — Абдуррахман (Рахман Баба) выдающийся афганский поэт-мистик (1632—1707). Среди афганцев пользуется большой популярностью.

Алим — ученый-богослов, мудрец.

Амир Хамза — известный современный афганский поэт, пишет на пушту.
Ардава (Ардаба) — болтушка из ячменя или пшеницы, употребляемая как корм для скота.

Атан — национальный афганский танец.

Афгани — монета, денежная единица Афганистана.

Афридии — афганское племя, большая часть которого живет в Тира (Западный Пакистан).

Ашрафи — старинная золотая монета.

Аяз — известный раб-фаворит шаха Махмуда Газневи.

Баба — букв. «отец», почтительное добавление к имени уважаемых людей, стариков.

Бадара и Гуландама — красавицы, популярные героини фольклора и классической литературы.

Банг — наркотическое вещество, получаемое из индийской конопли.

Бахшиш — подношение; награда; чаевые.

Биби — госпожа, почтительное обращение к женщине.

Вазифа — пожертвование, которое дается талибам.

Вальвар — выкуп за невесту, калым.

Газель — лирическое стихотворение-песня.

Гяз — мера длины, около метра.

Дарбар — приемный зал или зал совета в царском дворце; также аудиенция.

Джидда — плодовое дерево, цветы которого обладают приятным запахом.

Динар — старинная золотая монета.

Дукан — лавка, мастерская ремесленника.

Зиярат — паломничество, посещение святых мест.

Иса — Иисус Христос, которого мусульмане считают одним из почитаемых пророков.

Каба — мужская длинная верхняя одежда.
 Кази — мусульманский судья.
 Калам — тростниковое перо, распространенное прежде на Востоке.
 Кало-хан — селение в округе Мардан в Пакистане.
 Каф — легендарные горы, по преданию, окружающие землю.
 Кафир — неверный; так мусульмане называют иноверцев.
 Качколь — чаша для подаваний у дервишей.
 Котваль — здесь — начальник царской стражи.
 Курух — мера пути, около 3 км.
 Ландый — двустипшие в афганском фольклоре; первая строка имеет 9 слогов, а вторая — 13.
 Лейла — героиня предания о несчастной любви, ее имя стало символом возлюбленной.
 Лой ахтар — афганское название мусульманского праздника курбан-байрам.
 Лунги — полоса шелковой или хлопчатобумажной ткани, используемая как пояс или чалма.
 Маглузи — сорт табака.
 Мадахейли — пуштунское племя, которое входит в группу племен юсуф-заев.
 Маджлис — собрание, прием.
 Маджлисий — девушка, которую приглашают к дочери падишаха, чтобы развлекать ее.
 Маджхун — герой известной легенды о несчастной любви, синоним безнадёжно влюбленного.
 Маздур — наемный работник, поденщик.
 Маланг — дервиш, род нищенствующего мопаха.
 Малик — у афганцев — староста, старейшина рода.
 Ман — мера веса (различная в разных районах).
 Махмуд Газневи (997—1030) — правитель из династии Газневидов, завоевавший обширные земли в Иране, Афганистане, Средней Азии и Индии.
 Медресе (мадраса) — духовное училище.
 Мисрый — полустипшие в афганской литературе.
 Мурид — ученик, последователь духовного наставника.
 Муфти — главный судья, выносящий решение по спорным вопросам мусульманского права.
 Наваб — зд. богатый, знатный человек.
 Намаз — молитвенный обряд, совершаемый мусульманами пять раз в день.
 Нара — стихотворение-песня, род частушки, с помощью которых часто объясняются друг с другом герои сказок и легенд.
 Насвар — жевательный табак.
 Нимрод — легендарный царь-тиран, аналогичный библейскому Ироду.
 Ныневате — афганский национальный обычай, по которому к противнику обращаются с просьбой о прощении, помощи.
 Пайса — мелкая монета.
 Паланг — деревянная кровать, часто нарядно изукрашенная.
 Пуштуны — афганцы, племена, говорящие на пушту.
 Пезван — женское украшение, кольцо в носдре.
 Пир — духовный наставник.

Пророк Хизр — почитаемый мусульманами мифический святой.
Рабаб — струнный музыкальный инструмент.
Разары — пуштунское племя, которое входит в группу племен юсуфзаев.
Саз — струнный музыкальный инструмент.
Сардар — военачальник, князь.
Сеид — потомок пророка Мухаммада.
Сеистан — область и историческая провинция во внутренней части Иранского нагорья.
Сир — мера веса, около 75 г.
Сират — по мусульманским верованиям, мост, по которому души умерших будут переходить в рай в день Страшного суда. Для грешников он будет тоньше волоска, а для праведников — широкой дорогой.
Спелани — дикая рута, которой в Афганистане окуривают от «дурного глаза».
Субадар — наместник, правитель, позднее — генерал-губернатор.
Судейман — библейский Соломон, который почитается мусульманами как легендарный царь, наделенный властью над царством духов.
Суннат — обряд обрезания, который торжественно отмечается в мусульманских семьях.
Табии — лекарь, врач.
Талиб — учащийся духовной школы.
Тарины — пуштунское племя, проживающее в Пакистане.
Факир — странствующий дервиш.
Фатиха — первая сура Корана, ее обычно читают как молитву по усопшему.
Хадис — предание о деяниях пророка Мухаммада, имеющее правоучительный или законополагающий смысл.
Хаким — правитель области.
Харвар — мера веса, около 565 кг.
Хатим Таи — герой многих легенд, олицетворение гостеприимства и щедрости.
Хикаят — анекдот, рассказ.
Хорасан — область на северо-востоке Ирана.
Худжра — помещение для гостей в деревне; здесь часто собираются жители села.
Чарак — мера веса, около 1,7 кг.
Чурындак — птица славка.
Шар — крупное селение в Западном Пакистане.
Шариат — свод бытовых и религиозных норм мусульманского права.
Шахид — «мученик за веру», мусульманский святой.
Шейх Саади — Саади (1203—1292) — великий персидский поэт, широко известный в странах Ближнего Востока, где его почитают как «святого мудреца».
Шиназ — большой бурдюк для переправы через реку.
Юсуфзаи — афганское племенное объединение.
«Ягистан» — полоса независимых племен на границе с Афганистаном в Западном Пакистане.

ТИПОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ СЮЖЕТОВ И МОТИВОВ *

Сюжеты и мотивы сказок определены в основном по указателям Аарне-Томпсона. Поскольку не все сказки укладываются в схему, привлечены были некоторые другие источники. В тех случаях, когда не удавалось определить сюжет сказки по указателям или он был определен только приблизительно, приведены параллели из сборников фольклора народов Востока.

Если текст сказки лишь приблизительно соответствует типу, перед ссылкой ставится сокращение «ср.» («сравни»); если сюжет, данный в источнике, включает не всю сказку, а только отдельный эпизод или часть сказки, ссылка берется в круглые скобки. Несколько разных сюжетов, входящих в сказку, соединяются знаком плюс (+).

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

Справочники

- Ап — Н. П. Андреев, Указатель сказочных сюжетов по системе Аарне, Л., 1929.
- AaTh — The Types of the Folktale. A classification and bibliography Antti Aarne's Verzeichnis der Märchentypen (FF Communications № 3). Translated and enlarged by Stith Thompson. 2-d rev., Helsinki, 1961 (FFC № 184).
- Chauvin — V. Chauvin, Bibliographie des ouvrages arabes, 8, Liege, 1904.
- EbBo — W. Eberhard und P. N. Boratav, Typen türkischer Volksmärchen, Wiesbaden, 1953.
- Mot. — Stith Thompson, Motif-Index of Folk-Literature, vol. 1—6, Copenhagen and Bloomington, 1955—1958.

* Составлен А. Яскеляйн.

- Анекдоты о ходже Насреддине. Пер. с турецкого В. А. Гордлевского. Изд. 2-е, М., 1957.
- Грузинские народные сказки (сто сказок). Сост. Н. И. Долидзе, Тбилиси, 1956.
- Курдские народные сказки. Запись текстов, перевод, предисл. и прим. М. Б. Руденко, М., 1970 («Сказки и мифы народов Востока»).
- Панчатантра. Перевод с санскрита и прим. А. Я. Сыркина, М., 1958 («Литературные памятники»).
- Персидские анекдоты. Перевод М. Ашрафи и др. под ред. А. Нушина, М., 1963.
- Сказки народов Востока. Сост. И. С. Быстров и др., М., 1967 (АН СССР, Ин-т народов Азии. Ленингр. гос. ун-т им. А. А. Жданова).
- Сказки народов Дагестана. Перевод сотрудников Сектора литературы и народного творчества ИИЯЛ ДагФАН. Сост. и автор прим. Х. Халилов, М., 1965 («Сказки и мифы народов Востока»).
- Таджикский народный юмор. Собрал А. Дехоти, Душанбе, 1965.
- С. Хайдари. Сказки попугая, М.—Л., 1933.
- Der Hodscha Nasreddin. Gesam. und herausgegeben von A. Wesselski, I, Weimar, 1911.

I. ВОЛШЕБНЫЕ СКАЗКИ И ЛЕГЕНДЫ

- № 1. (Ан891) + (АаTh563 I) + (АаTh518); Mot. D832, K342, D1155, D1203, D1401.I.
- № 2. Ср. АаTh514; Mot. N771, N773, D926, D12, D11.
- № 3. Ср. EbBo161 II, Ср. АаTh327; Mot. T511.2, L112.2, R155.1, G401, G11.3, K605.
- № 4. (EbBo204,3); Mot. Q465, G265.3, K2213.3, K2213.6, D141, D132.2.
- № 5. Ср. АаTh554; Mot. D1454.2.1, B350, B582.2, B582.2.2, B571, H1091.1.
- № 6. (EbBo174,1—5,10) + (АаTh554) + (АаTh854), Ср. АаTh567; Mot. M312.3, H171.2, K1341, B350, B582.2, B381, B571, H1091.1.
- № 7 — № 10 — Легенды.
- № 12. (EbBo359,2) + (АаTh1380) + (АаTh1536B); Mot. K1971.1, K1553, K2322.
- № 13. «Сказки попугая», рассказ 8.
- № 14. Ср. АаTh516; Mot. T 11.3.
- № 15. EbBo289; Mot. E34; «Сказки попугая», рассказ 26.
- № 16. Легенда о царе Ироде и рождении Христа.
- № 18. АаTh612; Mot. M254, E165, K2213.5.
- № 20. EhBo127, Ср. АаTh460B, Ср. АаTh461 111; Mot. H1281, H1291, H1292, H1292.2.
- № 21. (АаTh910) + (EbBo123); Mot. J163.4, J21, J1162.2. Эпизод с лестницей ср. «Сказки народов Дагестана», № 73.
- № 22. АаTh655 + АаTh976.

II. БЫТОВЫЕ СКАЗКИ И ХИКАЯТЫ

- № 3. «Der Hodscha Nasreddin», Bd 1, № 231.
- № 4. Mot. J2317.
- № 5. Mot. J1919.1, «Der Hodscha Nasreddin», Bd 1, № 37.

- № 7. «Анекдоты о ходже Насреддине», № 270.
№ 8. Mot. L392; «Панчатантра», кн. 13, рассказ 13.
№ 10. EbBo55. AaTh150: Mot. K604, J21.12, J21.13.
№ 11. AaTh1353. Cp. AaTh1573; Mot. K1085.
№ 12. Mot. J1115.2; «Сказки народов Востока», стр. 24.
№ 13. «Персидские анекдоты», № 319.
№ 14. AaTh155; Mot. W154.2.1, J1172.3; «Сказки народов Дагестана», № 85.
№ 17. «Анекдоты о ходже Насреддине», № 276.
№ 18. Mot. J1172.1.
№ 19. AaTh670; Mot. B216, N456, T252.3, T252.2.
№ 22. Mot. N333.2.
№ 24. AaTh745; Mot. N212.
№ 26. Mot. J681.1.
№ 28. «Анекдоты о ходже Насреддине», № 107.
№ 29. EbBo344; cp. AaTh951A.
№ 31. Cp. AaTh1626; Mot. J1451; Mot. U30; cp. хикаяты № 32 и 33.
№ 32. Mot. U30; cp. хикаяты № 31 и 33.
№ 33. AaTh51; Mot. U30; cp. хикаяты № 31 и 32.
№ 35. Cp. AaTh125, AaTh126; Mot. K1715.2; «Сказки попутая», рассказ 16.
№ 36. AaTh52; «Панчатантра», кн. 4, рассказ 2.
№ 38. Cp. AaTh1920, cp. AaTh852; cp. «Персидские анекдоты», № 250.
№ 39. Персидские анекдоты, № 475; «Таджикский народный юмор», «Два скупца», стр. 84.
№ 40. «Персидские анекдоты», № 5.
№ 41. Mot. J1141; cp. хикаят № 58.
№ 42. «Таджикский народный юмор». «Место поэта», стр. 80.
№ 43. «Персидские анекдоты», № 135.
№ 44. Mot. J1454.
№ 45. Cp. Mot. J1291.2.
№ 46. «Персидские анекдоты», № 349.
№ 48. «Персидские анекдоты», № 104.
№ 51. «Курдские народные сказки», № 27, Chauvin, 8, 144, № 145B; Mot. K978.
№ 53. Mot. J1423; «Персидские анекдоты», № 332.
№ 55. Mot. K1715.1; «Грузинские народные сказки», «Лев и заяц», стр. 407—408.
№ 56. Cp. AaTh33; Mot. K522.
№ 57. Mot. D1346.4.
№ 58. Mot. J1141; cp. хикаят № 41.

СВОДНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ СЮЖЕТОВ И МОТИВОВ *

В сводном указателе материал располагается в порядке сюжетов и мотивов. За номером сюжета или мотива (после знака :) дается номер сказки или хикаята, набранный жирным шрифтом. (Перед номером хикаята стоит буква X.)

AaTh. 33: X56 — 51: X33 — 52: X36 — 125: X35 — 126: X35 — 150: X10 — 155: X14 — 327: 3 — 460B: 20 — 461 111: 20 — 514: 2 — 516: 14 — 518: 1 — 554: 5, 6 — 563 1: 1 — 567: 6 — 612: 18 — 655: 22 — 670: X19 — 745: X24 — 852: X38 — 854: 6 — 910: 21 — 951A: X29 — 976: 22 — 1352: X11 — 1380: 12 — 1536B: 12 — 1573: X11 — 1626: X31 — 1920: X38

Mot. B216: X19 — B350: 5, 6 — B381: 6 — B571: 5, 6 — B582.2: 5, 6 — B582.2.2: 5 — D11: 2 — D12: 2 — D132.2: 4 — D141: 4 — D832: 1 — D926: 2 — D1155: 1 — D1203: 1 — D1346.4: X57 — D1401.1: 1 — D1454.2.1: 5 — E34: 15 — E165: 18 — G11.3: 3 — G265.3: 4 — G401: 3 — H171.2: 6 — H1091.1: 5, 6 — H1281: 20 — H1291: 20 — H1292: 20 — H1292.2: 20 — J21: 21 — J21.12: X10 — J21.13: X10 — J163.4: 21 — J681.1: X26 — J1115.2: X12 — J1141: X41, X58 — J1162.2: 21 — J1172.1: X18 — J1172.3: X14 — J1291.2: X45 — J1423: X53 — J1451: X31 — J1454: X44 — J1919.1: X5 — J2317: X4 — K342: 1 — K522: X56 — K604: X10 — K605: 3 — K978: X51 — K1085: X11 — K1341: 6 — K1553: 12 — K1715.1: X55 — K1715.2: X35 — K1971.1: 12 — K2213.3: 4 — K2213.5: 18 — K2213.6: 4 — K2322: 12 — L112.2: 3 — L392: X8 — M254: 18 — M312.3: 6 — N212: X24 — N333.2: X22 — N456: X19 — N771: 2 — N773: 2 — Q465: 4 — R155.1: 3 — T11.3: 14 — T252.2: X19 — T252.3: X19 — T511.2: 3 — U30: X31, X32, X33 — W154.2.1 — X14

EbBo 55: X10 — 123: 21 — 127: 20 — 161 II: 3 — 174, 1—5, 10: 6 — 204, 8: 4 — 289: 15 — 344: X29 — 359, 2: 12

* Составлен А. Яскеляйн.

СОДЕРЖАНИЕ

К. А. Лебедев. От составителя	5
---	---

ВОЛШЕБНЫЕ СКАЗКИ И ЛЕГЕНДЫ

1. Джамаль-хан и Зебниса. Перевод Г. Гирса	13
2. Волшебный колодец. Перевод Г. Гирса	15
3. Ним-Куни. Перевод К. Лебедева	17
4. Удивительная история. Перевод К. Лебедева	19
5. Дракон и царевич. Перевод К. Лебедева	21
6. Джаллат-хан и Шмайла. Перевод Л. Яцевич	27
7. Муса-джан и Вали-джан. Перевод Л. Яцевич	44
8. Легенда о Талиб-джане, или мулла Аббас и Гульбапра. Перевод Л. Яцевич	84
9. Адам-хан и Дурханый. Перевод К. Лебедева	117
10. Мурый и Мирос. Перевод Г. Гирса	161
11. Факир. Перевод К. Лебедева	171
12. Беспутная жена. Перевод К. Лебедева	172
13. Одержимый факир и шахская дочь. Перевод Г. Гирса	175
14. Влюбленный принц. Перевод Г. Гирса	176
15. Рассказ о пророке Хизре, о женщине и о двух головах. Перевод К. Лебедева	178
16. Пророк Ибрагим Халилулла. Перевод Г. Гирса	178
17. Славный юноша Гаус аль-Азам. Перевод Г. Гирса	180
18. Благородный муж и вероломная жена. Перевод Г. Гирса	182
19. Иносказание. Перевод К. Лебедева	186
20. Человек и счастье. Перевод К. Лебедева	187
21. Лешечки за совет. Перевод К. Лебедева	189
22. Три брата и рубин. Перевод К. Лебедева	192

БЫТОВЫЕ СКАЗКИ И ХИКАЯТЫ

1. Вор и мудрец. Перевод А. Герасимовой	201
2. Аяз и жемчужина. Перевод А. Герасимовой	202
3. Скупой. Перевод А. Герасимовой	203
4. Хитрый ученик и мнительный учитель. Перевод А. Герасимовой	204

5. Дружба дурака равносильна дружбе врага. Перевод А. Герасимовой	207
6. Силен тот, кто не угнетает слабого, даже если наносится ущерб самому себе. Перевод А. Герасимовой	208
7. Плохой аппетит. Перевод А. Герасимовой	208
8. Начало и конец. Перевод А. Герасимовой	209
9. Справедливый хаким. Перевод А. Герасимовой	211
10. Три заповеди воробья. Перевод А. Герасимовой	212
11. Нет ничего губительнее слетни. Перевод А. Герасимовой	214
12. Верное средство. Перевод А. Герасимовой	215
13. Урод и красавица. Перевод А. Герасимовой	216
14. Не следует доверять словам врага, иначе не миновать беды. Перевод А. Герасимовой	217
15. Алчность всегда доводит до беды, терпеливость же оставляет в безопасности. Перевод А. Герасимовой	219
16. Нет худа без добра. Перевод А. Герасимовой	219
17. Скрига всегда несет двойной убыток. Перевод А. Герасимовой	220
18. Справедливый судья. Перевод А. Герасимовой	221
19. Бык, осел и петух. Перевод А. Герасимовой	221
20. Ничего не доводи до крайности. Перевод А. Герасимовой	223
21. Жадность. Перевод А. Герасимовой	224
22. Выбирай друзей с умом. Перевод З. Калининой	225
23. Не берись не за свое дело. Перевод З. Калининой	226
24. Чему быть, того не миновать. Перевод З. Калининой	226
25. Когда твои враги меж собой не ладят, можешь спать спокойно. Перевод З. Калининой	229
26. Слушай хорошие советы. Перевод З. Калининой	230
27. Не делай зла: за него заплатишься. Перевод З. Калининой	231
28. Будь милосерден. Перевод З. Калининой	232
29. О талантах. Перевод З. Калининой	234
30. Об одном хитреце. Перевод З. Калининой	236
31. О нахальном верблюде. Перевод З. Калининой	238
32. Ястреб и куропатка. Перевод З. Калининой	239
33. Как надо делить добычу. Перевод З. Калининой	240
34. Алчность не имеет границ. Перевод З. Калининой	242
35. У страха глаза велики. Перевод З. Калининой	243
36. Умного человека можно обмануть один раз, а глупого — двадцать. Перевод З. Калининой	244
37. Злой человек не желает добра даже себе. Перевод З. Калининой	248
38. Три жулика. Перевод З. Калининой	249
39. Кольцо на память. Перевод К. Лебедева	251
40. Умный факир. Перевод К. Лебедева	252
41. Умный судья. Перевод К. Лебедева	252
42. Дрожь помогла. Перевод К. Лебедева	253
43. Родственник. Перевод К. Лебедева	253
44. А кто художник? Перевод К. Лебедева	253
45. Ощутимый ответ. Перевод К. Лебедева	254
46. Спор. Перевод К. Лебедева	254
47. Умный везир. Перевод К. Лебедева	255
48. Мудрый судья. Перевод Т. Кухтиной	256
49. Неблагодарный конь. Перевод Т. Кухтиной	256

50. Мечта раба. Перевод Т. Кухтиной	258
51. О добре и зле. Перевод Т. Кухтиной	259
52. Добрый совет. Перевод Т. Кухтиной	260
53. Петух и сокол. Перевод Т. Кухтиной	261
54. Хитроумный раб. Перевод Т. Кухтиной	262
55. Хитрая зайчиха. Перевод Т. Кухтиной	263
56. Купец и попугай. Перевод Т. Кухтиной	267
57. Дерево жизни. Перевод Т. Кухтиной	268
58. Купец и караванщик. Перевод Т. Кухтиной	270
Примечания к переводу	272
Типологический анализ сюжетов и мотивов	274
Сводный указатель сюжетов и мотивов , , ,	277

АФГАНСКИЕ СКАЗКИ И ЛЕГЕНДЫ

*Утверждено к печати
редколлегией серии «Сказки и мифы»
народов Востока»*

Редактор *Н. Б. Кондырева*. Младший редактор *Р. Г. Канторович*. Художник *Л. С. Эрман*. Художественный редактор *И. Р. Бескин*. Технический редактор *Л. Т. Михлина*. Корректоры *В. В. Волович* и *М. К. Киселева*

Сдано в набор 22/III 1972 г. Подписано к печати 4/X 1972 г. Формат 60×84¹/₁₆. Бумага № 1. Печ. л. 17,5. Усл. печ. л. 16,275. Уч.-изд. л. 15,16. Тираж 100 000 экз. Изд. № 2963. Зак. № 1307. Цена 81 коп.

Главная редакция восточной литературы издательства «Наука»
Москва, Центр. Армянский пер., 2

Ордена Ленина типография «Красный пролетарий»,
Москва, Краснопролетарская, 16.